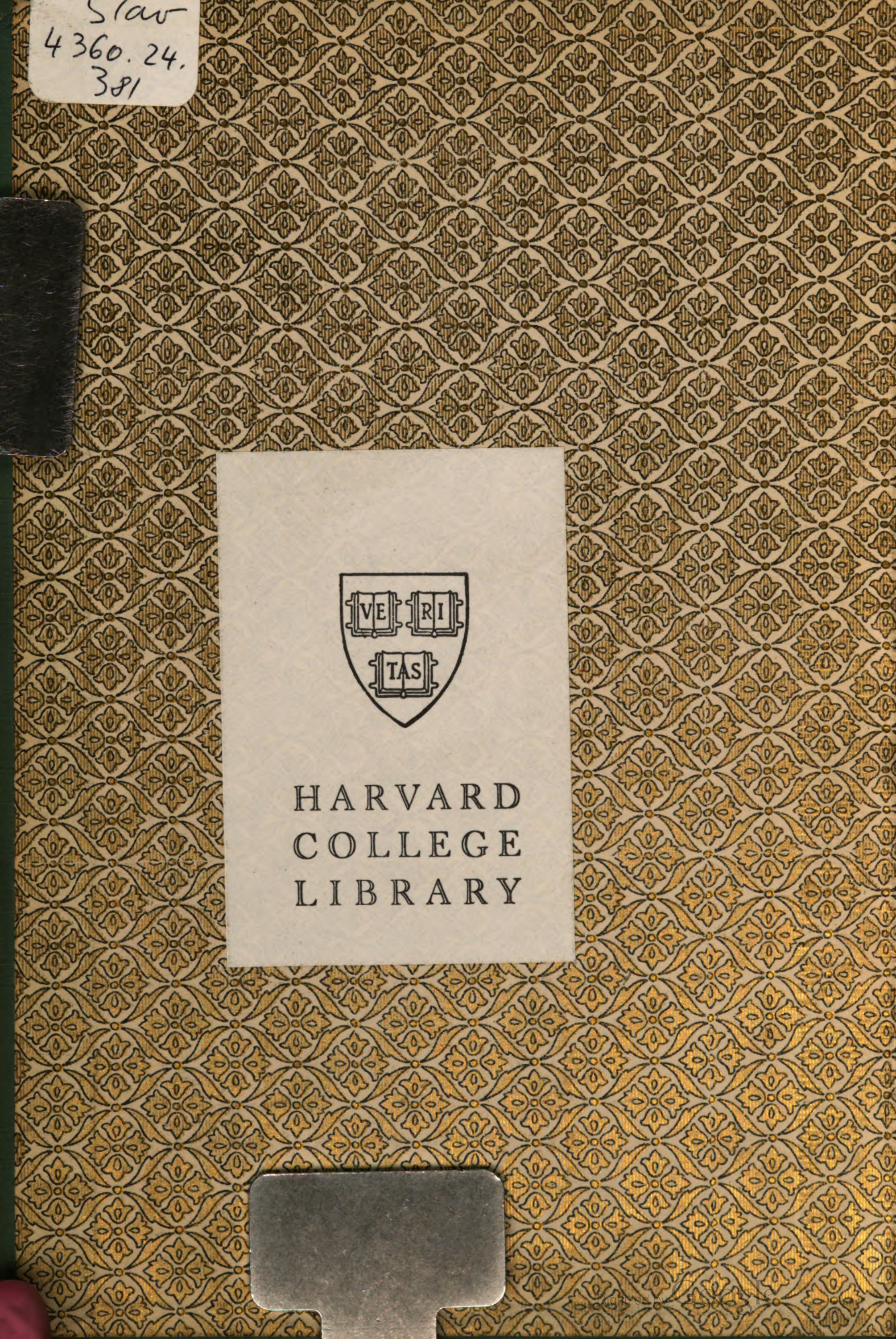

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Фантастическiе разсказы

В. Желиховская

ФАНТАСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА

С. С. СОЛОМКО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1896

Рисунки дозволены цензурою. Спб., 18 декабря 1895 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

СВЯТОЛѢССКІЕ ПѢВЦЫ

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

СВЯТОЛѢССКІЕ ПѢВЦЫ

Старинное преданіе.

Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ привелось мнѣ проводить лѣто въ деревнѣ, на югѣ Россіи, въ очень живописной мѣстности. Въ окрестностяхъ намъ показывали много древнихъ кургановъ; возлѣ озера, въ красивомъ дубовомъ лѣсу уцѣлѣли еще многія развалины, по преданію, цѣлаго города, по имени котораго будто бы и вся эта мѣстность называлась Святолѣсскою. Неподалеку отъ озера, среди богатаго черноземнаго поля, цѣлая груда камней указывала мѣсто церкви, носившей странное названіе «выпѣтой». Собственно церкви не было и слѣда, всего нѣсколько кучекъ булыжника проросшихъ травой; но мѣстные жители утверждали, что здѣсь именно, до татарскаго погрома, стоялъ древній храмъ, называвшійся такъ, и въ доказательство пережившаго вѣка уваженія къ этому мѣсту, на немъ крестьяне отъ времени до времени возобновляли простой, не-

отесанный, бревенчатый крестъ. Зимой это мѣсто представляло снѣжный курганъ, а лѣтомъ довольно цвѣтущій бугорокъ, съ покосившимся крестомъ на верхушкѣ.

Я долго не могла добиться почему это мѣсто называлось «выпѣтымъ». Кто его выпѣвалъ? Никто не зналъ и сказать мнѣ не могъ, пока не познакомилась я съ одною старою-престарою старушкой помѣщицей, которая заявила мнѣ, что знаетъ хорошо преданіе о Святолѣсской Выпѣтой церкви; что у нея хранится даже о немъ разсказъ — семейная рукопись чуть ли не прадѣда ея.

Эту рукопись она показала мнѣ, а я, переписывая ее, постаралась только немного поновить ея слогъ, придерживаясь по возможности близко подлинному разсказу.

I.

Было то давно, не при отцахъ, не при дѣдахъ нашихъ, даже не при пра-прадѣдахъ, а и того гораздо пораньше. Было это въ тѣ времена, когда славные богатыри по святой Руси похаживали; похаживая, дубинками, кистенями помахивали; помахивая, съ басурмановъ головы сымали, изъ-подъ семи замковъ у крылатыхъ зміевъ клады выкрадывали, у злыхъ кощеевъ изъ теремовъ красныхъ дѣвицъ выручали.

Въ тѣ ли темные, дальніе дни, свѣтъ вѣры Христовой рѣдкими огоньками по лицу земли Русской теплился. Боль-

шая часть людей Перуну грозному кланялася, Дидъ-Ладо не въ однихъ игрищахъ да пѣсняхъ славила,—а что ужъ Чернобога до того страшилася, что слугамъ его—кудесникамъ—работа не переводилась: чрезъ нихъ и мольбы возсылались, и жертвы идоламъ приносились.

Чѣмъ дальше отъ первокрещеннаго Кіева, тѣмъ рѣже сіяли кресты на храмахъ Господнихъ, тѣмъ чаще вздымались жертвенники въ честь языческихъ боговъ. Отъ града ко граду не видать было церквей христіанскихъ, да и въ самихъ-то градахъ не велика была истинная паства Господня... Искреннихъ, убѣжденныхъ христіанъ не очень много еще было.

Однако городокъ Святолѣсскъ, даромъ что лежалъ въ сторонѣ отъ проѣзжаго пути къ стольному граду Кіеву, промежъ черныхъ, дремучихъ лѣсовъ, за холмами высокими, за песками сыпучими, но величался своимъ кремлемъ, съ многоглавымъ соборомъ. И то сказать: могъ онъ точно величаться! Красой его Богъ не обидѣлъ. Каждый путникъ,—будь онъ злой нехристь-татаринъ, аль крещеный человѣкъ, все одно,—какъ выходилъ изъ-за темнаго лѣса, да сразу метался въ очи ему, на зеленой на горѣ, по-надъ озеромъ свѣтлымъ, городокъ съ пригородьями, валы крѣпостные съ частоколомъ высокимъ, а за частоколомъ соборъ пятиглавый, озолоченный, воеводскій домъ, съ расписными теремами боярскими, со столбами витыми, крылечками, да рѣзьбой узорною; да какъ бывало солнышко-то еще ударитъ въ красу его, да вся она какъ есть цѣликомъ опро-

кинется въ ясное зеркало водъ лазоревыхъ,—каждый поневолѣ остановится и подумаетъ: «Экая краса благодатная!... Ай да городъ Святолѣсскъ,—залюбуешься!»...

II.

Невдалекѣ отъ городка, на лѣсной опушкѣ, былъ погостъ съ малою часовенькой. Церкви при кладбищѣ не было: куда еще! Будетъ что въ кремлѣ бревенчатый пятиглавый храмъ всѣмъ на диво вздымался... О новой церкви Святолѣсцы еще не думали. Покойники побогаче да поважнѣй въ городу отпѣвались, бѣдные—въ часовенькѣ при погостѣ. А бóльшая часть жителей въ обрядахъ христіанскихъ и вовсе нужды не видала; кто просто умершихъ землѣ предавалъ, кто втихомолку курганы надъ ними вскапывалъ, тризны языческія попрежнему правилъ.

Часовенька при кладбищѣ была заложена временная купчиной богатымъ. Собирался онъ на мѣсто нея и всю церковь выстроить, потому что ужъ крѣпко напуганъ былъ: сталъ купчина помирать, а помереть ему крѣпко не хотѣлось. Вотъ и пообѣщался онъ, если выздоровѣетъ, во имя Успенія Божіей Матери храмъ на погостѣ построить. Захворалъ онъ какъ разъ объ этомъ праздникѣ, а на самое на Успеніе съ него какъ рукой хворость сняло... Дѣлать, стало, нечего: приходилося мошной тряхнуть. Заложилъ онъ будущую церковь, возлѣ выстроилъ часовеньку, и весь бы храмъ, статься могло, достроилъ, да только при-

шлось ему по дѣламъ изъ городу выѣхать,—уѣхалъ онъ и былъ таковъ! Не стало о немъ слуху, не осталось и духу.

Такъ и пришлось святолѣсскимъ покойникамъ одною, во имя Успенія, часовенькой пробавляться.

Никто о томъ не тужилъ, кромѣ развѣ одного попа Кипріана, духовника пропавшаго купца. Былъ онъ человѣкъ совѣстливый и пастырь добрый; мучило его сознаніе, что воспріялъ онъ обѣтъ духовнаго своего чада, самъ и мѣсто для храма святилъ и первый камень его заложилъ—и все то дѣло вышло облыжное!.. Ему казалось, что самъ онъ отчасти отвѣтственъ и виновенъ въ обманѣ, — хоть не намѣренно, а допустилъ ложный Богу обѣтъ... И сокрушался попъ Кипріанъ.

Тѣмъ горше сокрушался, что не видалъ себѣ ни въ комъ соучастія, и ясно было ему, что сколь много онъ ни старайся, какъ усердно ни обращайся къ благостынѣ христіанской, — но вѣкъ не собрать ему казны нужной для построенія заложеннаго храма.

Отецъ Кипріанъ былъ родомъ не русскій. Малымъ ребенкомъ прибылъ онъ изъ православной Греціи съ отцомъ своимъ, іереемъ. Отца его самъ князь Владиміръ Красное Солнышко съ другими пастырями выписалъ изъ Константинограда. Съ годами обрусѣла семья; Кипріанъ женился на дочери природнаго кіевлянина, на красавицѣ Миловидѣ, во святомъ крещеніи названной Любовью, и самъ пріялъ священство.

Вѣрно было дано женѣ Кипріановой христіанское имя:

ни въ комъ христіанское милосердіе и чистая любовь не могли горячѣе горѣть, какъ въ сердцѣ этой красавицы, обращенной благочестивымъ супругомъ въ ревностную христіанку.

Богъ благословилъ бракъ ихъ тремя дѣтьми: дочерьми Вѣрой и Надеждой и сыномъ Василько. Не могли попъ съ попадьей наглядѣться на дѣтокъ своихъ, души въ нихъ не чаяли! И то сказать, всѣ они трое красавцы были писаные, и душой столь же хороши какъ и обликомъ.

Надежда съ Вѣрой были близнецы и столь сходны, что отличить ихъ, кромѣ отца съ матерью, никто не могъ. Даже братъ, млаже ихъ на два года, часто ихъ смѣшивалъ и смѣючись говаривалъ: «Не все-ль мнѣ едино, кто изъ васъ Вѣра, кто Надежда?.. Гдѣ одна, тамъ и другая! Дѣлить васъ нельзя и люблю я васъ ровно... Для меня вы обѣ и матушка—третья—нераздѣльны. Всѣ вы трое—въ единой Любови и Любовь единая!»

И точно! Горячо другъ друга любили дѣти отца Кипріана. Братъ и сестры не разлучались и всегда ходили обнявшись, привлекая взоры и улыбки встрѣчныхъ своею миловидностью.

III.

У всѣхъ троихъ были чудесные голоса. Отецъ и мать ихъ научили многимъ священнымъ напѣвамъ; кромѣ того, попъ Кипріанъ выучилъ своего десятилѣтняго мальчика играть на гусляхъ. И такъ они втроемъ сладко играли и

пѣли, что въ праздничные дни, особенно долгими лѣтними вечерами, народъ толпами сталъ собираться подъ окно поповской избы, чтобы послушать пѣснь объ Іовѣ многострадальномъ, о чудномъ спасеніи трехъ отроковъ въ пещи огненной, или другое подобное сказаніе, которыя отецъ Кипріанъ умѣлъ искусно въ стихъ перекладывать.

Слушалъ ихъ народъ, заслушивался и уходилъ умиленный...

И вдругъ осѣнила благочестиваго іерея дума: «Не расточаются дары Господни напрасно. Не дана ли мнѣ, въ сладостныхъ голосахъ невинныхъ моихъ отроковъ, возможность снять съ своей и съ чужой души тяжесть невыполненнаго обѣта?.. Самъ Спаситель училъ не зарывать въ землю талантовъ... Пойду-ка я къ старцу Евѳимію, попрошу его разрѣшеніе и, коли онъ благословитъ, поставлю у порога моего кружицу для добровольныхъ приношеній на построеніе храма на бѣдномъ погостѣ нашемъ. Пусть народъ слушаетъ пѣніе моихъ дѣтей и въ умиленіи подаетъ, во спасеніе душъ своихъ, посильныя лепты.»

И пошелъ Кипріанъ въ Святолѣсскую пустынь, въ скитъ отшельника Евѳимія. Въ глухихъ дебряхъ лѣсныхъ основалъ святой старецъ одну изъ первыхъ иноческихъ обителей на Руси; но вскорѣ сожительство съ нѣсколькими братьями монахами, послѣдовавшими за нимъ въ пустыню, показалось ему тягостною суетой... Удалился онъ отъ заложеннаго имъ скита въ еще бо̀льшую глушь дремучаго бора; вырылъ себѣ малую пещерку и тамъ спасался въ

денныхъ и ночныхъ молитвахъ, видясь только съ тѣми, кто имѣлъ до него неотложное дѣло. Безъ особой нужды не дерзали нарушать уединеніе святаго старца даже братья его, иноки. По очереди, разъ или два въ недѣлю, тайкомъ крадучись, они навѣщали пустынника; съ низкимъ поклономъ клали на порогѣ пещерки его просфору и удалялись, не промолвивъ ни слова.

Однако тѣхъ пришельцевъ, кои къ нему обращались съ просьбой: «благослови, отче, на бесѣду, во спасеніе души!» Евѳимій осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ, выслушивалъ и давалъ наставленіе.

Радостный возвратился изъ скита отецъ Кипріанъ и тотчасъ принялся за дѣло.

Перенесъ онъ свою убогую хижину къ самому кладбищу; поселясь возлѣ самой часовни, сталъ безвозмездно совершать всѣ требы: отпѣвалъ, хоронилъ, поминалъ православныхъ, ничего для себя не требуя, лишь указывая просившимъ молитвъ его на вдѣланную въ камень у самаго входа въ часовеньку желѣзную кружицу, съ поклономъ говоря каждому:

— Не для меня жертвуете, православные,—для себя самихъ, на построеніе храма, во имя Пресвятой Матери Господа нашего Іисуса Христа,—по обѣту здѣсь заложеннаго, да не выстроеннаго.

И давали добрые люди полушки и гривны,—кому сколько въ силу-мощь было; давали тѣмъ щедрѣй и охотнѣй, что нигдѣ никто не слыхивалъ столь сладостнаго пѣнія,

какъ на служеніяхъ отца Кипріана. Двѣ дочери и отрокъ сынъ служили ему клиромъ.

Когда же наступали вешніе дни, оконца и двери отворялись въ поповой избѣ; семья выходила коротать долгій золотой сумракъ на крылечко; туда Василько выносилъ свои гусли и, присѣвъ съ сестрами на ступеньки, первый подавалъ имъ голосъ. Когда юные голоса ихъ разливались въ хвалѣ Богу, Создателю утренней и вечерней зари, солнца жаркаго, и кроткаго мѣсяца, и ясныхъ звѣздъ что̀ вокругъ нихъ зажигалися въ румяныхъ еще небесахъ, — тогда лужайка предъ погостомъ покрывалась народомъ. Сосѣди изъ пригородовъ и горожане изъ-подъ кремля самаго стекалися послушать дивное пѣніе. Многимъ казало́сь, что Божья благодать, миръ и любовь нисходятъ вмѣстѣ съ волнами звуковъ въ смягченныя сердца. Многимъ хотѣлось молиться: имъ чудилось что ангелы Божіи сходятъ съ ясныхъ небесъ и свои голоса примѣшиваютъ къ пѣнію отроковъ... Полушки и гривны тогда частымъ дождикомъ стучали о дно кружки церковной, и радовалось сердце отца Кипріана, слыша стукъ этотъ и внемля просьбамъ народа, говорившаго его дѣтямъ:

«Пойте, отроки Божіи! Славьте еще Отца Вседержителя, и Духа Святаго, и Христа-Спасителя, и Пресвятую Матерь Его!.. Добро намъ слушать васъ! Пойте! А ужъ мы порадѣемъ на построеніе храма.

И точно радѣли не скудно!.. Чаще и чаще приходилось Кипріану соборнаго протопопа, отца-казначея, трево-

жить: считать жертвенные сборы на храмъ Успенія и сдавать ихъ въ кремль, на храненіе.

— Еще до будущей весны повременимъ, да ужъ можно будетъ, съ помощью Господа, по-малу къ постройкѣ приступать! радовался отецъ Кипріанъ, а за нимъ радовались и благодарили Бога за ниспосланную имъ благодать и жена его и дѣти.

Откуда чтó бралося у этихъ, Божіею благодатью взысканныхъ дѣтей! Послѣдніе годы отецъ, удрученный службами и добровольными требами, пересталъ заботиться имъ пѣсни складывать: сами они ихъ на лету составляли. Особливо сестры доходчивы на стихъ были! Лишь прочтетъ чтó отецъ въ священномъ писаніи или во Псалтири,— сейчасъ у нихъ и пересказъ, и пѣснь готовы...

Словно премудрость свыше осѣняла ихъ разумъ,—изъ чистыхъ сердецъ и чистыхъ устъ ихъ славословія сами собой изливалися.

IV.

Славословія пѣвцовъ-отроковъ изливалися простосердечныя, всѣмъ понятныя, до глубины самыхъ черствыхъ душъ доходившія и лучше вкоренявшія вѣру Христову въ окрестномъ населеніи, чѣмъ требы церковныя, не всѣмъ понятныя.

Вскорѣ слухи объ ангельскомъ пѣніи въ семьѣ святолѣсскаго священника разошлись далеко, дошли до самаго

Кіева; множество богомольцевъ стало нарочно съ пути сворачивать, чтобы послушать гусли отрока Василько и пѣніе его съ сестрами. Изъ Кіева же былъ присланъ отъ начальства запросъ: что за притча творится въ семьѣ отца Кипріана?.. Нѣтъ-ли обману какого? Нѣтъ-ли прельщенія бѣсовскаго, зловреднаго?..

Но еще ранѣе запроса пришелъ изъ скита старца Евѳимія къ протопопу святолѣсскому инокъ съ словеснымъ его наказомъ: что такъ и такъ де,— будетъ запросъ объ отцѣ Кипріанѣ и семьѣ его, такъ проситъ старецъ Евѳимій ихъ не замаять лихою отповѣдью, а все по правдѣ доложить, что доброе дѣло ими творится съ его, Евѳимія, благословенія... Дѣло и само было по плодамъ своимъ видно: послушали посланцы кіевскіе пѣнія, умилилися душевно! Пересчитали казну для постренія храма собранную—умилилися пуще, похвалили попа Кипріана, похвалили богоугодное житіе семьи его и сладкогласное пѣніе дѣтей и восвояси отбыли обратно.

Но приключилося тутъ особое дѣло, поднявшее грозу и гоненія на благочестивую семью. Воевода святолѣсскій, бояринъ Вуреводъ и молодой его племянникъ Ратиборъ сами полюбопытствовали послушать пѣніе; отецъ Кипріанъ возилъ дѣтей въ домъ воеводы. Обласкали ихъ тамъ; вдовый бояринъ водилъ ихъ въ теремъ къ своимъ дочерямъ невѣстамъ, и тѣ, хотя, сказывали Вѣра и Надежда родителямъ, гордо обошлися съ ними, но пѣніе ихъ одобрили. А ужъ думные бояре съ дьяками и со служилыми людьми

въ голосъ захвалили дочекъ поповскихъ и такъ-то смотрѣли на нихъ, что обѣ не знали, куда глаза дѣвать.

И вотъ зачастили послѣ того воевода съ племянникомъ на погостъ «слушать божественное пѣніе»... Василько хвалили въ мѣру, за то на дѣвицъ хвала безъ мѣры сыпалась и уже такъ-то ласковъ былъ воевода и такъ-то пристально молодой его родичъ съ пригожихъ дочекъ ея глазъ не спускалъ, что попадья сказала мужу:

— Ой, Кипріанушко, сдается мнѣ, что не даромъ зачастили къ намъ эти бояре!

— А вѣстимо не даромъ! весело отозвался попъ.— Гляди какъ кружка наша сборная отяжелѣла: того гляди надо ее опять въ кремль везти, казначею сдавать!

— Не то я сказываю, Кипріанушко! Смотри, не пришлось бы намъ родныхъ дочекъ изъ дому свезти... Воевода-то съ Вѣры глазъ не спускаетъ, а племянникъ его какъ воззрился на Надежду, такъ никого и ничего опричь ея красы и не видитъ.

Смутился отецъ Кипріанъ.

— Ну ужъ ты, баба! говоритъ:— у васъ все только этакое на умѣ! Бояринъ Буреводъ въ дѣды дочкамъ нашимъ годится, станетъ онъ на дитя льститься?... Да и Ратиборъ Всеславовичъ не такихъ красавицъ, я чай, въ Кіевѣ видывалъ.

— Такихъ красавицъ писанныхъ и на всемъ-то свѣтѣ мало! вздохнула матушка попадья.

V.

Отецъ Кипріанъ женѣ не возражалъ, но призадумался. Зналъ онъ, что обѣ дочки его Богу обѣщанныя невѣсты: съ тринадцати годковъ стали онѣ всѣмъ сердцемъ въ монашество рваться. Нынѣ шелъ имъ шестнадцатый годъ. Не одинъ женихъ пробовалъ свахъ засылать, но отвѣтъ всѣмъ былъ одинъ: за честь благодарятъ покорно, а о бракѣ не помышляютъ. Монашескихъ обителей въ то время на Руси еще не было; желающіе спасаться удалялись въ скиты, въ пустыняхъ себѣ келіи ставили, какъ святолѣсскій старецъ Евѳимій. О женскихъ монастыряхъ и не слыхивали. Но у отца Кипріана родная сестра была игуменіей монашеской обители на родинѣ его. Онъ много разсказывалъ о ней семьѣ, и обѣ дѣвушки рвались поступить подъ святой кровъ ея, и хотя сознавали, что это трудно исполнимая мечта, но дали обѣтъ безбрачія и заявили о томъ родителямъ.

Права оказалась матушка: не откладывая въ долгій ящикъ своихъ помысловъ и на свахъ не тратясь, самъ бояринъ Буреводъ за себя и за племяша посватался. Призвалъ онъ разъ, послѣ соборной обѣдни, къ себѣ попа Кипріана, да и говоритъ:

— Ну, отче, видно твое счастье! Вдвойнѣ хочу съ тобой породниться: давай намъ въ жены дочекъ твоихъ— мнѣ Вѣру, а Надежду—братнину сыну. На роду имъ писано боярынями быть.

Поблѣднѣлъ отецъ Кипріанъ, затрясся даже весь. А воевода смотритъ, да въ сѣдую бороду ухмыляется... Отъ великаго счастія, думаетъ, батька голову потерялъ!

— Ну, ну! говоритъ ему, — успокойся, да благодари Бога, что мы съ племянникомъ честные люди... Поди объяви семьѣ радость. На̀ той недѣлѣ сговоры справимъ, а тамъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку! Самъ насъ, отче честной, вѣнцами благословишь... Иди съ миромъ! Завтра подарки невѣстамъ пришлемъ.

И ушелъ попъ Кипріанъ, не посмѣлъ перечить, самъ только мыслилъ: «Эхъ, грѣховодникъ старый! за что̀ только Бога благодарить наказываетъ!... Ну, что̀ теперь будетъ?... Положимъ, обѣта настоящаго дочки не давали, да и не въ такихъ лѣтахъ онѣ, чтобы Господу ихъ обѣщанія пріять... Отъ грѣха онѣ свободны, но... захотятъ ли?... Прельстятся ли славой мірскою?... Неволить ихъ я не могу!»

VI.

Какъ березки подъ зимнимъ инеемъ побѣлѣли сестры, услыхавъ вѣсть привезенную отцомъ! Обнялись онѣ, прислонилися другъ ко дружкѣ, смотрятъ на отца большими, затуманенными, но и сквозь слезы блиставшими какъ звѣзды небесныя, глазами, а сами дрожмя-дрожатъ, такъ что и слова высказать не могутъ.

Испугалися отецъ съ матерью.

— Чтó вы! чтó вы, голубки наши бѣлыя?... Чего испугалися?... Вѣдь неволить васъ не станемъ!

Тутъ Вѣра, считавшаяся старшею, брови нахмурила и выговорила, строго-престрого на отца глядючи:

— Неволить?... Кто-жъ насъ можетъ неволить, когда мы Господу Богу обѣщаны!? Убить насъ можно! Но замужъ отдать нельзя!

— Чтò-жъ ты, батюшка, воеводѣ отвѣтилъ? прошептала Надежда.

Потупился отецъ Кипріанъ подъ взглядомъ дочекъ своихъ.

— Чтò-жъ! говоритъ.—Я за васъ рѣшенія класть не могъ. Дѣтьми вы замыслили себя Богу посвятить... Настоящаго обѣта не давали... Дѣло это трудное!... У насъ женскихъ обителей, куда бы вамъ пріютиться, и вовсе нѣтъ!

— Нѣтъ — такъ и безъ пріюта свой вѣкъ изживемъ! твердо выговорила Вѣра.

— А и вѣкъ-то нашъ не гораздо длиненъ! прибавила сестра ея.

— Полно-ко: никто не вѣсть ни дня своего, ни часа! замѣтилъ отецъ.

А мать и братишка заплакали отъ такихъ Надеждиныхъ словъ. Знали они, что обѣ сестры увѣрены въ своей скорой смерти: были имъ, сонныя аль явныя, — сами не вѣдали онѣ того,—только были видѣнія вѣрныя.

Въ тотъ же день побывалъ отецъ Кипріанъ у воеводы, низко кланялся ему на милости, заявлялъ, что дочки боя-

рамъ челомъ бьютъ за великую честь, будутъ де ихъ имена на молитвахъ поминать съ благодарностью, но выйти въ замужество не могутъ: Богу безбрачіе ими обѣщано...

Заявить-то объ этомъ попъ заявилъ, да ужъ и самъ не зналъ какъ его ноги изъ палатъ боярскихъ вынесли, до того разгнѣвался на него воевода! Такъ забранилъ онъ и ногами затопалъ, что свѣта не взвидѣлъ отецъ Кипріанъ и сумрачный вернулся домой. Слышалъ онъ, уходя, какъ меньшой, Ратиборъ, останавливалъ дядю во гнѣвѣ и нехорошія слова молвилъ.

— Полно-ко тебѣ, дядюшка, гнѣваться! позеленѣвъ отъ злобы, сказалъ Ратиборъ Всеславовичъ. — Сами себѣ дѣвки вороги: не хотятъ добромъ за насъ итти, — силкомъ ихъ заберемъ — и вся недолга!

И пуще ярости стараго боярина испугала священника злобная рѣшимость молодого. Повѣдалъ онъ объ этомъ матери-попадьѣ; наставлялъ, чтобъ она никуда дочекъ однѣхъ не пускала, берегла бы ихъ денно и нощно; а самъ даже двухъ злющихъ псовъ завелъ, чтобы по ночамъ никого близко къ дому не подпускали. Ночи-то какъ разъ становились длиннѣе, подходило осеннее, ненастное время.

Съ осенними холодами, какъ всегда, люди стали больше болѣть, простужаться. Прибавилось дѣла знахарямъ да попамъ; а ужъ такому-то какъ Кипріанъ, въ народѣ прозванному «безсребренникомъ», пуще всѣхъ приходилось работать. Другой день, отъ множества требъ, хлѣба куска не успѣвалъ проглотить. Не доѣдалъ и не досыпалъ, такъ

что домашніе его почти не видали. Когда же и бывалъ дома, то все жь въ избѣ мало сиживалъ, неустанно наблюдая за подвозомъ и складкой матеріала для будущей церкви. Съ осени порѣшилъ онъ все заготовить, а раннею весной приступить къ постройкѣ. За усталью, да семейными тревогами совсѣмъ поизвелся отецъ Кипріанъ; а тутъ еще на бѣду и самъ застудился и недомогалъ. Хорошо что, къ великому облегченію заботъ его, молодой бояринъ Ратиборъ уѣхалъ неожиданно въ Кіевъ. «Видно на службу отозвали его. Давненько онъ здѣсь баклуши-то билъ: авось его теперь не скоро отпустятъ», утѣшался отецъ Кипріанъ.

Примолкъ и воевода... Поповская семья о нихъ никогда рѣчей не держала, но въ тайнѣ всѣ радовались, что не стало у нихъ ни слѣда, ни слуху о дядѣ съ племянникомъ.

«Неужто жь пронесло мимо грозу? Подай, Господи!» думала мать-попадья и набожно крестилась.

Подошла зима со своими пушными покровами; все обложила лебяжьимъ пухомъ, обвѣшала алмазными ожерельями посыпала жемчугомъ. Въ томъ году она стала сразу снѣжная да суровая. Съ октября ужь пришлось отцу Кипріану всякія работы по постройкѣ бросить, а въ ноябрѣ весь заготовленный матеріалъ потонулъ подъ саженными снѣгами, такъ что поневолѣ на отдыхъ больше времени стало перепадать. Свободное время даромъ въ благочестивой семьѣ не пропадало; въ долгіе зимніе вечера, при свѣтѣ яркой лучины, прялись пряжи, ткались холсты; а пока

женскія руки были заняты рукодѣльемъ, отецъ съ сыномъ новые псалмы и молитвы на голоса раскладывали. Василько свои гусли перебиралъ, а сестры имъ обоимъ помогали и складъ налаживать и голосъ выводить. И такъ-то дружно и ладно у нихъ это дѣло спорилося, что, не глядя на заносы и метели, частенько въ ворота ихъ стучались гости: охотники послушать пѣвцовъ и зимой не переводились.

Съ благословенія отца протоіерея, Кипріанъ сталъ съ собой возить по праздникамъ дѣтей въ городъ; тамъ становились они на клиросѣ и своими чистыми, звонкими какъ серебро голосами, руководили общимъ пѣснопѣніемъ молящихся. Весь народъ вторилъ имъ, благоговѣйно взирая на свѣтлую красоту сестеръ, коихъ лики блистали благодатнымъ свѣтомъ ангельской чистоты и непорочности. Предъ всякимъ двунадесятымъ праздникомъ вся благочестивая семья постилась; а говѣла и пріобщалась Св. Тайнъ два раза въ году, въ Свѣтлый Христовъ день и въ Успеніе.

Не успѣли оглянуться, какъ подошелъ Рождественскій постъ. На святого мученика Филиппа заговѣлися, а съ Гурьева дня поститься стали строго, безъ рыбной снѣди, и каждый день дѣти сопутствовали отцу въ кремль къ обѣднѣ. Особливо дочери усердны были ко святому служенію, рѣдко пропуская утрени, не только что литургію. Василько чаще оставался дома съ матерью, которой ради хозяйственныхъ заботъ нельзя было выходить изъ дому ежедневно.

VII.

Въ ночь на 20 ноября было сестрамъ сонное видѣніе. Обѣ одновременно узрѣли въ свѣтломъ небѣ блистающую причастную чашу и обѣ слышали голосъ, возвѣщавшій великое таинство подлинными словами божественнаго пѣснопѣнія: «Тѣло Христово пріимите, источника безсмертія вкусите!»

Обѣ сразу поднялись на ложахъ своихъ и обѣ воззрились одна на другую, спрашивая:

— Что̀ это значитъ? Что̀ ты видала, сестра?

Повѣдали онѣ другъ другу свой дивный, одинаковый сонъ, и такъ порѣшили:

— Господь намъ близость земного конца возвѣщаетъ. Надо намъ пріобщиться Его Тѣлу и Крови... Да будетъ надъ нами Его святая воля!

На утро, вставъ, чтобы сопутствовать отцу въ Божій храмъ, онѣ разсказали ему о видѣніи своемъ и о желаніи, не отлагая, причаститься.

— Что же! скрывъ тревогу житейскую, согласился отецъ Кипріанъ:—ежели таково ваше желаніе, завтра, на утрени, исповѣдуйтесь, а за обѣдней, въ день Введенія во храмъ Пречистой Дѣвы Маріи, я пріобщу васъ Тѣлу и Крови Господнимъ... Только, по слабости нашей человѣческой, прошу я васъ, дѣти мои, поберегите мать вашу! Не тревожьте ее предвидѣніями скорой кончины вашей... Быть-

можетъ услышить Господь и наши моленія родительскія,— упасетъ васъ отъ смерти безвременной.

И было ими рѣшено скрыть отъ брата и матери свои помыслы о близости смертнаго часа.

На слѣдующій день, въ праздникъ Богородичный, пѣли дѣти отца Кипріана въ Святолѣсскомъ соборѣ; пѣли они, какъ въ тѣ вѣка водилось, со всѣми прихожанами вмѣстѣ, но ихъ чудные голоса выдѣлялись, какъ чистое серебро, въ общемъ хорѣ славословія. А когда Вѣра и Надежда подошли къ пречистой чашѣ, солнце пробилось сквозь зимнюю мглу и тремя яркими лучами озлатило ихъ благоговѣйно склоненныя головы; онѣ предстали народу словно видѣніе свыше, словно чистые серафимы въ облакахъ курившагося ѳиміама. Многіе вмѣстѣ съ ними молитвенно преклонили колѣна, а другіе въ толпѣ умиленно переговаривались.

— Смотрите, православные! Словно Божіи Ангелы къ намъ грѣшнымъ съ неба слетѣли! Не по-земному сіяютъ лики сихъ чистыхъ отроковицъ! Да и голоса ихъ звучатъ не по-земному.

И точно, красота сестеръ была чудно прекрасна! Она умиляла души избранныхъ, а иныхъ поражала не умиляя... У дверей храма, въ толпѣ, среди пришлыхъ богомольцевъ, одинъ парень въ лаптяхъ и мужицкомъ зипунѣ во всю службу глазъ съ нихъ не спускалъ, лобъ перекрестить забывалъ на нихъ глядючи. Не по-мужицки мужицкая одежда на этомъ парнѣ лежала; а забываясь, когда кто

его, по тѣснотѣ, ненарокомъ толкалъ или предъ нимъ становился, заслоняя ему поповскихъ дочекъ, онъ такъ гнѣвно да властно черными глазами вскидывалъ, что видѣвшіе только сторонилися, дивясь: ишь-де, сиволапый, какимъ соколомъ озирается!..

Кончилась служба. Воевода со своими пришелъ на паперть. Остановился тамъ, на посохъ воеводскій опираючись; сгребъ въ карманѣ пригоршню полушекъ, сталъ нищую братію, праздника для, одѣлять, да вдругъ какъ встрѣлся глазами съ высокимъ парнемъ въ зипунѣ, дрогнулъ и пріосанился.

Кабы кто сумѣлъ въ душу боярина Буревода прозрѣть прочелъ бы тамъ довольные помыслы:

«Ишь вѣдь, пострѣлъ, каково вырядился!.. И мнѣ не сказался что ужъ здѣсь!.. Ну видно и впрямь надо въ скорости гостей желанныхъ поджидать. Велю ключарю потайной калитки на ночь не замыкать!»

VIII.

Возвратился отецъ Кипріанъ съ семьей поздно. Приходилось ему въ городѣ еще кое-какія требы свершать; дѣти его на соборномъ дворѣ, у вдовой дьячихи-просвирни въ келійкѣ обождали. Звалъ ихъ отецъ казначей, протопопъ соборный, къ себѣ, пирожка съ грибами праздничнаго откушать,—да не захотѣли сестры, убоявшися разспросовъ да переговоровъ. Попадьи да поповны городскія имъ про-

ходу и то не давали: корили за спѣсь, за неразуміе! Какъ де было имъ за бояръ не пойти?.. Дѣвичье счастіе прозѣвали, чтобъ послѣ вѣкъ де плакаться.

Не хотѣлось Вѣрѣ и Надеждѣ ихъ вздорныя рѣчи бабьи слушать. Не хотѣлось отъ пересмѣховъ дѣвичьихъ, отъ взглядовъ, да заигрываній нескромныхъ ихъ братьевъ да мужей терпѣть. Не любили онѣ по гостямъ да по чужимъ людямъ ходить.

Едва въ полдень поповскія розвальни къ погосту подъѣхали, въ воротахъ переняла ихъ Любовь Касимовна; заждалася она мужа да дѣтокъ и вволю безъ нихъ нагоревалася. Пошла она, утречкомъ, помолившися, животинку въ хлѣвѣ да на дворѣ покормить,—глядь, а ихъ псы сторожевые, Орликъ да Соколъ, въ разныхъ концахъ двора лежатъ мертвые... Съ чего имъ смерть приключилася? Кто ихъ извелъ и почтò?.. Ума приложить не могла попадья, и сама не своя ходила, боясь, что не даромъ такое стряслося.

— Надо намъ, поди, лихихъ гостей ждать!.. Какъ сведутъ у насъ Сивку да Буренушку, кто насъ прокормитъ? Какъ до городу добираться будешь? сокрушалася мать-попадья.

Нахмурился отецъ Кипріанъ... Не за лошадь и коровку боялся онъ... Но въ скорости одумался, что на все — а тѣмъ паче на такія дѣла—воля Божья.

— Ну, какъ быть! вздохнувъ молвилъ онъ:—не надо на людей грѣшить! Какъ знать, можетъ Соколъ съ Орли-

комъ какого ни на есть зелья и сами хватили. Достанемъ другихъ собакъ!.. А пока будемъ сами на-сторожѣ. Авось Господь помилуетъ?.. Во всемъ вѣдь Его святая воля!

Вошли въ избу, потрапезовалъ отецъ Кипріанъ съ семьей, а послѣ обѣда взялъ заступъ, позвалъ Василько и пошли они зарыть въ землю вѣрныхъ сторожей своихъ. Мальчикъ плакалъ, прощаясь со своими добрыми товарищами, а отецъ его пожурилъ: стыдно де парню изъ-за псовъ слезы лить!

А въ избѣ, между тѣмъ, мать покачивая головой, говорила дочкамъ своимъ:

— Охъ, охъ! Не даромъ все я во снѣ видѣла, что тучи, черныя-пречерныя, надъ нашимъ жильемъ собираются!.. Быть надъ нами бѣдѣ!

— А чему, по волѣ Божіей, быть, того не миновать, матушка! Стало незачѣмъ и сокрушаться о томъ, надъ чѣмъ мы не властны!

— Только бы самимъ не грѣшить! Только бы чистыми предъ Его престоломъ предстать! А то—будь что̀ будетъ! Не все ли едино?.. Земная жизнь не долга, а вѣчная — въ нашихъ рукахъ!

— Сказано: волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Его! утѣшали мать дочери.

— А припомни, какъ ты намъ сны свои разсказывала, вдругъ вспомнила Надежда.—Не ты ли говорила, что грозныя тучи только напугали тебя, а изъ нихъ великій свѣтъ

исшелъ и всѣхъ насъ осѣнилъ?.. Вотъ, стало, горе-то намъ къ славѣ будетъ.

— Не къ земной, такъ къ небесной! добавила Вѣра.— По мнѣ такъ чѣмъ бы скорѣе Господь на насъ оглянулся и въ Свои обители призвалъ,—тѣмъ радостнѣй.

Крики, свистъ, пѣсни, пьяный хохотъ и рѣзкіе, задорные звуки какого-то гудка прервали рѣчи сестеръ. Шумъ этотъ въ послѣднее время имъ не въ диковину былъ; какъ разъ противъ избы отца Кипріана и противъ будущей кладбищенской церкви поселился цѣловальникъ. Въ праздники брага и пьяный медъ щедро лились въ его притонѣ, а скоморошныя пѣсни и богохульныя рѣчи—еще щедрѣй! Это сосѣдство очень смущало отца Кипріана, не столько для себя, какъ для погоста, въ виду будущаго стеченія рабочихъ на построеніе церкви... А цѣловальнику только того и нужно было. Извѣстно, чѣмъ ближе народъ, тѣмъ больше ему прибыли!

IX.

Но въ тотъ день ужь что-то особенно расплясались и распировались въ избѣ и предъ воротами цѣловальника. Зимнія сумерки скоро спустились, но ночка лунная была ясная. Полный мѣсяцъ стоялъ высоко въ небѣ, среди большущаго жемчужнаго круга, а на землѣ, одѣтой въ бѣлые снѣжные саваны, все таинственно сіяло и мерцало мертвымъ, холоднымъ блескомъ.

Передъ вечеромъ навѣдалися къ попу ближайшіе сосѣди, изъ пригорода. Старушка мѣщанка со слѣпымъ сынкомъ, подросткомъ; старикъ лавочникъ да двое-трое каликъ перехожихъ, богомольцевъ, зазимовавшихъ въ Святолѣсскѣ, по дорогѣ въ Кіевъ. Приходили они провѣдать, не будетъ ли, ради праздника, священнаго пѣнія у батюшки?.. Но отецъ Кипріанъ лишь головой мотнулъ на окошко, за которымъ виднѣлась ярко освѣщенная изба цѣловальника, откуда пѣніе и гоготъ неслися хуже прежняго.

— Развѣ жь статочно молитвенное пѣніе при такомъ нечестивомъ гомонѣ? сказалъ онъ.—Нѣтъ, православные, приходите ужъ вдругорядь: нынче не сподручно дѣтямъ пѣть.

— Да имъ обѣимъ и не такъ-то здоровится! отозвалася Любовь Касимовна.—Онѣ ужь къ себѣ въ свѣтелку поднялися.

Такъ и разошлись охотники до «божественнаго» пѣнія.

Отецъ Кипріанъ спросилъ жену, скрывая тревогу:

— А чѣмъ неможется дочкамъ?.. Аль захворали?

Но она его успокоила: такъ де, не по себѣ имъ, а не то чтобы хворость... Просто растревожилися, должно смертью Орлика да Сокола. Жаль ихъ, да и брата, что плакалъ...

— Глядя на его слезы, давеча, всплакнула и Надежда и заболѣла у нея головушка. Ну, а вѣдь ужъ вѣдомо, что коли у одной сестры что болитъ — заразъ и на другую переходитъ! объяснила Любовь Касимовна.

— Ну, Господь ихъ храни! Подь, Василько, зови сестеръ вечерять, помолимся да ляжемъ пораньше. Притомился я нонѣ!.. До ночи хоть отдохну, пока чтò, — на людяхъ не страшно, — а тамъ вѣдь надо однимъ глазкомъ спать, караулить насъ некому!

Сбѣгалъ Василько на верхъ въ свѣтлицу, засталъ сестеръ въ темнотѣ; онѣ лучинки не вздули, но мѣсяцъ ярко свѣтилъ въ слюдовое оконце, и мальчикъ увидалъ сразу, что сестры его сидѣли обнявшися; Надежда голову на плечо къ Вѣрѣ положила, а Вѣра ей житіе святыхъ тезоименитыхъ имъ и матери ихъ, Софіи, разказывала. Слышала Вѣра о нихъ отъ одного инока иноземнаго, котораго сестрѣ ея не довелося послушать, и съ той поры онѣ часто бесѣдовали о погибшихъ въ мукахъ за вѣру Христову святыхъ дѣвахъ, соименницахъ своихъ, о великомъ ихъ терпѣніи въ мукахъ и блаженной кончинѣ.

Услышавъ зовъ брата, онѣ отъ ужина отказались, но къ молитвѣ сошли; помолились вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, приняли ихъ благословеніе на сонъ грядущій и снова ушли къ себѣ.. Братъ посвѣтилъ имъ, пока онѣ на лѣстницу взошли, а когда хотѣлъ уходить, обѣ сестры его обняли, перекрестили и сказали:

— Чтò бы ни приключилось, Василько, смотри не забывай насъ! Молись о насъ, какъ и мы о тебѣ и о родителяхъ нашихъ молиться будемъ... Кого любовь да молитва соединяютъ, для тѣхъ разлуки быть не можетъ! Запомни и перескажи эти слова наши отцу съ матерью.

Рано улеглась семья отца Кипріана, но долго заснуть въ ней никто не могъ. Сестры наверху о снѣ и не мыслили; а внизу родители и рады-бъ забыться сномъ, да плясъ, и гамъ, и пьяные крики у сосѣдей не давали покоя.

Одинъ Василько, забравшись на лежанку, скоро и сладко уснулъ.

X.

Межъ тѣмъ кутежъ и пированіе напротивъ поповской избы до полуночи не унимались. Еще бы! Кому на даровщинку не попируется?... Хмѣльное въ тотъ день было для всѣхъ даровое. Воевода-ль, сказывали, праздникъ справлялъ, или другой кто, на мошну тароватый, міръ угощалъ, только меды и брага лились незапретно, и къ полночи все въ лоскъ упилось. На версту во всѣ стороны, кажись, человѣка тверезаго не осталося.

Анъ—такъ оно казалося, а на повѣрку бы вышло, что человѣкъ съ десятокъ больше всѣхъ безчинствовали, да вѣрно меньше всѣхъ пили,—потому что лишнихъ всѣхъ опоивъ, сами какъ будто не брагу, а чистую воду тянули: только промежъ себя переглядывалися, да на своего старшова поглядывали.

А старшой-то ихъ тотъ самый соколикъ, что̀ утромъ давеча въ Божьемъ храмѣ побывалъ,—да Богу не маливался; съ воеводой на паперти взглядомъ спознался, да словомъ не перемолвился; а тутъ, у цѣловальника, день-деньской пилъ, да не напился,—какъ только увидалъ, что

на ногахъ никого не осталося, опричь его молодчиковъ, легонько присвистнулъ да за ворота и вышелъ.

Бѣлая тишь да гладь безмолвно морозною ночью сіяла́.

Бугры. да кресты на могилкахъ узорными тѣнями погостъ испещряли; крестъ на часовнѣ сіялъ будто алмазный, а тѣнь отъ нея не далеко ложилася,—очень ужъ высоко полная луна забралась... Очень высоко. Прямо надъ избой отца Кипріана она свѣтло-пресвѣтло сіяла, такъ и разливаясь лучами и блестками надъ островерхою свѣтелкой... Въ поповскомъ жильѣ нигдѣ свѣта не было... Все тамъ было мирно, тихо, недвижно.

Махнулъ рукой набольшій своимъ сподручнымъ, и десятокъ рослыхъ молодцовъ окружили его молча, глядя въ свѣтлыя очи ему, ожидая воли его и приказа.

Тихо былъ онъ отданъ. Крадучись по тѣни, подъ заборами, нѣсколько человѣкъ шмыгнули къ поповскому двору, перемахнули черезъ невысокій частоколъ и размѣстились по угламъ, да подъ выходами; другіе двое подхватили заготовленную подъ сараемъ у цѣловальника лѣстницу, обѣжали съ ней на поповскій задворокъ и приставили къ оконцу свѣтелки.

Въ ту же минуту, будто по уговору, въ томъ окошкѣ зажелтѣлъ свѣтъ...

«Ага! Тѣмъ и лучше! подумалъ Ратиборъ Всеславовичъ, сбрасывая на снѣгъ свою сермягу: виднѣй будетъ, коя моя, коя дядина!»

И вмигъ онъ на лѣстницѣ очутился.

XI.

Тѣмъ временемъ первая дрёма только-что свела зеницы отца Кипріана и жены его; а сынокъ ихъ, Василько, до того-ль разоспался, что никакъ, сколь ни старался, проснуться не могъ.

А проснуться бѣдный мальчикъ очень желалъ!

Ему привидѣлся дурной сонъ, тяжелый! Увидалъ онъ сначала обѣихъ сестеръ своихъ. Увидалъ, что Надежда въ свѣтелкѣ лежитъ блѣдная, неподвижная; а Вѣра, надъ нею склонившись, сама бѣлая да холодная, засвѣтила свѣчку восковую, тихо молитвы читаетъ, цѣлуетъ сестру и мысленно проситъ: «И меня возьми, Боже! И меня спаси и помилуй, съ ней вмѣстѣ, Господи милостивый, Іисусе Сладчайшій».

Но вдругъ свѣтелка пропала.

Видитъ Василько, будто стая голодныхъ волковъ окружила ихъ домъ, смотритъ на мѣсяцъ и воетъ!... Воетъ такъ громко, такъ жалобно, что во снѣ у мальчика сердечко сжалось отъ страху, заныло и сильнѣе забилось... Хочетъ онъ кликнуть собакъ. Изумляется, какъ же такъ молчатъ ихъ вѣрные сторожа? И вдругъ, во снѣ вспоминаетъ, что Орликъ и Соколъ издохли! Что самъ же онъ зарылъ ихъ только-что въ землю...

Вотъ одинъ волчище отъ другихъ отдѣляется.

Размашистымъ, сильнымъ прыжкомъ очутился онъ подъ оконцемъ, у свѣтелки сестеръ его; смотритъ онъ на окно,

смотритъ, огненныхъ глазищъ съ него не спускаетъ, а самъ по снѣгу хвостищемъ виляетъ, зубами пощелкиваетъ, кровавымъ языкомъ облизывается... А вотъ и привсталъ... И за нимъ еще двое сѣрыхъ привстали, и всѣ, крадучись, къ дверямъ, къ окнамъ ихъ дома пробираются, сторожами разсаживаются. А тотъ, первый, самый большой, какъ взмахнетъ съ земли — и прямо въ окошко!

Во снѣ Василько весь съежился и жалобно застоналъ!... Представилось ему, какъ злой волчище на сестрицъ его набросился; разорвалъ, растерзалъ ихъ на части; кровью ихъ, слезами чистыми упивается, тѣла ихъ бѣлыя по кускамъ рветъ и мечетъ...

Но вдругъ онъ, спящій Василько, такъ и застылъ въ недоумѣніи, въ восторгѣ... Онъ увидалъ сестеръ.

Вотъ онѣ обѣ,—Вѣра и Надежда,—не окровавленныя, не мертвыя, не растерзанныя, а сіяющія, радостныя, блаженныя!... Облитыя холоднымъ сіяніемъ луны, онѣ, оторванныя отъ земли, несутся къ ней жемчужной, въ свѣтлыя выси небесъ, сами блистая чистотой и счастіемъ. Летятъ онѣ обнявшись, крылами алмазными взмахиваютъ, ему съ высоты улыбаются; а оттолева, изъ-за мѣсяца свѣтлаго, изъ-за звѣздъ золотистыхъ, несутся во встрѣчу имъ хороводы такихъ же блистающихъ ангеловъ, какими онѣ обѣ сдѣлались, и поютъ: «Святъ! Святъ! Святъ Господь Саваоѳъ!...»

Такъ громка и торжественна стала ихъ пѣснь, что Василько проснулся, вскочилъ и вскричалъ:

Въ окнѣ неподвиженъ и блѣденъ стоялъ бояринъ Ратиборъ, а дочери отца Купріяна, одна лежала уже мертвой, а другая властно устраняла его рукою...

— Батюшка! Матушка!... Слышите-ль вы пѣснь ангельскую?... Славословіе великое!... Батюшка! Видишь ли ангеловъ Божіихъ? Они къ намъ летятъ! Они Вѣру и Надежду встрѣчаютъ!

Вскинулись перепуганные отецъ Кипріанъ и Любовь Касимовна.

Попъ первымъ дѣломъ къ окну бросился... Тамъ все казалось пусто и тихо; только еще долетали замиравшія пѣсни бражничавшихъ въ кабакѣ и слабый свѣтъ лучины свѣтился изъ окошекъ его.

— Чтò ты, чтò ты, паренекъ?... Богъ съ тобою, дитятко! кинулись отецъ съ матерью къ Василько.

Но въ этотъ мигъ, гдѣ-то сверху послышался стукъ и трескъ, будто чтò наверху разбивали. Попадья громко вскрикнула, а отецъ Кипріанъ, обезпамятѣвъ, самъ не свой бросился вонъ изъ комнаты въ сѣни, на лѣсенку, въ свѣтелку своихъ дочерей.

Однимъ взмахомъ руки онъ отперъ дверь настежь и окаменѣлъ на порогѣ.

Въ окнѣ предъ нимъ такъ же, какъ онъ, неподвиженъ и блѣденъ какъ мертвецъ, стоялъ молодой бояринъ Ратиборъ Буреводъ; а дочери его, одна ужъ остывшая, лежала на постели, а другая на колѣнахъ возлѣ нея, не обративъ даже лица на влѣзавшаго къ нимъ вора, властно устраняла его прочь протянутою рукой.

Эта рука и видъ умершей недвижимо приковали вора-боярина къ мѣсту.

На глазахъ пораженнаго отца Вѣра, какъ стояла колѣнопреклоненная надъ умершею сестрой, такъ тихо, тихо къ ней приклонилась и замерла,—сама мертвая.

XII.

Похоронили дочекъ отца Кипріана вмѣстѣ, въ одной могилкѣ, у самой церкви кладбищенской, гдѣ былъ намѣченъ алтарь. Осиротѣла, притихла семья. Не слышно въ ней стало ни лепета дѣвичьяго, ни смѣха молодого, ни пѣсенъ сладостныхъ. Василько не смѣлъ не только голосъ подать, но даже до гуслей дотронуться. Матушка Любовь Касимовна глазъ не осушала, извелась вся, да и мужъ ея не лучше смотрѣлъ, только что явно горевать себя не допускалъ, отъ слезъ воздерживался, а только бывало несчетно разъ во дню тяжело воздыхалъ да выговаривалъ: «Да будетъ воля Господня!»

Даже къ своему дорогому дѣлу, къ построенію храма, будто бы обравнодушилъ... Не то чтобы онъ не желалъ кончить его,—желалъ душевно! Пожалуй еще горячѣе прежняго; всю цѣль своей жизни полагалъ въ постройкѣ этой, именно оттого, что казалось ему, что какъ только церковь окончится,—такъ и онъ свободенъ будетъ отъ узъ земныхъ, и скорѣе всему здѣшнему конецъ придетъ.

Не признавался самому себѣ Кипріанъ въ этихъ помыслахъ: пойми онъ, что все земное счастіе его не ровно на всей семьѣ его держалося, а больше въ дочеряхъ его

заключалося, онъ ужаснулся бы такого беззаконія... Но такъ оно было, помимо воли его и сознанія. Прежде онъ никогда не думалъ радостно о земной кончинѣ, зная, что нуженъ онъ семьѣ; нынѣ же часто ловилъ себя на размышленіяхъ о соединеніи съ умершими и боялся, что вскорѣ станетъ въ тягость женѣ и сыну неспособностью своею къ труду, къ прежней дѣятельности.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ ослабѣлъ, опустился отецъ Кипріанъ, на десять лѣтъ состарился. Черезъ мѣсяцъ какой-нибудь, на Рождество Христово у службы въ соборѣ, куда не входилъ онъ, по болѣзни, съ самыхъ похоронъ Вѣры и Надежды,—прихожане его не узнали.

Но у самой той обѣдни приключилось дивное диво.

Во время пѣнія Херувимской, не совладалъ съ своимъ сердцемъ Василько! Вспомянулось ему, какъ пѣвалъ онъ эту пѣснь ангельскую вмѣстѣ съ сестрами, и позабылъ онъ отцовскій наказъ: не пѣть болѣе въ церкви съ прихожанами,—вознесся мыслью горѣ и запѣлъ... Запѣлъ—возносясь къ нимъ помысломъ, видя ихъ предъ духовнымъ взоромъ своимъ... Запѣлъ,—все земное и себя самого позабывъ.

И вдругъ какъ бы трепетъ какой прошелъ по всему народу во храмѣ: всѣ смолкли и слушали дивную пѣснь въ священномъ изумленіи... Откуда она?.. Кто это пѣлъ? Гдѣ тѣ пѣвцы, которыхъ голоса составляли на землѣ такой небесный хоръ, достойный клира ангеловъ?..

Никто не зналъ!.. Никто не могъ понять! Никто ни-

*

чего и никого не видѣлъ, кромѣ блѣднаго отрока, пѣвшаго за всѣхъ.

Василько стоялъ на колѣнахъ противъ отворенныхъ царскихъ дверей въ алтарѣ; затуманенные слезами глаза его были подняты къ небу, руки молитвенно сложены крестомъ, и пѣлъ онъ, вспоминая чудные голоса Надежды и Вѣры, за нихъ и за себя.

Трепетными руками вознесъ отецъ Кипріанъ священную чашу надъ головой своею и не сдержалъ, не могъ сдержать слезъ, оросившихъ лицо его, открывшихъ душу его къ нисходившей на него благодати. Впервые почувствовалъ онъ съ собою не мертвую память о дочеряхъ, а ихъ живое и животворное присутствіе.

XIII.

Съ этой памятной рождественской обѣдни отецъ Кипріанъ ожилъ. Ожилъ не здравіемъ, а духомъ,—ожилъ къ своимъ обязанностямъ, къ дѣлу. Воспрянула душой, по милосердію Божію, и Любовь Касимовна. Занялася она снова, какъ съ дочерями бывало, и хозяйствомъ, и рукодѣліемъ—не для себя, такъ для благостыни неимущимъ,—ткала и пряла для нищей братіи.

Послѣ водосвятія Крещенскаго дни стали свѣтлѣть да длиннѣть; а вскорѣ по сырной недѣлѣ снѣга начали чернѣть, подаваться теплу, сбѣгать съ отдохнувшей земли. Въ пере-

ломѣ поста прилетѣли вешнія пташки, побурѣли и вздулись вѣтви древесныя, зазеленѣли ранніе всходы.

Съ весной начались снова работы по постройкѣ церкви. Сталъ Кипріанъ ходить да на могилкахъ дочекъ своихъ сиживать не только во дни ихъ памяти, но изо-дня въ день, за работами наблюдая.

Повелъ онъ дѣятельную жизнь, но силами видимо ослабѣвалъ; сильно кашлялъ, и каждый вечеръ, несмотря на вешнее тепло, его билъ ознобъ, трясла лихоманка.

Въ свѣтлую утреню повторилося вновь, всему міру на удивленіе, пѣніе незримыхъ пѣвцовъ, въ лицѣ одного отрока Василько, пѣвшаго, ничего не замѣчая вокругъ себя, ни на кого не глядя, но все время видя возлѣ себя, не вьявь, а въ духѣ, своихъ умершихъ сестеръ... И когда пошелъ онъ послѣ того пѣнія съ кружкой, на сборъ для строившейся на погостѣ церкви, то никому изъ сборщиковъ впереди шедшихъ не отсыпали православные такъ щедро и съ такою охотой.

— Какъ ты дѣлаешь это, дитятко? Какъ можешь ты одинъ такъ звонко да голосисто пѣть? допытывалась у него мать.

— Не знаю, матушка! Право-слово не вѣдаю! отвѣтствовалъ Василько. Въ памяти моей — ихъ голоса! Въ душѣ—радостная любовь, а предъ очами—ихъ живые облики! Онѣ сами!.. И вотъ я пою—и онѣ вѣрно поютъ со мною вмѣстѣ, какъ прежде пѣвали, а народъ дивится!.. Не вѣритъ, что живы онѣ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.

А вѣдь сказывалъ я тебѣ много разъ послѣдній ихъ завѣтъ, когда прощались онѣ со мною... Помнишь?.. «Кого любовь да молитва соединяютъ,—для тѣхъ разлуки нѣтъ!» Правду онѣ сказывали, матушка!

— Правду, желанный мой! Правду! глубоко вздыхала мать-попадья. Велики дѣла Твои, Господи!

XIV.

Въ концѣ лѣта поспѣла постройка «Выпѣтой» отроками, дѣтьми отца Кипріана, церкви. Въ праздникъ Успенія Пречестной Богородицы освятили ее. Стеченіе народа было огромное. Святолѣсскій воевода и бояре, и все духовенство, и всѣ дьяки и приказные, со своими боярынями, и попадьями, и дьячихами, и приказничихами, съѣхались изъ города. Всѣмъ хотѣлося поглядѣть на *выпѣтую* церковь, изъ подаянныхъ грошей сложенную, и послушать пѣнія «отрока Божія» Василько.

И пѣлъ онъ, и съ нимъ пѣли пѣвцы незримые чудными голосами, на дивованіе всему міру.

Но то было ихъ послѣднее пѣніе, во славу выпѣтой ими церкви, и послѣднее ей и въ ней служеніе отца Кипріана. Послѣ розговѣнія, отпостившися и отговѣвшися напослѣдокъ съ семьей, благочестивый іерей слегъ въ предсмертной хворости и болѣе не вставалъ. Не долго пережила его Любовь Касимовна: по осени и ее поло-

жили рядомъ съ мужемъ и дочками, подъ сѣнью ихъ трудами воздвигнутаго храма.

А Василько?.. Что̀ сталось съ осиротѣвшимъ отрокомъ?.. Онъ сиротой себя не считалъ! Оставшись на землѣ одинъ, онъ видѣлъ и чувствовалъ себя всегда со своими... Онъ никогда не говорилъ о себѣ одномъ. Когда его спрашивали: гдѣ онъ былъ? Что̀ дѣлалъ?.. Чѣмъ онъ живъ?.. Василько, съ блаженною улыбкой на кроткомъ лицѣ, отвѣчалъ:

— Мы вотъ тутъ живемъ, возлѣ церкви... Мы нонѣ на погостѣ пѣли, а завтра пойдемъ въ соборъ... Живы мы, слава Всевышнему, благостью Господа нашего Іисуса Христа.

Когда ему доказывали, что онъ ошибается, что теперь сестры его ужъ больше съ нимъ не поютъ,—мальчикъ только усмѣхался и возражалъ, покачивая головой:

— Ой, поютъ! Да только я одинъ ихъ нонѣ слышу!.. Не хотимъ мы, чтобы всѣ насъ слышали.

Святолѣсцы его прозвали *блаженнымъ*. Многіе надъ нимъ смѣялись... Но Василько долго въ міру не нажилъ. Ушелъ онъ въ скитъ къ старцу Евѳимію. Съ его благословенія вырылъ себѣ келійку возлѣ пещеры схимника; служилъ ему по самую смерть святого старца, а когда онъ скончался, Василько остался одинъ жить въ его кельѣ.

И многіе годы по смерти Евѳимія сосѣдніе монахи, дровосѣки въ лѣсу, пастухи и перехожіе путники, слышали

на могилѣ его чудное пѣніе. То «блаженный» Василько вспоминалъ священные напѣвы, которые въ дѣтствѣ пѣвалъ со своими красавицами-сестрами.

Такъ кончалась переписанная мною старая рукопись.

КНЯЗЬ-РЫЦАРЬ

КНЯЗЬ-РЫЦАРЬ.

Святки!.. Не кажется-ли вамъ, что самое это слово, въ наше время—анахронизмъ?.. Мнѣ кажется, что оно совершенно утратило свой первобытный смыслъ и скоро станетъ намъ россіянамъ, совсѣмъ непонятнымъ терминомъ безъ всякаго внутренняго значенія. Развѣ есть у насъ *святки?*.. Никакихъ! Особенно въ столицѣ. У насъ есть зимніе праздники. Время, по преимуществу, баловъ, визитовъ, выродившихся, опошлѣвшихъ и всѣмъ надоѣвшихъ маскарадовъ и расходовъ! Преимущественно расходовъ, по мелочамъ, на извозчиковъ, на швейцаровъ. Вотъ и все!.. Даже и въ захолустьяхъ нѣтъ уже того, что бывало въ прежнія, сравнительно, еще не старыя времена. Гдѣ наши прежнія веселыя гаданія? Гдѣ вѣщія кольца, зерна, кутьи и пѣтухи—предсказатели свадебъ?.. Гдѣ веселыя переодѣванія, шумныя поѣздки ряженыхъ изъ дома въ домъ, по знакомымъ? Гдѣ былыя *вторженія* въ семейные, тихіе дома, со своимъ перекатнымъ, заразительнымъ весельемъ, съ

пѣснями, музыкой, пляской?.. Гдѣ наши прежнія развеселыя, широкія, всероссійскія святки?.. Нѣтъ ихъ!.. «А *святокъ* ужь нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно!».

Ужъ дѣти наши не вѣрятъ разсказамъ о прежнемъ задушевномъ, непритязательномъ веселіи; внуки его совсѣмъ не поймутъ.

Куда нашей бѣдной нынѣшней молодежи—переученой, пересыщенной, не успѣвъ пожить—отжившей,—постигнуть бывшее здоровое, самобытное умѣніе веселиться нашихъ отцовъ и матерей!

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ еще бывали святки по всей Руси. Лѣтъ тридцать тому назадъ еще ихъ знавали по деревнямъ и кое-гдѣ въ дальнихъ провинціяхъ. Нынѣ сомнѣваюсь, чтобы сохранилось такое счастливое захолустье, гдѣ дѣвушка въ семнадцать лѣтъ мечтала-бы о святочномъ гаданіи, а юноша задумывалъ повеселиться въ ватагѣ ряженыхъ товарищей.

Я помню много веселыхъ святокъ въ моей молодости; помню еще старыя, деревенскія святки, съ «медвѣдемъ и козой», съ «гудочниками» и ворожеей-цыганкой; съ бѣшеной ѣздой на тройкахъ по снѣжнымъ сугробамъ, съ аккомпаниментомъ колокольцевъ, бубенчиковъ, гармоній, балалаекъ, а подъ часъ и выстрѣловъ ружейныхъ, въ встрѣчу сопровождавшихъ нашъ поѣздъ изъ лѣсу волковъ, десяткамъ ихъ прыгавшихъ, свѣтившихся ярко глазъ.

То были святки!.. Настоящія разгульныя, русскія святки, гдѣ всѣ дома, всѣ семьи, всѣ классы принимали

участіе. Гдѣ «господа» не гнушались переряженой въ тулупы на вывороть, въ бороды изъ пакли, горбы изъ подушекъ и лица, вымазанныя пробкой и сажей, своей прадѣдовской прислуги; гдѣ прислуга принимала радостное участіе въ затѣяхъ «молодыхъ господъ», въ успѣхѣ ихъ переодѣванія, въ полночныхъ ихъ гаданіяхъ. Гдѣ, наконецъ, находилось время и мѣсто и кадрили, и browserкѣ, и мазуркѣ въ свѣтлой залѣ, подъ звуки фортепіано, а не то и настоящаго оркестра, и залихватской камаринской съ трепакомъ; и мистификаціямъ ряженыхъ вторженій и вопрошеніямъ судьбы съ призывами предъ зеркалами, въ темныхъ баняхъ, суженыхъ на полночныя угощенія.

Не знавали мы въ тѣ, не мудрствовавшія лукаво, времена ни гипнотизмовъ, ни передачи мыслей, ни явленій спиритизма, ни предсказаній медіумовъ, ни чтенія судьбы въ «астральномъ свѣтѣ»; никакихъ проявленій нашихъ нынѣшнихъ, многоиспытанныхъ, безъ мѣры теребимыхъ чудесами временъ, но бывали и тогда,—какъ и во всѣ вѣка-вѣковъ,—необыкновенныя, загадочныя происшествія...

Одинъ такой весьма странный случай произошелъ, именно, въ разгаръ святочнаго веселья, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

Въ одной изъ губерній средней полосы Россіи, подъ самымъ губернскимъ городомъ, находилось богатое имѣніе Бѣлокольцево, помѣщиковъ того-же прозвища. Въ ту пору семья была большая, молодежи въ ней, особенно барышенъ, было много и всѣ прехорошенькія. Только старшая

была замужемъ за мѣстнымъ начальникомъ губерніи. Это обстоятельство прибавляло много значенія семьѣ, хотя и немного, повидимому, доставляло счастія самой виновницѣ этого общественнаго отличія. Варвара Сергѣевна, рожденная Бѣлокольцева, была скромна и непритязательна и особой сласти въ титулѣ «превосходительства» и въ томъ, что жандармы ей въ соборѣ и прочихъ народныхъ сборищахъ дорогу очищали, не видѣла. Близкіе, да, пожалуй, что и всѣ въ городѣ, знали, что былъ у нея въ дѣвицахъ романъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, забракованнымъ ея матушкой, по бѣдности его и нечиновности, и всѣ жалѣли молоденькую губернаторшу. Надо сказать правду, что мужъ ея тутъ былъ не при чемъ! Онъ былъ добрый человѣкъ, весьма представительный; очень любилъ свою хорошенькую супругу и, женившись въ скорости по пріѣздѣ на мѣсто, даже не зналъ, вѣроятно, ея горя.

Знакомые Бѣлокольцевыхъ поговаривали, что и еще затѣваетъ Аполлинарія Антоновна свадьбу: вторую дочь свою, Сашеньку, прочитъ за предсѣдателя палаты Щегорина; но ужъ такой бракъ всему городу на соблазнъ былъ и на осужденіе: Щегоринъ былъ уродливый, тучный шестидесятилѣтній селадонъ, уморившій двухъ женъ и, къ тому же, имѣвшій, всѣмъ завѣдомо, большую семью съ лѣвой руки, гдѣ сыновья ужъ сами были женаты. Богатство его ужъ очень было соблазнительно для старухи Бѣлокольцевой!.. Жадна была до денегъ и честолюбива чрезъ мѣру,—все ей хотѣлось изъ дочекъ своихъ сановницъ дѣлать и богачекъ.

Кромѣ своихъ дѣтей, въ домѣ Бѣлокольцевыхъ жила родственница, Марья Леонидовна Карницына, когда-то женщина богатая, но разоренная неудачными спекуляціями мужа; покойный генералъ Бѣлокольцевъ пріютилъ всю семью своего родственика и друга, съ которымъ водилъ не только хлѣбъ-соль во время его благосостоянія, но и большія дѣла. Ходили слухи, что Бѣлокольцевы не даромъ дали кровъ вдовѣ и двоимъ дѣтямъ Карницына; что по старымъ счетамъ генералъ оставался много долженъ родственнику, и всѣ были, вмѣстѣ съ Марьей Леонидовной, увѣрены, что въ завѣщаніи генерала они забыты быть не могутъ; такъ какъ онъ разбогатѣлъ послѣ смерти Карницына, то легко могъ уплатить вдовѣ его долгъ, ему недоплаченный.

Бѣлокольцевъ самъ не скрывалъ, что имѣетъ это намѣреніе, но никакого распоряженія по этому дѣлу не сдѣлалъ, а потому хоть и не сладко по смерти его приходилось житье вдовы въ чужомъ домѣ, но она терпѣла ради дѣтей. Дочь ея училась вмѣстѣ съ меньшими Бѣлокольцевыми, когда отецъ ихъ скончался, а сынъ только что поступилъ въ университетъ, и теперь былъ уже на послѣднемъ курсѣ.

Жилъ еще съ ними, въ деревнѣ, одинъ юноша, родственникъ, родной племянникъ покойнаго генерала Сергѣя Ѳомича, Юрій Петровичъ Бѣлокольцевъ или Юша, какъ его всѣ называли; не столько по юности, какъ по немощи его: онъ совсѣмъ былъ юродивый. Не то, чтобы сумасшед-

шій, онъ все понималъ и всѣхъ зналъ, какъ знаютъ все и всѣхъ пятилѣтнія дѣти, не болѣе. Тихій, услужливый, молчаливый, Юша никому не мѣшалъ, а къ нему всѣ относились жалостливо, какъ къ больному, хотя, въ сущности, онъ былъ рослый, здоровый парень, лѣтъ двадцати пяти.

Несмотря на житье въ деревнѣ, Бѣлокольцевы вели очень разсѣянную, шумную жизнь. Нѣсколько верстъ разстоянія препятствіемъ къ участію во всѣхъ городскихъ увеселеніяхъ служить не могли; сами же они то и дѣло сзывали весь городъ на свои деревенскіе пиры, обставленные въ ту пору всѣми удобствами и всей доморощенной роскошью и хлѣбосольствомъ богатаго барства, на основахъ непоколебимаго крѣпостничества. Аполлинарія Антоновна хотя была бой-баба, суровая въ отношеніяхъ къ семьѣ и къ прислугѣ, но любила веселую, гостепріимную жизнь, была прекрасная хозяйка и съ обществомъ, уже не говоря про властей, всегда умѣла прекрасно ладить.

Наоборотъ всему русскому царству, Бѣлокольцевы зиму почти всегда жили въ имѣніи; лѣто же проводили въ поѣздкахъ за-границу. Время между ноябремъ и февралемъ проходило какъ въ чаду, переполненное танцами, домашними спектаклями и всякими увеселеніями. Святки еще приносили съ собой катанія, костюмированные балы съ русской и всякой пляской; гаданія гуртомъ, со святочнымъ пѣніемъ «сѣнныхъ дѣвушекъ», съ кутьей и восколитіемъ; и простые маскарады переряженныхъ «неиз-

вѣстныхъ»,—плебейскія вторженія въ барскіе покои деревенскаго и двороваго элемента, почти такъ же невозбранно, какъ и сосѣдей-помѣщиковъ.

Эти послѣднія увеселенія часто выходили самыми веселыми, именно, потому, что въ силу святочнаго закона о сохраненіи личностей ряженыхъ въ тайнѣ, вносили новый интересъ, принимавшій порой занимательный характеръ загадочности. Сама Аполлинарія Антоновна любила разсказывать, что, именно, въ такой ряженой ватагѣ ей самой въ молодости была предсказана и свадьба ея, и многія семейныя обстоятельства.

Но, именно, вслѣдствіе загадочнаго происшествія, случившагося въ семьѣ ея въ этотъ послѣдній годъ, о которомъ идетъ мой разсказъ, — такія святочныя забавы навсегда были изъ нея изгнаны.

Было это 27-го декабря. Домъ въ Бѣлокольцевѣ ломился отъ гостей. Кромѣ праздника общаго, былъ день рожденія и вмѣстѣ именины ея двухъ Веніяминовъ, — меньшихъ сыновей, близнецовъ Ѳеди и Стени, т. е. Степана. По случаю такого тройного празднества, этотъ день сначала считался, преимущественно, дѣтскимъ праздникомъ; обыкновенно, на третій день Рождества у нихъ бывала елка, но съ годами, понятно, отличіе это утратилось. Теперь героямъ дня было по шестнадцати лѣтъ. Елку давно бы отмѣнили, если бы не привязанность и привычка къ ней всей молодежи, включая и ея двадцати-трехлѣтнее превосходительство.

— Все равно! Надо какъ-нибудь проводить святки! Надо одаривать молодежь, и прислугу, и своихъ, и чужихъ дѣтей на праздникъ. Такъ ужъ пусть въ этотъ день, по старому, и елки, и ряженые и, какъ всегда,—дымъ коромысломъ! — рѣшила генеральша Бѣлокольцева.

И созвала, кромѣ своихъ, еще человѣкъ до ста гостей, изъ которыхъ многіе, издалека прибывшіе съ чадами и домочадцами, должны были и заночевать въ ея прадѣдовскихъ деревенскихъ палатахъ.

День прошелъ еще шумнѣе, чѣмъ другіе. Какія бы кошки у кого на сердцахъ ни скребли, съ виду всѣ были довольны и веселы.

А что скребли у многихъ на сердцахъ лютыя кошки— въ томъ пе могло быть и сомнѣнія... Много въ этомъ домѣ, подъ сурдинку, разыгрывалось драмъ и печалей.

Начать съ семьи Карницыныхъ. Какъ ни работала, часто спины не разгибая, бѣдная Марья Леонидовна, но съ великимъ трудомъ концы съ концами сводила, живя даже на всемъ готовомъ. А ужъ какъ ей это готовое теперь жутко приходилось при самовластномъ, чванномъ и несовсѣмъ-то справедливомъ нравѣ хозяйки дома, — и говорить нечего! Ну, да ужъ что было дѣлать? Терпѣла она, порой лишь ночью своей подушкѣ повѣряя свои сиротскія печали... Объ одномъ мечтала: только бы сынъ ея на ноги сталъ, только бы ему курсъ благополучно кончить, на службу пристроиться. Всего лишала себя, чтобы его содержать, и не плакалась бы, если бы не дочка ея, шест-

надцатилѣтняя Маня, которой зачастую ей до слезъ бывало жалко. Дѣло въ томъ, что живя въ богатомъ домѣ, на правахъ барышни, во всемъ равной «дочерямъ дома», хорошенькой дѣвочкѣ, понятно, хотѣлось не отставать отъ подругъ ни въ выѣздахъ, ни въ туалетахъ; а гдѣ-жь было матери набраться средствъ одѣвать ее наравнѣ съ богатыми дѣвушками?..

Въ дѣтствѣ Маня ничего не замѣчала, да къ тому же при жизни Бѣлокольцева и замѣтить нельзя было большой разницы, потому что генералъ постоянно женѣ напоминалъ и самъ заботился о своихъ крестникахъ, Манѣ и Леонидѣ, старшемъ братѣ ея. Тогда всѣмъ имъ жилось лучше! Теперь было не то!.. Во-первыхъ, съ годами возрастали потребности и желанія, а позаботиться объ ихъ удовлетвореніи было некому... Аполлинарія Антоновна часто о нихъ забывала; а ужъ напомнить ей—не приведи Богъ! Карницына скорѣе бы свой языкъ проглотила, чѣмъ заставить его попросить у нея что-либо для себя или дѣтей...

— Не видитъ, не хочетъ, не сознаетъ своей обязанности хоть этимъ малымъ вознаградить насъ за нотерю всего состоянія, за неисполненіе воли своего покойнаго мужа,—ну, и Богъ ей судья! Унижаться предъ ней мы не будемъ! — рѣшила она.

Тѣмъ не менѣе, горько ей бывало за дочку, а самой дѣвочкѣ и того хуже. Не разъ глаза себѣ наплакивала бѣдняжка, отказываясь отъ веселыхъ поѣздокъ въ городъ, отъ вечеровъ и танцевъ, потому что не во-что было одѣться

Вотъ и къ праздникамъ всѣмъ шили обновки, Сашенькѣ, Наташѣ, даже десятилѣтней Сонѣ Бѣлокольцевымъ по три по четыре нарядныхъ платья; а ей мать едва одно собралась, шерстяное сѣренькое, сшить и приходилось имъ однимъ всѣ праздники пробавляться дома, куда же тутъ о гостяхъ думать!..

Заикнулась было Наташа матери, что «бѣдной Манечкѣ надо было бы нарядное платье сшить», — что лучше бы мать ей такъ много не шила, а позаботилась о Манѣ, — такъ такъ ей за это досталось, чтобы не въ свое дѣло не мѣшалась, что Наташа сама цѣлый день проплакала. У семнадцатилѣтней Наташи и свое было горе, какъ у старшихъ сестеръ. Положимъ, мать не собиралась ее еще какъ Сашеньку, замужъ «за стараго урода выдавать», — но попались ей письма Наташины, изъ которыхъ узнала Аполлинарія Антоновна, что третья дочка ея «съ ума спятила»: вообразила, что влюблена въ Леонида Карницына и собирается замужъ выходить «эа эту голь перекатную!» Ну, и досталось же Наташѣ!

Такъ крѣпко досталось, что мать успокоилась: вообразила, въ свою очередь, что такъ хорошо напугала «глупую дѣвчонку», что она объ этомъ и думать забыла; да только нѣтъ, — хитрая и настойчивая дѣвочка была Наташа Бѣлокольцева. Поплакать-то она поплакала, но студенту Карницыну и даже матери его тутъ же заявила:

— Мы оба молоды, — можемъ подождать. Ледѣ будетъ черезъ четыре года всего 25 лѣтъ, а мнѣ совершенно-

лѣтіе минетъ. Тогда я сама себѣ госпожа! За кого хочу— за того и выйду!..

— Полно, дѣвочка, вздоръ городить! — возразила ей печально Марья Леонидовна.—Куда тебѣ съ матерью бороться?.. Да и по правдѣ, чѣмъ вы жить съ Ледей станете?.. Не къ той жизни ты привыкла, чтобы быть женой бѣднаго чиновника!

— Мы и не будемъ совсѣмъ очень бѣдны: у насъ у каждой по сту тысячъ приданаго. Развѣ это мало? я, какъ совершеннолѣтняя, потребую выдѣла—и все тутъ!—резонно рѣшила Наташа.

Но отъ словъ — за спиной матери, — до настойчивой борьбы съ ней, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ — далеко! Мать и сынъ это хорошо понимали. Потому-то Леонидъ Алексѣевичъ и ходилъ въ этотъ свой пріѣздъ на праздники къ матери какъ въ воду опущенный, молчаливый и сумрачный. Не будь ея,—Наташи, въ Бѣлокольцевѣ, студентъ ни за что бы не оставался въ деревнѣ и дня. Но ради ея присутствія сдерживался и старался даже сохранить наружную веселость, принимая участіе во всѣхъ домашнихъ затѣяхъ и увеселеніяхъ Аполлинаріи Антоновны.

27-го декабря громадная елка горѣла въ столовой, вкругъ нея готовился ужинъ; въ другой залѣ танцовали свои и гости, въ половину ряженые и, то и дѣло, наѣзжавшія новыя партіи замаскированныхъ. Огромный органъ, рояль и доморощенный струнный оркестръ, еще существовавшій въ этомъ старомъ барскомъ гнѣздѣ, чередовались непре-

рывно. Въ гостиныхъ сидѣли почетные гости, старики и старушки; губернаторъ, начальникъ мѣстныхъ войскъ, предсѣдатели разныхъ палатъ и прочіе сановники играли въ бостонъ во внутреннихъ комнатахъ, подальше отъ шума. Одинъ Щегоринъ не садился играть, предпочитая «любоваться молодежью»; онъ страшно надоѣдалъ ей, злилъ бѣдную Сашеньку, а отъ другихъ, особливо отъ бойкой Наташи, терпѣлъ всякія насмѣшки, стараясь ихъ не замѣчать и пріятно улыбаться. Женихомъ онъ еще не былъ объявленъ, но все къ тому шло, не взирая на слезные протесты намѣченной имъ невѣсты. Еще въ это самое утро ей крѣпко досталось за то, что она швырнула въ форточку букетъ, присланный изъ оранжереи стараго селадона.

Въ самый разгаръ пляса доложили, что пріѣхало еще трое саней съ ряжеными. Музыкантамъ приказано было заиграть маршъ, двери въ переднюю широко отворились, всѣ высыпали встрѣчать вновь прибывшихъ и они, пара за парой, вошли въ залу...

Несмотря на маски и костюмы, разумѣется, всѣ эти турки, бояре, цыгане и паяцы, очень скоро были признаны за добрыхъ, хотя и не очень близкихъ знакомыхъ, за городскую молодежь; двоихъ только, вмѣстѣ вошедшихъ, никто не признавалъ: капуцина въ коричневомъ капюшонѣ съ бородой и четками въ рукахъ и красиваго осанкой маркиза, напудреннаго и въ такой чудной маскѣ, что она казалась открытымъ лицомъ. Всѣ такъ и рѣшили, что это живое, слегка подкрашенное лицо, только дивились гла-

Двоихъ только никто не признавалъ: капуцина и маркиза, въ такой чудной маскѣ, что она казалась открытымъ лицемъ.

замъ: они были блестящи и глубоки, но какъ-то жутко неподвижны; словно смотрѣли не видя или были сосредоточены на какой либо упорной мысли, не замѣчая ничего внѣшняго...

Никто положительно не зналъ этого горделиваго, безстрастнаго съ виду и недоступнаго красавца, костюмированнаго petit maître'омъ временъ Екатерины II. Рѣшили что это какой нибудь проѣзжій, увлеченный знакомыми въ веселую святочную поѣздку. Вначалѣ на него обратилось общее вниманіе, но онъ такъ упорно молчалъ, былъ такъ странно, не по времени и не по мѣсту, холоденъ и неподвиженъ, что всѣмъ вблизи отъ него становилось жутко до страха и всѣ нерестали съ нимъ заговаривать...

Зато товарищъ его, капуцинъ, очень скоро привлекъ всеобщее вниманіе. Онъ выказывалъ замѣчательное знаніе способностей, тайнъ, даже помысловъ всѣхъ его окружавшихъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ удачныхъ замѣчаній, два-три предсказанія присутствовавшимъ, до того мѣтко ихъ касавшихся, что громкіе возгласы слышавшихъ ихъ привлекли цѣлую толпу. Многіе бросили танцы и ходили, заинтересованные странными незнакомцами, изъ комнаты въ комнату, вслѣдъ за ними, слушая ихъ, дѣлая предположенія, стараясь узнать капуцина по голосу,—но и голосъ его положительно былъ незнакомъ никому.

Оба оказывались совершенно никому неизвѣстными.

Тѣмъ лучше!... Молодежь была въ восторгѣ. Слушала, дивясь, капуцина, любовалась молчаливымъ маркизомъ и,

наконецъ, увлекла ихъ изъ предѣловъ молодого царства въ покои, гдѣ находились пожилые гости.

Подростки, свои и чужіе, бѣжали впереди и, какъ водится, шумѣли больше всѣхъ. Соня Бѣлокольцева, завидѣвъ мать, бесѣдовавшую съ сановными, не игравшими въ карты, гостями, закричала ей издали:

— Мамочка! Мамочка!... Послушайте монаха! Какой у насъ интересный монахъ!... Такой умный! Все знаетъ!

— Мнѣ сказалъ, что я буду морякомъ, какъ дядя,— кричалъ Стеня.

— А мнѣ предсказалъ, что я могу быть хорошимъ живописцемъ, если не стану лѣниться! Самъ узналъ, что я рисовать люблю!—передалъ Ѳедя.

— А Наташѣ сказалъ: будьте тверды! Не измѣняйте тому, кого любите, и будете счастливы!—прервала меньшая сестра.

Аполлинарія Антоновна сдвинула брови.

— Не очень же мудръ вашъ монахъ, чтобы такіе совѣты дѣтямъ подавать!

— А что-жъ! отозвалась Наташа, задѣтая за живое:— онъ и Сашенькѣ добрый совѣтъ далъ! Онъ сказалъ: «будьте самостоятельнѣй!... Пожалѣйте себя, если другія васъ не жалѣютъ!»... Отлично сказалъ!

— Онъ еще ей предсказалъ, что она въ будущемъ году выйдетъ замужъ за кого-то незнакомаго теперь,— прибавила Соня.

И всѣ наперерывъ начали докладывать другія рѣчи мудраго капуцина, отнюдь не нравившіяся хозяйкѣ дома.

Она посмотрѣла украдкой на Щегорина, щурившагося на молодежь и улыбавшагося приторной улыбкой, будто ничего непріятнаго не слыхалъ, и перевела сердитый взоръ на приближавшихся капуцина и маркиза. Но вдругъ глаза ея встрѣтились со взглядомъ послѣдняго и она вздрогнула. Холодъ мурашками прошелъ по спинѣ ея. Она сама не знала, что, именно, поразило ее въ этомъ взглядѣ, въ этомъ, будто, знакомомъ, неподвижномъ лицѣ, но съ нею что-то положительно творилось особое... Совсѣмъ непривычная растерянность, даже робость овладѣли ею. Она не знала, что ей сказать, куда дѣваться отъ этихъ глазъ.

— Прекрасные костюмы! Очень интересныя маски!— проговорилъ Щегоринъ одобрительно, но въ ту же секунду осѣкся и умолкъ, какъ обожженный.

Капуцинъ очень ласково ему замѣтилъ:

— Зачѣмъ ты здѣсь скучаешь, старичекъ?... Сидѣлъ бы лучше да поминалъ старину со своими сверстниками — дѣдушками да бабушками.

И, покачавъ укоризненно головой, въ общемъ неловкомъ молчаніи, наступившемъ послѣ взрыва худо-сдержаннаго смѣха между молодежью, прибавилъ, измѣнивъ ласковый голосъ на суровый.

— Стыдись, старикъ! Чего кичишься богатствомъ, да еще не своимъ? Двухъ женъ уморилъ,—третью хочешь взять, чтобы въ гробъ уложить?.. Самъ бы лучше о часѣ

смертномъ помыслилъ, о душѣ своей подумалъ!.. Когда опомнишься? Когда перестанешь родного сына обирать, пользоваться его добротой?.. За его уваженіе сыновнее, тобой не заслуженное, ты его разоряешь?.. Его материнскимъ богатствомъ пыль глупымъ людямъ въ глаза пускаешь, корыстныхъ бабъ обманываешь?.. Еще разъ — стыдись! И спѣши покаяться. Тебѣ подъ семьдесятъ,—смерть не за горами.

Трудно передать впечатлѣніе этого суроваго наставленія. Смѣхъ замеръ; даже на лицахъ молодежи было недоумѣніе. У Щегорина лицо позеленѣло и нижняя челюсть тряслась въ его напрасныхъ попыткахъ засмѣяться или что-нибудь отвѣтить. Велико было общее пораженіе, но сильнѣй всего преобладало въ обществѣ удивленіе необъяснимому молчанію хозяйки дома, позволявшей такъ оскорблять въ своемъ домѣ избраннаго ею жениха своей дочери. Всѣ смотрѣли на нее въ недоумѣніи, нѣкоторые въ страхѣ, ожидая, что будетъ.

А Бѣлокольцева стояла неподвижно и молча, будто подъ вліяніемъ какого-нибудь наважденія, такъ что ее можно было принять за окаменѣлую, если-бы не глаза ея, безпокойно бѣгавшіе во всѣ стороны, чтобы не встрѣчаться съ пристально устремленнымъ на нее взоромъ молчаливаго спутника словоохотливаго капуцина...

Вдругъ послѣдній обернулся, ища кого-то глазами въ толпѣ, ихъ окружавшей, и поманилъ Леонида Карницына издалека. Тотъ подошелъ смущенный.

— Вотъ хорошій молодой человѣкъ!—сказалъ капуцинъ и положилъ руку на плечо студента.—Трудолюбивый, честный!.. Прекрасный женихъ для любой дѣвушки... Тѣмъ болѣе, что, вѣдь, онъ только теперь несостоятеленъ, а скоро, *очень* скоро получитъ наслѣдіе своего отца...

Капуцинъ перевелъ взглядъ на замѣтно блѣднѣвшую хозяйку дома и съ особеннымъ значеніемъ договорилъ:

— Онъ самъ не знаетъ, да, вѣроятно, не знаете и вы, что въ той письменной шкатулкѣ, которую покойный Сергѣй Ѳомичъ Бѣлокольцевъ передалъ его матери передъ смертью, заключается часть достоянія, потеряннаго его отцемъ... Да! да, молодой человѣкъ!.. Поищите въ ней! скажите матушкѣ, осмотрите сегодня-же съ нею шкатулку— и въ ней найдете свое благосостояніе, въ потайномъ ящикѣ.

— О, Господи!.. Да что-жь это?.. Неужели вправду?!.

Всѣ повернулись по направленію, откуда раздался этотъ возгласъ. Тамъ Марья Леонидовна, схватившись рукою за стулъ, чтобы не упасть, другою закрыла глаза, ослѣпленные мгновенной надеждой.

Вмигъ Наташа уже стояла, обнимая ее и шепча:

— Пойдемъ! Пойдемъ, голубушка, посмотримъ!.. Откуда-жь знать ему, что папа далъ Леониду шкатулку? Если онъ *это* знаетъ, значитъ *все* знаетъ!

А между тѣмъ, капуцинъ, склонившись къ уху Аполлинаріи Антоновны, прошепталъ ей внушительно:

— Письмо имѣло дубликатъ, а при немъ вексель... Пора, пора покаяться!.. Помни и ты часъ смертный!

Кто стоялъ близко, тѣ слышали эти странныя слова и ужаснулись перемѣнѣ лица Бѣлокольцевой. Ни одного слова не возразила она капуцину, а вся помертвѣвъ, опустилась на стулъ и закрыла лицо руками, поникнувъ головой.

Всѣ внутренно волновались ужасно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то необъяснимый гнетъ лежалъ на всѣхъ. Будто чье-то холодное вѣяніе оледенило все общество; даже дѣти и молодежь присмирѣли, въ недоумѣніи глядя на странную пару «ряженыхъ».

Молчавшій все время высокій красавецъ съ окаменѣлымъ лицомъ, наконецъ, отвелъ глаза отъ хозяйки дома, медленно повернулся и пошелъ, увлекая за собой и капуцина. Большинство послѣдовало за ними, а съ оставшихся возлѣ хозяйки будто разомъ снялось онѣмѣніе. Всѣ заговорили: «кто такіе? Что за странные, дерзкіе люди? И откуда набрались они смѣлости смутить все общество! Напугать «дорогую Аполлинарію Антоновну» какими-то глупыми рѣчами!.. Надо узнать! Надо просто заставить этого капуцина снять маску. Потребовать отъ него объясненія, извиненій!..

Пока вокругъ еще не пришедшей въ себя Бѣлокольцевой суетились почетные гости, на другомъ концѣ залы раздались крики, суета еще большая и всѣ туда бросились, не исключая самой генеральши, дрожащей и блѣдной. Тамъ, среди разступившейся въ страхѣ дѣтворы и молодежи, распростертый на полу лежалъ капуцинъ, по-

кинутый своимъ товарищемъ... Что случилось? Почему ему сдѣлалось дурно? Куда дѣвался «маркизъ»?.. Никто ничего не понималъ и разсказать не могъ, хотя всѣ говорили разомъ.

Они шли вмѣстѣ, потомъ «маркизъ» оставилъ «капуцина», котораго со всѣхъ сторонъ задерживали распросами, и одинъ пошелъ впередъ... Но только что толпа ихъ раздѣлила и маркизъ вышелъ,—кажется, вышелъ,—куда? кажется, въ переднюю... Однимъ словомъ, едва его не стало съ нимъ рядомъ, капуцинъ зашатался, и прежде, чѣмъ успѣли его поддержать, упалъ на полъ и лежалъ, очевидно, безъ чувствъ...

— Такъ скорѣе-же сымите съ него маску! Дайте воды!— наконецъ, нашлись нѣкоторые: воды!.. Одеколону!.. Спирту, скорѣе!

«Ага! Вотъ теперь то мы узнаемъ, кто этотъ штукарь»! въ то-же время, порадовались многіе, бросаясь разоблачать интереснаго всезнайку, краснорѣчиваго обличителя и оракула.

Впереди всѣхъ была Аполлинарія Антоновна. Робости теперь въ ней не было и слѣда! Она пригнулась къ бѣдному, безпомощно лежавшему капуцину; своими руками отбросила съ головы его капюшонъ, сорвала сѣдую бороду, сдернула маску... и отступила, вмѣстѣ съ другими, не вѣря своимъ глазамъ.

Передъ ней было блѣдное, кроткое лицо Юрія Бѣлокольцева, ея безобиднаго идіота-племянника...

— Юша!.. Юша Бѣлокольцевъ?..—со всѣхъ сторонъ раздались изумленные и разочарованные возгласы.—Вотъ ужъ не ожидали!

— Да откуда-же набрался онъ смѣлости? Откуда вдругъ заговорилъ такъ увѣренно?.. Откуда зналъ?

— Юрій?.. Можетъ-ли быть?.. Да, вѣдь, онъ говорилъ совсѣмъ другимъ, не своимъ голосомъ! Что-жь это за чудо?

«Что за чудо? именно!.. Откуда этотъ юродивый могъ узнать о письмѣ?.. И... и неужели онъ сказалъ правду о шкатулкѣ мужа!?..—размышляла, стоя надъ безчувственнымъ юношей, генеральша и вдругъ вздрогнула, вспомнивъ:

«А гдѣ-же тотъ?!.. Куда тотъ дѣвался?!..

«Того» не было нигдѣ... Какъ ни искали маркиза, какъ ни разспрашивали о немъ людей, кучеровъ: никто не видалъ никакого ряженаго, никто о немъ ничего не зналъ...

Маркиза словно не бывало, словно онъ растаялъ или испарился.

«Капуцина», между тѣмъ, отпаивали, наливали ему на голову разные уксусы, привели, наконецъ, въ себя. Первымъ дѣломъ его было, вернувшись къ сознанію, сѣсть, окинуть всѣхъ недоумѣлымъ взглядомъ и спросить, болѣзненно глупо улыбаясь:

— Какъ-же это я здѣсь заснулъ?.. Я, вѣдь, легъ тамъ, у себя, на верху!.. Кто-жь это меня сюда... прив... положилъ?

Онъ всталъ, осмотрѣлъ себя съ удивленіемъ и, видимо,

ничего не понималъ: ни въ своемъ нарядѣ, ни въ томъ, что лежалъ на полу, въ залѣ, полной гостей. Сколько его не разспрашивали, онъ ничего не могъ сказать, ничего не помнилъ, кромѣ того, что когда въ его комнатку, подъ крышей, прибѣжали «мальчики со своими гостями», принесли вороха разныхъ костюмовъ и стали переодѣваться, объяснивъ ему, что «нарочно, по секрету, забрались къ нему»,—чтобы никто не зналъ, что они «наряжаются»,—онъ видѣлъ «эту монашескую ряску» и подумалъ, что «нарядится въ нее послѣ,—если никто ее не возьметъ»...

— Ну, а послѣ что было?—приставали къ нему.

— Послѣ?.. Послѣ мальчики ушли, а я... я на постели лежалъ... и, кажется, уснулъ...

— А какъ-же ты здѣсь-то очутился?.. Зачѣмъ говорилъ разныя разности?.. Намъ всѣмъ и мамѣ?—допрашивали дѣти.

— Мамѣ?!.. Тетушкѣ?!..—очевидно испугался юродивый. Не знаю!.. Я ничего, право, ничего не говорилъ!

Больше отъ «краснорѣчиваго капуцина» толку не добились.

Генеральша Бѣлокольцева первая отошла отъ него, полная тяжкихъ заботъ. Тѣ глаза ее преслѣдовали!.. Она знала ихъ. Она знала все лицо и всего человѣка той загадочной «маски»!.. Она все больше въ томъ убѣждалась и убѣжденіе это леденило ей сердце: эта исчезнувшая безслѣдно маска была олицетвореніемъ князя Однорукова,—«князя-рыцаря», какъ былъ прозванъ, въ пре-

даніяхъ ихъ семьи, этотъ рано умершій красавецъ, отецъ ея отца!.. Въ такомъ придворномъ костюмѣ конца XVIII вѣка онъ былъ изображенъ на полотнѣ и нынѣ существовавшемъ въ галлереѣ ихъ семейныхъ портретовъ, находившейся въ родовомъ имѣніи ея родичей, князей Однорукихъ. Она съ дѣтства знала, съ дѣтства боялась этихъ спокойныхъ, гордыхъ, какъ сталь холодныхъ глазъ «дѣда-красавца», дѣда, не даромъ оставившаго по себѣ память гордаго, «въ чести непреклоннаго, князя-рыцаря»... Такъ говаривали ей въ дѣтствѣ всѣ родные и ея отецъ, пристыжая и убѣждая, что нечего ей бояться прямого, пристально въ душу глядѣвшаго даже съ портрета, взора отца его.

И вотъ теперь, въ старости, она увидѣла этотъ взоръ на яву!

«Это онъ! Онъ научилъ этого нищаго духомъ; этого блаженнаго Юшу! Онъ упрекалъ меня и приказывалъ каяться!»

Объ этомъ всю ночь пробредила и промучилась Аполлинарія Антоновна Бѣлокольцева. На утро она встала словно на десять лѣтъ состарившись, и сама никому не сказавшись, направилась въ комнату Карницыныхъ. Одного взгляда на Марью Леонидовну, дѣтей ея и на счастливое лицо ея Наташи, было достаточно, чтобы убѣдиться въ истинѣ открытаго имъ вчера: покойный мужъ ея, скончавшись внезапно, не успѣлъ составить духовной, но успѣлъ передать свою шкатулку въ подарокъ сыну сво-

его друга и партнера въ дѣлахъ. Карницыны думали, что это просто подарокъ на память,—умершій не имѣлъ силъ имъ сказать, что писалъ отсутствовавшей женѣ о своемъ долгѣ имъ; что въ шкатулкѣ есть потайной ящикъ, а въ ящикѣ вексель его на 50 тысячъ и дубликатъ его письма...

Капуцинъ сказалъ святую истину. Онъ обезпечилъ Карницыныхъ отъ нужды, а Бѣлокольцеву спасъ отъ тяжкихъ грѣховъ. Въ томъ-же году обѣ дочери ея вышли замужъ: Наташа за Леонида, а Сашенька за Щегорина-же, да только за молодого,—не за отца, а за его богатаго сына.

ЗАВѢЩАНІЕ

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

ЗАВѢЩАНІЕ.

Святочный разсказъ.

I.

Это странное дѣло случилось не такъ давно; но мало кто зналъ объ немъ и по невозможности дать раціональное объясненіе фактамъ, тѣ, кто знали, предпочли предать его забвенію. Но мнѣ сдается, что именно такіе-то неразгаданные случаи и не слѣдовало бы забывать.

Дѣло было зимою, передъ самыми святками. Иванъ Ѳеодоровчъ Лобниченко, нотаріусъ, котораго контора находится на одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, былъ спѣшно призванъ, для засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія, къ смертельно больному.

Больной собственно не былъ кліентомъ Ивана Ѳеодоровича; въ другихъ обстоятельствахъ онъ пожалуй и отказался бы отъ поздняго визита послѣ утомительнаго рабочаго дня... Но умирающій былъ сановникъ и милліонеръ,

а таковымъ ни въ жизни, ни въ смертные часы тѣмъ болѣе, отказовъ не полагается.

Лобниченко захвативъ писца и все нужное, со вздохомъ почесалъ за ухомъ и, отложивъ мечты о прелестяхъ его ожидавшаго винта,—отправился къ больному.

Генералъ Юрій Павловичъ Дрейтгорнъ былъ плохъ: самые милосердные врачи не давали ему и нѣсколькихъ дней жизни, когда онъ окончательно рѣшился уничтожить завѣщаніе, давно имъ составленное, не здѣсь, а въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ царилъ многіе годы.

Генералъ пріѣхалъ въ столицу на время, — а слегъ вѣроятно навсегда.

Таково было мнѣніе докторовъ и большинства его окружающихъ; самъ же больной не хотѣлъ этого признавать... Это былъ сильный духомъ, а нѣкогда и тѣломъ, высокій, бравый старикъ, съ энергическимъ лицомъ и глубокимъ, властнымъ взглядомъ, которые забыть было трудно, хотя бы разъ ихъ увидавъ.

Онъ лежалъ на диванѣ въ роскошной, по гостинничному, квартирѣ, составленной изъ трехъ лучшихъ номеровъ меблированныхъ комнатъ. Онъ встрѣтилъ нотаріуса довольно бодро. Самъ разсказалъ ему въ чемъ дѣло, хотя порою останавливаясь отъ приступовъ боли, съ трудомъ перемогалъ стонъ, готовый вырваться несмотря на всѣ усилія. Въ эти тяжелыя минуты Иванъ Θеодоровичъ поднималъ на него заплывшіе жиромъ глазки и вся его маленькая фигурка сочувственно корчилась, невольно симпати-

зируя страдальцу. Какъ только этотъ мужественный, на жизнь и смерть бившійся съ страданіемъ, человѣкъ пересиливалъ его, опускалъ руку отъ лица, искаженнаго болью и тяжело переведя духъ, — принимался снова объяснять свою волю, Лобниченко опускалъ глаза и весь превращался въ слухъ и вниманіе.

Генералъ обстоятельно объяснилъ нотаріусу. Онъ былъ женатъ два раза, имѣлъ троихъ дѣтей: сына и дочь отъ перваго брака, давно совершеннолѣтнихъ и девятилѣтнюю дочь отъ второй жены. Онъ ждалъ этихъ двоихъ каждый день: онѣ были за-границей, но должны были теперь скоро быть здѣсь... Вѣроятно, пріѣдетъ и старшая дочь.

Нотаріусъ не зналъ семьи Дрейтгорна, онъ и его видѣлъ впервые,—хотя, какъ всѣ въ Россіи, зналъ его по репутаціи; но по тону сдержано презрительному или жалостливому, когда онъ говорилъ о женѣ своей и младшей дочери, онъ сразу догадался, что генералъ въ семейной жизни не совсѣмъ счастливъ... Дальнѣйшія слова больного его въ томъ удостовѣрили. Нужно было составить новое завѣщаніе, совершенно противное первому, написанному шесть лѣтъ тому назадъ и дававшему Ольгѣ Всеславовнѣ Дрейтгорнъ неограниченныя права надъ ихъ малолѣтней дочерью и всѣмъ наслѣдствомъ мужа. Онъ почти цѣликомъ, за исключеніемъ родового имѣнія, которое считалъ себя не въ правѣ отнять у сына, завѣщалъ все благопріобрѣтенное женѣ и младшей дочери,—въ томъ, первомъ завѣщаніи. Теперь же желалъ возстановить забытыя имъ права

старшихъ дѣтей, въ особенности дочери своей, Анны Юрьевны Борисовой, о коей въ первомъ документѣ и рѣчи не было.

Нынѣ, кромѣ седьмой, вдовьей части недвижимаго состоянія, онъ всѣ свои земли и капиталы дѣлилъ между дѣтьми своими поровну; а надъ имуществомъ малолѣтней— Ольги Юрьевны, назначилъ самую строгую опеку.

Завѣщаніе было составлено, записано, засвидѣтельствовано какъ слѣдуетъ, за подписью троихъ свидѣтелей и, по желанію генерала, оставлено у него.

— Я вамъ его отошлю на храненіе,—сказалъ нотаріусу Юрій Павловичъ:—у васъ оно будетъ сохраннѣй, чѣмъ здѣсь въ моемъ временномъ помѣщеніи. Но прежде я желаю прочесть его женѣ и... и старшей дочери, если... если она успѣетъ пріѣхать.

Нотаріусъ и священникъ, бывшій однимъ изъ свидѣтелей, готовы были ужъ раскланяться, когда въ корридорѣ раздались голоса и шаги; въ дверяхъ показалась голова камердинера, поспѣшно вызывавшаго доктора: пріѣхала, оказывалось, не предупредивъ никого телеграммой, барыня— генеральша.

Домовой докторъ поспѣшилъ выскользнуть изъ комнаты больного; онъ боялся для него волненія, надо было предупредить жену его объ опасности положенія... Но больной замѣтилъ суету, его трудно было уберечь отъ жизненныхъ тревогъ.

— Что тамъ случилось?—спросилъ онъ:—что вы мям-

лите, Эдуардъ Викентьевичъ? говорите въ чемъ дѣло? Не дочь ли?..

— Ваше превосходительство, прошу васъ, поберегите себя! началъ было докторъ, какъ видно хорошо знакомый съ домашними обстоятельствами генерала, а потому боявшійся за встрѣчу супруговъ: — Это еще не Анна Юрьевна...

— Ага! — оборвалъ его больной: — пріѣхала... Ну, чтожъ! Пусть идетъ сюда. Только... Только маленькой,— дочери я бы не хотѣлъ... сегодня...

Въ глазахъ его выразилось страданіе, на сей разъ не физическое.

Дверь отворилась, о нее засвистѣло шелковое платье... Высокая, полная, очень красивая женщина показалась на порогѣ и, взглянувъ на изможденное лицо, презрительно усмѣхавшееся ей на встрѣчу,—въ одну секунду очутилась возлѣ генерала, на колѣняхъ, у ногъ его на коврѣ, и припавъ къ нему, заломила руки, отчаяннымъ шопотомъ повторяя:

— O! Georges! Georges! Est-ce bien toi, mon pauvre ami?..

Трудно было бы опредѣлить разнообразные, быстро смѣнявшіеся на лицѣ больного оттѣнки чувствъ, вздымавшихъ грудь его и заставлявшихъ его богатырское сердце метаться и трепетать до боли. Негодованіе и жалость, состраданіе и презрѣніе, гнѣвъ и печаль—все вылилось въ озлобленномъ, короткомъ и рѣзкомъ смѣхѣ и въ двухъ

словахъ, которыя у него вырвались при видѣ дѣвочки, его дочери, несмѣло вступившей вслѣдъ за матерью въ комнату.

— Не учите лгать! глянулъ онъ по ея направленію и съ сострадательной гримасой отвернулся къ стѣнѣ.

Нотаріусъ и священникъ поспѣшили раскланяться и удалиться.

— Ахъ, грѣхи! грѣхи! шепталъ послѣдній, сходя съ лѣстницы.

— А что, — спросилъ Лобниченко: — не лады, видно, между супругами?

— Ужъ какіе лады, когда сюда пріѣхалъ развода искать! прошепталъ батюшка, нахлобучивая мѣховую шапку: — Да, вотъ, Богъ иначе судилъ: и безъ развода на вѣки разъединятся въ сей жизни!

— А мнѣ сдается не такъ онъ безнадеженъ... Сложеніе богатырское!.. Можетъ и вытянетъ! предположилъ законникъ.

— Во всемъ — Богъ! пожалъ плечами батюшка.

И они разошлись.

II.

— Оля! позвалъ, не поворачиваясь, больной и, почувствовавъ возлѣ себя поспѣшное движеніе жены, устранилъ ее нетерпѣливымъ движеніемъ руки и прибавилъ: — не вы! Дочь.

— Olga! Подойдите, дитя мое! Папà васъ зоветъ, — поспѣшите! нѣжнымъ голосомъ, по французски обратилась генеральша къ дѣвочкѣ, растерянно стоявшей среди комнаты.

— Нельзя ли оставить иностранныя фразы! сердито прикрикнулъ генералъ: — Здѣсь не салонъ... Можно бы... изъ приличья!

Голосъ его сорвался на визгливой ноткѣ и заставилъ дѣвочку вздрогнуть и заплакать. Она несмѣло подошла...

Отецъ поглядѣлъ на нее тоскливо.

Взялъ ея руку лѣвой рукой, а правую поднялъ, чтобы благословить ее.

— Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа—шепталъ онъ, отчетливо крестя ее большимъ крестомъ: — Господь храни тебя... отъ зла! Отъ всего дурного... Будь доброй, честной... Главное: честной! Никогда не лги! Боже сохрани тебя отъ неправды, отъ лжи пуще, чѣмъ отъ всякаго горя...

Слезы заволокли глаза умиравшаго. Маленькая Оля дрожала всѣмъ тѣломъ; она боялась отца и вмѣстѣ такъ его жалѣла! Но жалость превозмогла, — она припала къ нему, обливаясь слезами. Отецъ поднялъ руку, хотѣлъ перекрестить еще разъ ея голову, лежавшую у него на груди, но не смогъ докончить креста. Рука его тяжело упала, лицо вновь исказилось страданіемъ; онъ повелъ глазами, на окружающихъ, очевидно, избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ женой и прошепталъ:

— Уведите!.. Не надо. Христосъ съ ней!

И на мгновеніе онъ еще нашелъ силы положить руку на головку дочери.

Докторъ взялъ дѣвочку за руку, но мать ея быстро къ ней склонилась.

— Baisez donc la... Поцѣлуй же руку папà! спохватилась она:—Простись съ нимъ...

Генеральша захлебнулась и закрыла лицо платкомъ величественнымъ жестомъ театральной королевы. Больной не видѣлъ этого. При звукѣ ея голоса онъ сдвинулъ брови и крѣпко зажмурилъ глаза, стараясь не слушать. Докторъ увелъ дѣвочку и сдалъ ее въ другой комнатѣ гувернанткѣ.

Когда онъ вернулся къ больному, тотъ, лежа на диванѣ, все въ той же позѣ, не глядя на стоявшую у изголовья жену, говорилъ ей:

— Я жду свою бѣдную, изъ за васъ обиженную Анюту... Я у нея просилъ прощенія. Я ее умоляю быть матерью своей сестрѣ... Ее я назначаю опекуншей. Она хорошая, честная. Злу не научитъ... Да и вамъ такъ лучше! Вы обезпечены... узнаете изъ новой духовной. Выгодъ отъ опекунства, по ней, вы имѣть не могли бы! Если Анна не захочетъ взять Олю къ себѣ, воспитывать со своими дѣтьми, какъ я ее прошу,— Ольга будетъ отдана въ институтъ. Вамъ свобода милѣй и нужнѣе дочери!.. Не правда ли?

Презрѣніе и горькая насмѣшка звучали въ его голосѣ.

Жена не возражала ни полусловомъ. По ея неподвижности можно бы подумать, что она его не слышитъ, если

бы ее не выдавало судорожное подергиванье рта и пальцевъ крѣпко сжатыхъ рукъ.

Домовый докторъ хотѣлъ было снова скромно удалиться, но его остановилъ призывъ генерала.

— Эдуардъ Викентьевичъ?.. Здѣсь онъ?

— Здѣсь, ваше превосходительство!

Онъ нагнулся къ больному.

— Не угодно-ли вашему превосходительству перейти на кровать? Лежа, право, будетъ легче...

— Умирать?.. рѣзко прервалъ генералъ: — Что чушь порешь?.. Знаешь, что терпѣть не могу кровати, одѣялъ!.. Отстань!.. На-ко вотъ, возьми, — онъ подавалъ ему сложенный вчетверо листъ гербовой бумаги, лежавшій рядомъ съ нимъ, — прочти, пожалуйста!.. Громко!.. Чтобы знала.

Онъ повелъ глазами на жену.

Неохотно взялся докторъ за исполненіе непріятнаго порученія. Онъ былъ человѣкъ деликатный и хоть генеральша не стояла во мнѣніи его особенно высоко, но она все же была женщина... И женщина прекрасная... Онъ предпочелъ бы, чтобы она отъ другого узнала, какъ много житейскихъ благъ отходило отъ нея въ силу новаго завѣщанія генерала... Но дѣлать было нечего! Прекословить Юрію Павловичу всегда было трудно; топерь же совершенно невозможно.

Ольга Всеславовна прослушала чтеніе духовной въ совершенномъ спокойствіи. Неподвижно сидѣла она, опрокинувшись въ креслѣ, опустивъ глаза и лишь выказывая

волненіе въ тѣ минуты, когда мужъ ея не въ силахъ былъ сдержать стона. Тогда она поворачивала къ нему свое блѣдное, красивое лицо, съ явными признаками сердечнаго соболѣзнованія и даже порывалась оказывать ему помощь. Больной нетерпѣливо отклонялъ ея услуги, каждый разъ многозначительно поводя глазами и бровями на доктора, читавшаго его послѣднюю волю, будто хотѣлъ сказать: «Слушай, слушай! Тебя касается!»

Касалось,—что говорить!

Генеральша Дрейтгорнъ узнала, что вмѣсто статысячнаго годового дохода, на который имѣла право надѣяться, можетъ расчитывать только на безбѣдное существованіе, что въ ея понятіяхъ равнялось нищетѣ.

Докторъ докончилъ чтеніе, откашлялся, чтобы скрыть смущеніе и медленно свертывалъ документъ.

— Слышали? — спросилъ генералъ хриплымъ, отрывистымъ голосомъ.

— Слышала, мой другъ! — спокойно отвѣтила ему жена.

— Ничего не имѣете сказать?

— Чтожъ я могу сказать? Ты въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ... Только... я все же...

— Все же?.. Что? рѣзко спросилъ мужъ.

— Все же надѣюсь, мой другъ, что это не послѣдняя твоя воля...

Дрейтгорнъ обернулся, даже сдѣлалъ усиліе привстать на локтяхъ.

— Ты, дастъ Богъ, поправишься. Быть можетъ тебѣ не разъ еще придетъ охота иначе распорядиться! хладнокровно продолжала генеральша.

Больной упалъ на подушки.

— Ошибаетесь!.. Хоть бы я и не умеръ,—болѣе вамъ меня не морочить! Это моя послѣдняя воля! — прохрипѣлъ онъ.

И дрожащей рукой подалъ доктору связку ключей.

— Пожалуйста!.. Вонъ шкатулка.. Заприте, спрячьте духовную.

Докторъ исполнилъ его желаніе, не глядя на Ольгу Всеславовну. И она не смотрѣла на него. Пожавъ плечами на послѣднія слова мужа, она осталась невозмутима и чужда всему, кромѣ его страданій. Страданія его, казалось, ее терзали!..

Зато умиравшій не спускалъ тревожныхъ глазъ съ доктора и какъ только тотъ заперъ большую дорожную шкатулку, онъ протянулъ къ нему руку за ключами.

— Пока живъ,—у меня будутъ! — промолвилъ онъ, пряча всю связку въ карманъ... А какъ умру,—тебѣ поручаю ихъ, Эдуардъ Викентьевичъ. Сбереги, въ послѣднюю услугу.

Онъ опять отвернулся къ стѣнѣ.

— А теперь—дайте покой!.. Боль отступила, можетъ засну... Уйдите!

— Мой другъ! Позволь мнѣ остаться возлѣ тебя! — промолвила было генеральша, склоняясь нѣжно къ мужу.

— Уйди!—рѣзко крикнулъ онъ.—Дай покой, говорю.

Она встала, шатаясь.

Докторъ поспѣшно подалъ ей руку. Она вышла, опираясь на него, снова трагически прикрывъ платкомъ глаза.

— Успокойтесь, ваше превосходительство! сочувственно шепталъ докторъ, плохо самъ сознавая что говоритъ его языкъ: — Вотъ здѣсь приготовлены вамъ комнаты... Вамъ вѣдь тоже нуженъ отдыхъ, послѣ такого долгаго пути...

— О! я о себѣ не думаю!.. Мнѣ такъ его жаль!.. Бѣдный, бѣдный безумецъ!.. Много я отъ него вынесла! Онъ такой подозрительный, такого тяжелаго характера... И странностей у него бездна!.. Вы знаете, докторъ, мнѣ иногда положительно казалось, что онъ не совсѣмъ здравъ...

— Г-мъ! — кашлянулъ врачъ.

— Хотя бы эта странная перемѣна завѣщанія!—продолжала генеральша, не дождавшись болѣе опредѣленнаго сочувствія: — Это обращеніе со мною... За что?..

— Да... Это весьма печально! — пробормоталъ врачъ.

— Скажите, докторъ: онъ ждетъ своихъ дѣтей?

— Только Анну Юрьевну! Только ее одну. Она обѣщала пріѣхать со старшими дѣтьми... Еще вчера была телеграмма. Цѣлый день ждали...

— Скажите!.. Откуда внезапная нѣжность? Десять лѣтъ не видались... Можетъ быть и супруга ея ждетъ? Зятя своего, этого азбучника?—презрительно освѣдомилась генеральша.

— Нѣтъ! Гдѣ же? Человѣкъ служащій... И сынъ тоже, Петръ Юрьевичъ: не могутъ тотчасъ пріѣхать! Въ командировкѣ, въ Закаспійскомъ краѣ... Даль!

— Да, далеко!—согласилась генеральша, очевидно занятая другими мыслями:—А скажите, Эдуардъ Викентьевичъ, эта новая духовная... давно она написана?

— Только сегодня. Только сегодня-съ. Черновая была заготовлена на прошлой недѣлѣ; но генералъ все медлили. А тутъ, какъ съ утра сегодня приступили эти боли...

— Послѣднія? Опасныя? — перебила Ольга Всеславовна.

— Крайне!.. Признаки весьма дурные... Какъ онѣ появились, Юрій Павловичъ поспѣшили послать за нотаріусомъ... Вы еще его застали здѣсь.

— Да!.. А та, старая, прежняя духовная значитъ уничтожена?

— Н-не знаю-съ... Но не думаю... Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, я и забылъ: генералъ собирались телеграфировать.

— Да?.. Телеграфировать?

Генеральша пожала плечами, грустно покачала головой и прибавила:

— Онъ такъ перемѣнчивъ! Такъ перемѣнчивъ!.. Впрочемъ, я думаю, что все равно: вѣдь, кажется, по закону имѣетъ силу послѣднее завѣщаніе?

— Да-съ. Несомнѣнно — послѣднее.

Генеральша поникла головой.

— Мнѣ что̀ обидно!—съ горькой улыбкой зашептала

она, очень близко склоняясь къ молодому врачу и очень сильно налегая на его руку.— Мнѣ что̀ обидно,—не деньги! Я не корыстолюбива. Но зачѣмъ же отымать у меня дочь?.. Зачѣмъ, помимо родной матери, поручить ее полу-сестрѣ?.. Женщинѣ, которую я не знаю, которая никакими заслугами, ни добродѣтелями, кажется, не отличалась! Я буду оспаривать!.. Я на это не соглашусь! Законъ долженъ вступиться за право матери!.. Какъ вы думаете, докторъ?

Докторъ поспѣшилъ согласиться, хотя поистинѣ, ни о чемъ въ ту минуту не думалъ, кромѣ странной манеры красивой генеральши, разговаривая, такъ... неудобно близко склоняться къ собесѣднику.

Въ эту секунду раздался звонокъ и громкій голосъ генерала.

— Докторъ! Эдуардъ Викентьевичъ!

— Здѣсь! отозвался врачъ.

И оставивъ Ольгу Всеславовну на порогѣ ея комнаты, онъ рысцей побѣжалъ къ больному.

«Для умирающаго—здоровый голосъ!.. Кричитъ, какъ на смотру бывало!»—подумала генеральша.

И красивое лицо ея сразу подурнѣло проступившей на немъ ненавистью.

Это было мимолетное выраженіе однако; оно очень быстро замѣнилось печалью, когда она увидала выходившаго отъ больного камердинера.

— Что съ бариномъ, Яковъ, хуже?

— Нѣтъ-съ, Богъ миловалъ. Приказали подать къ себѣ

ближе шкатулку и отворить ее велѣли Эдуарду Викентьевичу. Какую-то телеграмму еще писать желаютъ.

— Ну, слава Богу, что не хуже... Яковъ! я тоже сейчасъ посылаю на телеграфную станцію своего курьера, можете ему отдать и телеграмму генерала...

— Слушаю-съ.

— Да вотъ еще что: я ложиться не буду,— чуть что съ бариномъ, Бога ради, сейчасъ ко мнѣ въ дверь постучитесь, Яковъ!.. Я васъ прошу — въ ту же минуту скажите мнѣ!.. Вотъ вамъ, Яковъ, возьмите... Вы даже похудѣли отъ трудовъ за болѣзнь барина.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство. Мы трудовъ своихъ жалѣть не должны! объяснилъ лакей, пряча крупную ассигнацію.

III.

Противъ ожиданія ночь прошла довольно спокойно. Волненія и усталость взяли свое: Ольга Всеславовна, какъ ни крѣпилась, къ утру крѣпко заснула; а когда проснулась, то перепугалась тому, что позднее солнце ярко свѣтило въ окна.

Горничная, ловкая нѣмка изъ Вѣны, пять лѣтъ не покидавшая этой сподручной ей барыни, успокоила ее тѣмъ, что барину лучше; что онъ еще почиваетъ, почти всю ночь не спавъ...

— Докторъ при нихъ и Яковъ до свѣту работали!—

объявила она:—Разбирали они разныя бумаги: иныя связывали, что-то надписывали; другія рвали или въ каминъ бросали. Полна рѣшетка пепла. Яковъ сказывалъ.

— А телеграммъ другихъ не было?

— Не было больше, Яковъ и нашъ Фридрихъ сейчасъ бы меня окликнули,—я вѣдь вотъ тутъ, въ буфетной прикурнула, обѣ они то и дѣло пробѣгали, на посылкахъ. Но телеграммъ кромѣ тѣхъ, что съ вечера посланы, больше не было.

Ольга Всеславовна одѣлась, позавтракала и пошла къ мужу. Но на порогѣ его комнаты ее ждало распоряженіе больнаго: безъ особаго зова никого, кромѣ доктора и старшей дочери его, если бы она пріѣхала, къ нему не впускать.

— Вызовите Эдуарда Викентьевича!—приказала генеральша.

Домашній докторъ былъ вызванъ и со смущеніемъ подтвердилъ приказаніе генерала.

— Но быть можетъ онъ не думалъ, чтобы такое распоряженіе могло меня касаться?—изумилась она.

Докторъ извинялся, но долженъ былъ сознаться, что она то именно и была названа, что его превосходительство именно просилъ передать ея превосходительству, чтобы она не безпокоилась его навѣщать.

— Онъ помѣшался!—кротко, но съ убѣжденіемъ заявила генеральша, пожавъ плечами. — Откуда такая не-

нависть? за всю мою любовь къ нему, старику, годившемуся мнѣ въ отцы!..

И Ольга Всеславовна снова прибѣгла къ содѣйствію носового платка, на сей разъ, вмѣсто слезъ, пріявшаго нѣсколько сдерживаемыхъ рыданій.

Конфузливый съ женщинами, врачъ стоялъ, опустивъ голову и глаза, какъ виноватый.

— Что это вы, говорятъ, всю ночь жгли?—освѣдомилась Ольга Всеславовна слабымъ голосомъ.

— О! далеко не всю ночь!.. Такъ, Юрій Павловичъ вспомнилъ, что надобно истребить кое какія старыя письма, бумаги. Кое что привесть въ порядокъ... Тамъ въ шкатулкѣ, есть и на ваше имя пакетецъ... Мнѣ было приказано надписать адресъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Нельзя-ли видѣть его?

— О, никакъ!.. Все заперто въ шкатулкѣ, вмѣстѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ. И ключи у генерала.

Снисходительно-горькая улыбка искривила ротъ молодой женщины.

— Такъ это новое завѣщаніе не попало еще въ каминъ? спросила она.

И на испуганное отрицаніе доктора, повторившаго, что «оно поверхъ всего въ шкатулкѣ лежитъ», прибавила:

— Ну, такъ еще попадетъ! Не безпокойтесь!.. Особенно, если Богъ продлитъ жизнь моему мужу. У него, вѣдь, всегда непонятная страсть писать новые документы,—довѣренности, дарственныя записи, духовныя,—что ни по-

пало! Писать новыя и сожигать прежнія... Ну, что же дѣлать? Надо покориться новой фантазіи... Больному нельзя противорѣчить.

Ольга Всеславовна ушла къ себѣ. Она вышла только на нѣсколько минутъ въ этотъ день изъ своей спальни, чтобы узнать конечное слово свѣтилъ медицинской науки, собравшихся, послѣ полудня, на генеральный консиліумъ; а весь остальной день провела взаперти. Заключенія врачей, хотя совершенно рознились въ подробностяхъ, въ главномъ сходились и были не утѣшительны: жизнь и продолжительность страданій больного были вопросомъ не долгаго времени.

Вечеромъ была получена телеграмма отъ Анны Юрьевны; она увѣдомляла отца, что будетъ на другой день къ пяти часамъ вечера.

— Дождусь-ли?.. Охъ! Дождусь-ли... — цѣлый день повторялъ больной.

И чѣмъ сильнѣе онъ волновался, тѣмъ грознѣе были приступы его страданій.

Онъ провелъ дурную ночь. Къ утру болѣзненный припадокъ несравненно сильнѣе прежнихъ едва не унесъ его. Онъ еле дышалъ отъ страшныхъ страданій... Теперь ужъ ему не помогали горячія ванны для рукъ и паровыя вдыханія, приносившія нѣкоторое облегченіе ранѣе.

Докторъ, сестра милосердія, прислуга—сбились съ ногъ. Одна жена, по прежнему, не имѣла къ нему доступа. Она бѣсновалась отъ злобы, стараясь, не безус-

пѣшно, всѣхъ убѣдить, что сходитъ съума отъ отчаянія. Дѣвочку, Олю, еще наканунѣ увезла одна родственница генерала къ себѣ въ домъ,—«на все это ужасное время»... Въ эту ночь генеральша Дрейтгорнъ совсѣмъ не ложилась, не отходила даже, какъ слѣдовало преданной женѣ, отъ дверей мужниной комнаты. Когда предутренній припадокъ утихъ, она попыталась было войти къ нему; но едва больной увидалъ ее у изголовья постели, куда, наконецъ, его уговорили лечь, какъ сильнѣйшее нетерпѣніе исказило черты его и, не будучи въ состояніи говорить, онъ только замахалъ на нее руками и сердито, хрипло застоналъ.

Сестра милосердія очень рѣшительно попросила генеральшу не смущать своимъ присутствіемъ супруга...

«Мнѣ это терпѣть! Мнѣ терпѣть все это?!. Мысленно терзалась оскорбленіемъ Ольга Всеславовна. Терпѣть отъ него, а послѣ него страдать отъ нищеты?.. Ну, нѣтъ! Не бывать тому... Лучше смерть, чѣмъ нужда и такой позоръ»!

Она углубилась въ мрачныя размышленія...

Это непріязненное движеніе при видѣ жены было послѣднимъ сознательнымъ поступкомъ Юрія Павловича Дрейтгорна. Къ восьми часамъ утра онъ потерялъ память, среди тяжкихъ страданій, не затихавшихъ болѣе до самой кончины. Въ началѣ полудня его не стало...

Въ послѣдній часъ агоніи жена его безпрепятственно стояла на колѣняхъ у его изголовья и неутѣшно рыдала.

Грозный сановникъ, милліонеръ, большой баринъ обратился—въ трупъ!

Все пошло своимъ чередомъ. Обычная суета и безцеремонный шумъ, вмѣсто осторожнаго шопота, поднялись вокругъ умершаго, готовя ему парадное погребеніе. Близкихъ, кромѣ жены, возлѣ него никого не было, а она лежала, то въ обморокахъ, то въ истерикѣ. Всѣ заботы пали на скромнаго домашняго доктора и онъ хлопоталъ неустанно, добросовѣстно, въ потѣ лица, стараясь ничего не упустить изъ виду. Но, какъ всегда бываетъ, упустилъ самое важное. Ранніе сумерки ужъ спускались на Петербургъ, окутанный морознымъ туманомъ, когда Эдуардъ Викентьевичъ Полѣсскій отчаянно хлопнулъ себя по лбу: онъ вспомнилъ о ключахъ, о шкатулкѣ, ввѣренной покойнымъ его охранѣ. Въ это время тѣло, одѣтое въ мундиръ и всѣ регаліи, лежало ужъ въ смежной, большой комнатѣ на столѣ подъ парчей, въ ожиданіи гроба и обычныхъ вѣнковъ. Докторъ бросился въ опустѣвшую спальню. Въ ней все ужъ было прибрано, кровать стояла безъ тюфяка и подушекъ; на диванѣ ничего тоже не было.

Гдѣ же ключи? Шкатулка?

Шкатулка стояла на прежнемъ мѣстѣ, нетронутая, запертая... У него отлегло отъ сердца... Однако ключи?.. Сейчасъ, вѣроятно, явится полиція... Удивительно, что ея до сихъ поръ нѣтъ!.. Опечатаютъ... Надо, чтобы въ порядкѣ... Гдѣ Яковъ? Навѣрно онъ взялъ. Или... она?.. генеральша?

Полѣсскій бросился на поиски камердинера, но его не оказалось. Хлопотъ было много, онъ поѣхалъ что то

купить, заказать. Ахъ! Боже-жъ мой! А объявленія? Вдругъ вспомнилъ онъ. Надо сейчасъ написать, сейчасъ послать въ редакціи газетъ. Надо ее спросить, однако,— генеральшу!.. Въ какихъ-де, словахъ?.. Все же, хоть онъ ее и знать не хотѣлъ, но она теперь главное лицо! Да кстати спросить не видала-ль ключей?

Докторъ помчался на половину генеральши. Она лежала измученная, но вышла къ нему... Въ какихъ выраженіяхъ? Ей право все равно!.. «Съ глубокимъ прискорбіемъ» или «съ душевнымъ»,—какое ей дѣло?.. Ключи?.. Какіе ключи?.. Нѣтъ, она никакихъ ключей не видала и не знаетъ, гдѣ они. Да чего онъ тревожится?.. Прислуга вѣрная: ничего не пропадетъ...

— Да, но ихъ надо имѣть на готовѣ, для полиціи. Сейчасъ придутъ опечатывать бумаги покойнаго...

— Опечатывать! Зачѣмъ?

— Таковъ законъ... Чтобы все было цѣло, до прочтенія завѣщанія во исполненіе воли покойнаго.

Генеральша Дрейтгорнъ замѣтно поблѣднѣла. Она не знала и не ожидала такой помѣхи... Докторъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы замѣтить эту блѣдность.

— Такъ я сейчасъ напишу объявленіе и пошлю въ редакціи. Въ «Новое Время» и въ «Новости»,—я полагаю довольно?

— Какъ знаете!.. Пишите здѣсь, у меня. Вотъ все что нужно: перья, бумага. Напишите,—прочтете мнѣ... Я

сейчасъ, только положу компрессъ на голову... Страшная мигрень!.. Подождите же меня.

И генеральша вышла изъ пріемной въ спальню.

— Рита!—шепнула она своей повѣренной субреткѣ, спѣшно обшивавшей ей крепомъ траурное платье: не выпускай доктора, пока я не вернусь! Слышишь?.. Что хочешь дѣлай, только не выпусти!

Генеральша скользнула изъ спальной въ боковую, маленькую дверь и исчезла.

Двѣ комнаты до той, гдѣ лежало тѣло, были совершенно пусты и сумрачны, ничѣмъ не освѣщенныя; изъ той шелъ тоненькій лучъ свѣта отъ лампады, зажженной у иконы. Свѣчи еще не горѣли, чтецъ-дьячекъ еще не приходилъ... Ихъ ждали вмѣстѣ съ батюшкой и съ гробомъ; пока возлѣ умершаго никого не было, только въ передней, проходной комнатѣ сидѣла сестра милосердія.

— Помолиться желаете?—спросила она генеральшу.

— Да... Помолюсь тамъ... Въ его комнатѣ.

Она проскользнула мимо покойника, на него не взглянувъ, въ его бывшую спальню и притворила за собою двери. Запереть ихъ на ключъ опа побоялась, да и зачѣмъ?.. Дѣло одной минуты... Вотъ она—шкатулка,—старая знакомая! И ключъ отъ нея ей хорошо знакомъ: когда-то не такъ давно,—у мужа не было отъ нея тайнъ, ни запретовъ.

Быстро вложенъ ключъ въ замокъ, быстро поднята крышка... Бумага? Эта новая, «подлая» бумага, которая

можетъ ее всего лишить!.. А! вотъ и она. Дуракъ этотъ не обманулъ: съ самаго верха. И искать нечего, слава Богу.

Скорѣй теперь закрыть, запереть плотную крышку; сунуть ключи, куда нибудь,—вотъ хоть между сидѣньемъ и спинкой кушетки, на которой онъ лежалъ... Вотъ такъ!

Вздохъ облегченнаго страха слетѣлъ съ прекрасныхъ, поблѣднѣвшихъ за эти тревожные дни, губъ красивой женщины. Отнынѣ она могла быть спокойна!

Взглянуть на этотъ «документъ» его жестокости! Несправедливости! Тупоумія!.. Чтобъ, не дай Богъ, не вышло ошибки!.. Ольга Всеславовна подошла къ окну, и пользуясь послѣднимъ лучемъ сѣраго дня, развернула духовную.

«Во имя Отца и Сына и св. Духа»... прочла она...

Да! Это оно: завѣщаніе...

«Какъ онъ говорилъ эти самыя слова тогда, благословляя Олю!» вспомнилось ей. «Благословлялъ! А та же рука не дрогнула подписать это!.. Лишить ее, ихъ обѣихъ всего—изъ за тѣхъ, ненавистныхъ людей? Но теперь — не бывать тому! Просимъ прощенія! — не рядиться твоей голопятой азбучницѣ въ павлиньи перья! Намъ съ Олей— деньги болѣе къ лицу!»

И генеральша чуть не прищелкнула побѣдоносно пальцами въ ту сторону, гдѣ онъ лежалъ. Она, несмотря на французское воспитаніе, въ минуты увлеченія была тривіальна.

Вдругъ близехонько подъ дверями раздались шаги.

Помилуй Богъ! А у нея въ рукахъ громадный толстый листъ гербовой бумаги! Куда дѣвать?.. Сложить и думать нечего успѣть. Вотъ! Уже входятъ... Кто бы?

И духовное завѣщаніе на полу и сама генеральша тоже на полу,—на колѣняхъ на немъ какъ на коврикѣ, въ молитвенной позѣ, заломила руки на подоконникъ и влажный взоръ устремила на мигавшую звѣздочку, словно небеса принимая въ повѣренные и свидѣтели своего безутѣшнаго, вдовьяго горя...

То была только сестра милосердія.

— Сударыня, тамъ люди пришли, принесли гробъ и, кажется, полицейскіе.

— Ахъ! Я сію минуту!.. Скажите пожалуйста, что я сейчасъ.

Сестра милосердія вышла.

«Ишь, поди вѣдь, какъ она мужа любила! И за что-жъ онъ ее обижалъ напослѣдокъ?» невольно укорила она покойнаго генерала.

А генеральша между тѣмъ поспѣшно поднялась, сложила духовную какъ попало, вчетверо, въ восьмеро, и зажавъ ее въ рукѣ торопливо вышла изъ этой, теперь ее пугавшей комнаты.

Она до того растерялась, что забыла даже поискать свой карманъ... Она только крѣпко держала свой свертокъ, а руку опустила внизъ, пряча ее между складками широкаго пеньюара.

Въ комнатѣ, только что пустой, ей показалось теперь

такъ много народу, что у нея зарябило въ глазахъ. Сердце ея стучало немилосердно и кровь била въ виски такъ громко, что она никакъ не могла понять о чемъ ее спрашиваютъ?.. Ее спрашивали: можно ли переложить тѣло въ гробъ, уже стоявшій рядомъ. Молчаніе принято за согласіе... Привычные люди ловко взялись и приподняли осѣвшее тѣло.

Ольга Всеславовна стояла у изголовья. Изъ за приступившихъ погребальныхъ служителей она вдругъ увидала, къ ней шедшую съ протянутою рукою, со слезами сочувствія на глазахъ, княгиню Рядскую,—ту самую сановитую родственницу, которая взяла къ себѣ маленькую Олю...

«Надо ей подать руку,—а въ рукахъ этотъ проклятый свертокъ!.. Куда его дѣвать? Какъ спрятать?»

Въ глаза ей метнулся блестящій, пепельно-блѣдный лобъ покойника, безпомощно закинутый назадъ, насторону, въ ту минуту, какъ все тѣло висѣло на рукахъ надъ своимъ вѣчнымъ жилищемъ...

Спасительная мысль!

Нѣжно склонилась генеральша къ гробу. Нѣжно поддержала холодную голову покойника... Нѣжно опустила ее на атласную подушку, расправила рюшь, окружавшую это твердое изголовье и незамѣтно оставила подъ нимъ скрученный свертокъ бумаги...

«Вотъ такъ вѣрнѣй! пролетали въ ней мысли. Ты вѣдь хотѣлъ же самъ хранить свою духовную: ну и храни ее во вѣки!.. Чего же лучше?»

И ей стало даже смѣшно... Она съ трудомъ успѣла задержать улыбку торжества, превративъ ее въ горькую улыбку печали, въ отвѣтъ на соболѣзнованія родственницы...

Гробъ ужъ торжественно красовался на столѣ; его покрывали парчей, цвѣтами... Княгиня — родственница, поклонившись въ землю, первая возложила привезенный вѣнокъ.

— Страдалецъ! Успокоился!—шептала она, качая головой:—Панихида скоро будетъ?.. А гдѣ же... Гдѣ-же Ольга Всеславовна?

— Онѣ сейчасъ! — умиленно зашептала ей въ ухо «сестра». Пошли оправиться... Сейчасъ начнутъ сбираться на панаѳиду,—а онѣ въ разстройствѣ... Очень убиваются! Не угодно ли присѣсть?

— А?.. Что?... Присѣсть?.. Благодарю!—свысока процѣдила княгиня.

И направилась ко вступавшему въ дверь благочинному украшенному многими регаліями и сановитою бородою.

Генеральша быстро вошла къ себѣ.

— Рита! скорѣе вымыть руки, одѣваться. Ахъ! Извините, пожалуйста, докторъ! Меня вѣдь звали туда, — къ мужу... Его ужъ положили въ гробъ! тяжко вздохнула она... Что это? Да, объявленіе о кончинѣ? Хорошо! Хорошо!.. Отошлите, пожалуйста, а мнѣ надо скорѣе одѣваться. Тамъ сейчасъ панихида.

— Докторъ! Не здѣсь-ли докторъ?—раздались тревожные призывы за дверью.

— Иду! что такое?

— Пожалуйте скорѣе, Эдуардъ Викентьичъ! призывалъ его Яковъ:—Тамъ барынѣ, внизу, Аннѣ Юрьевнѣ очень дурно!... Я вотъ, цвѣты заказывалъ, вернулся, смотрю: а въ прихожей барыня безъ чувствъ лежатъ. Только что пріѣхали, спрашиваютъ, а имъ прямо: скончался! говорятъ... Безо всякаго приготовленія!.. Ну, онѣ не вынесли: въ обморокѣ!

Яковъ договаривалъ все это на ходу.

— Комедіантка! въ негодованіи рѣшила Ольга Всеславовна.

И тутъ же мысленно прибавила: «Ну, да теперь она хоть на головѣ ходи, такъ мнѣ все равно!»

IV.

Все ли равно было ей или не все, однако глубокое отчаяніе дочери, не успѣвшей проститься съ отцомъ, не успѣвшей принять его благословенія, послѣ многолѣтняго гнѣва, тяготѣвшаго надъ неповинной головой молодой женщины, такъ было очевидно искренно, произвело на всѣхъ такое сильное впечатлѣніе, что и мачиха ея взволновалась.

Анна Юрьевна была похожа на отца, на сколько можетъ быть похожа молодая, стройная, хорошенькая женщина на пожилого человѣка съ строгими чертами и атлетическимъ сложеніемъ, какимъ отличался генералъ Дрейт-

горнъ. Но несмотря на нѣжность сложенія и кротость взгляда, въ черныхъ глазахъ ея иногда загоралась искра очень похожая на вспышки въ отцовскомъ взорѣ и волей своей, сильнымъ характеромъ и непреклонной настойчивостью на томъ, что ей казалось правымъ и необходимымъ, Анна была двойникомъ покойнаго.

Почти десять лѣтъ, со дня замужества ея съ любимымъ человѣкомъ, котораго злонамѣренные люди успѣли оклеветать во мнѣніи генерала, дочь его покорно несла его гнѣвъ. Не переставая писать ему, умоляя простить ее, понять, что онъ ошибался, что мужъ ея честный человѣкъ и что она была-бы совершенно, вполнѣ счастлива, если бы не тяжесть гнѣва отцовскаго и разлука съ нимъ, она никогда, до послѣдняго времени, не получала его отвѣтовъ. Лишь въ послѣдній мѣсяцъ случилось что-то непонятное: отецъ не только написалъ ей, что желалъ бы повидаться съ ней и дѣтьми въ Петербургѣ, куда долженъ тотчасъ ѣхать, но черезъ нѣсколько дней написалъ опять,—длинное нѣжное письмо, гдѣ прямо просилъ ея прощенія. Ничего не объясняя, онъ говорилъ, что получилъ такія явныя доказательства невинности и рыцарской честности ея мужа, что чувствуетъ себя предъ нимъ глубоко виноватымъ и несчастнымъ своей несправедливостью. Въ слѣдующихъ письмахъ Дрейтгорнъ, умоляя дочь поспѣшить пріѣздомъ, потому что онъ боленъ и по мнѣнію докторовъ «долго не протянетъ», ее окончательно поразилъ увѣдомленіемъ о смыслѣ своего новаго духовнаго завѣ-

щанія, о непремѣнной волѣ разлучить меньшую дочь «съ такою матерью» и мольбами къ ней и мужу ея не отказаться принять къ себѣ на воспитаніе маленькую Ольгу.

— Что случилось? Чѣмъ такъ могла эта пустая женщина такъ жестоко оскорбить отца?—въ недоумѣніи разсуждала Анна.

— Если бы она только была пуста! — пожавъ плечами, отвѣчалъ ей мужъ:—Но она такъ зла, такъ хитра и такъ беззастѣнчиво смѣла, что отъ нея всего можно было ждать!

— Но въ такомъ случаѣ былъ бы скандалъ! Мы бы навѣрное что нибудь знали... Нынче погляди, вонъ, даже въ газетахъ расписываютъ такія исторіи, а мой отецъ такой извѣстный, замѣтный человѣкъ!

— Вотъ и причина почему не пишутъ! — улыбаясь, замѣтилъ Борисовъ.

Самъ ѣхать онъ отказался наотрѣзъ. Онъ съ ужасомъ вспоминалъ тотъ первый годъ своей женитьбы, когда онъ еще не могъ добиться перевода въ другой городъ и поневолѣ терпѣлъ встрѣчи съ этой ненавистной ему женщиной,—«съ этой женой Пентефрія,»—какъ онъ мысленно со смѣхомъ надъ собой самимъ, порою обзывалъ Ольгу Всеславовну; да и съ нимъ, съ ея мужемъ, этимъ честнымъ умнымъ старикомъ, такъ унизительно отдавшимся въ распоряженіе хитрой и низкой интриганткѣ! Анна Юрьевна знала, что мужъ презираетъ ея мачиху; что онъ ненавидитъ ее за все горе, имъ перенесенное чрезъ нее, а

еще болѣе за ея дурное вліяніе на отношенія отца ея къ ея брату.

Борисовъ шесть лѣтъ жилъ учителемъ и воспитателемъ при Петѣ Дрейтгорнѣ и очень любилъ его. Мальчикъ былъ ужъ въ послѣднихъ классахъ гимназіи, когда сестра, на два года старше его, кончила курсъ и вернулась въ отцовскій домъ почти одновременно съ вторичной женитьбой генерала.

То что молодой учитель старался не замѣчать и терпѣть, ради дружбы къ своему воспитаннику, въ первый годъ свадьбы Дрейтгорна, стало невыносимо, когда пріѣхала его дочь и ко всѣмъ осложненіямъ труднаго положенія Борисова еще прибавилось сознаніе ихъ взаимной любви... Тутъ онъ повелъ дѣло на чистоту и все скоро разыгралось. Никогда, никому въ свѣтѣ не заикался молодой человѣкъ о причинѣ ненависти къ нему генеральши Дрейтгорнъ. Онъ искренно надѣялся для спокойствія своего тестя, что онъ никогда о ней не узнаетъ. Анна была убѣждена, что всему причиной гордость ея мачихи, съумѣвшей и отцу ея внушить предубѣжденіе противъ такого, по ея мнѣнію, «mesalliance'а». Отчасти она была права, но главныя причины вражды остались ей навсегда неизвѣстны. Къ несчастью не такъ было съ ея отцемъ.

Въ послѣдніе годы онъ все сильнѣй разочаровывался въ достоинствахъ своей жены. Дошло наконецъ до того, что генералу стало спокойнѣе житься, когда его супруга отсутствовала... До послѣдней болѣзни Юрія Павловича

которая, сказать къ слову, едва ли не была и первой,— Ольга Всеславовна уѣхала на годъ путешествовать съ дочкой по чужимъ краямъ; но пробыла не болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ генералъ неожиданно рѣшился ѣхать въ Петербургъ искать развода, увидаться съ дочерью и перемѣнить свое духовное завѣщаніе... Быть можетъ онъ и не рѣшился бы никогда на такія крутыя мѣры, если бы не случилось нѣчто никѣмъ не предусмотрѣнное.

Борисовъ напрасно думалъ, что онъ такъ тщательно уничтожалъ всѣ письма къ нему молодой генеральши въ то время, когда не былъ еще женатъ, — что не осталось никакихъ вещественныхъ доказательствъ ея ранняго вѣроломства. У нея и до замужества была повѣренная, исполнявшая многія маленькія порученія красивой барышни, слава которой гремѣла въ трехъ приволжскихъ губерніяхъ,— аренѣ ея раннихъ лѣтъ. Впослѣдствіи молодая барыня нашла себѣ въ чужихъ краяхъ новую любимицу, эту самую Риту, которая и нынѣ была при ней. Марѳа, русская наперсница, конечно возненавидѣла «нѣмку» и пошли между ними такія баталіи, что не только генеральша, но и самъ генералъ лишились покоя. Марѳа была не промахъ: ее Ольгѣ Всеславовнѣ приходилось беречь; она и берегла, но и сама не знала до какой степени находится въ ея рукахъ. Предвидя черный день неблагодарности, Марѳа съ удивительной предусмотрительностью откладывала по одному или по нѣскольку писемъ изъ каждой серіи тайныхъ переписокъ барыни, неуклонно проходив-

шихъ черезъ руки ея, въ разныя времена. Быть можетъ она и не воспользовалась бы ими такъ зло, если бы не послѣдняя смертельная обида барыни!.. Цѣня въ слугѣ, кромѣ расторопности, знаніе языковъ, барыня ея услугами не пользовалась обыкновенно за границей, но брала съ собой въ путешествіе, донынѣ, обѣихъ горничныхъ. Но въ предпослѣднюю поѣздку Мароа до того надоѣла ей вѣчными слезами и ссорами, что генеральша задумала обойтись безъ ея услугъ, тѣмъ болѣе, что съ нею ѣхала еще гувернантка при дочери. Штатъ выходилъ черезчуръ великъ.

Не стало мѣры озлобленію Мароы, когда она узнала, что остается дома... Дерзость ея была такъ велика, что она прямо сказала барынѣ, что «жалѣя ее» совѣтуетъ ей ее не обижать, потому что она «такой обиды безъ отместки не оставитъ». Но барынѣ и въ голову не приходило, что̀ Мароа замыслила и чѣмъ она рискуетъ.

Едва генеральша уѣхала, Мароа попросила генерала отпустить ее, говоря, что она поищетъ дѣла въ другомъ мѣстѣ. Задерживать ее генералъ не видѣлъ возможности, да и не желалъ, видя въ ней вздорную сварливую бабу. Довѣренная слуга ушла изъ дому, уѣхала даже изъ города! И тутъ-то началось ея мщеніе и пытка Юрія Павловича, сразу подкосившая его счастіе, здоровье, едва-ли не самую жизнь. Почти каждый день началъ онъ получать письма изъ разныхъ мѣстъ Россіи,—у Мароы кумовей и друзей было множество!.. Съ безпредѣльной жесто-

костью Марөа начала свои присылки съ менѣе важныхъ документовъ шалостей его жены. Вначалѣ приходили записочки, еще подписанныя ея дѣвичьимъ именемъ; потомъ два три письма изъ серій послѣднихъ лѣтъ и, наконецъ, пришла цѣлая пачка посланій генеральши въ первый годъ брака, «къ учителю» — когда Борисовъ еще не зналъ Анны.

Коварная Марөа, прекрасно зная все, о чемъ въ этихъ записочкахъ говорилось, часто передавала ихъ содержаніе на словахъ, а ихъ припрятывала и сберегала, въ виду того, что «вѣдь Богъ знаетъ, что можетъ со временемъ приключиться?..»

«Не будутъ нужны — сожгу! а можетъ пригодятся?.. Господь завсегда хорошо въ рукахъ держать!» — разсуждала смѣтливая баба:—и не ошиблась въ разсчетахъ, хотя эти письма послужили не къ выгодѣ ей, а только къ кровавой мести.

Они самыя,—записочки и письма эти, открывшія окончательно глаза генералу на личность его супруги и собственную его вопіющую несправедливость къ роднымъ дѣтямъ и лежали теперь въ шкатулкѣ покойнаго, аккуратно завернутыя въ пакетъ, съ надписаннымъ докторомъ адресомъ, на имя «ея превосходительства, Ольги Всеславовны Дрейтгорнъ».

По первому же письму отца Анна стала собираться въ Петербургъ, но на бѣду ее задержали болѣзни сначала одного ребенка, потомъ другого. Если бы не послѣд-

нія телеграммы его, она и теперь бы еще не выѣхала, потому что не знала о его опасной болѣзни.

Но теперь, пріѣхавъ слишкомъ поздно, бѣдная женщина простить себѣ не могла этого.

Вчужѣ тяжко было видѣть, какъ она убивалась надъ гробомъ отца,послѣ панихиды!... Княгиня Рядская разливалась въ слезахъ, на нее глядя; и всѣ многочисленные знакомые и родственники гораздо болѣе разстроились ея отчаяніемъ, нежели смертью самого генерала. Ольга Всеславовна втайнѣ была скандализирована такой несдержанностью; но по наружности была очень разстроена и тронута положеніемъ своей бѣдной падчерицы... Однако она не рискнула, при людяхъ, явно высказывать ей симпатію, помня слово, вырвавшееся «у этой сумасшедшей», когда ее привели въ себя изъ обморока и она было бросилась къ ней съ объятіями.

— Уйдите отъ меня!—закричала, увидавъ ее, Анна:— Я не могу васъ видѣть, вы убили моего отца!

Хорошо, что въ передней были одни лакеи! Но вновь это выслушать, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, генеральша рисковать не желала.

При томъ она была черезчуръ встревожена: гости, собравшіеся на панихиду, навезли цвѣтовъ и «полоумная княгиня» вздумала, съ помощью другихъ двухъ дамъ, сама украшать ими гробъ и въ особенности изголовье... Трудно представить себѣ, что вынесла Ольга Всеславовна глядя, какъ всѣ эти руки рылись въ складкахъ кисеи, въ

рюшѣ, подъ покровомъ, чуть ли не подъ самой атласной подушкой... Еще немного и она могла бы непритворно упасть въ обморокъ.

Она всегда хвалилась, что у нея крѣпкіе нервы и точно это была правда; однако за эти дни и ихъ крѣпость, видно, не выдержала, потому что она долго не могла въ ту ночь заснуть и ей то и дѣло Богъ вѣсть что мерещилось... Едва къ утру заспула Ольга Всеславовна, да и то не надолго.

Темная ночь еще стояла надъ спавшимъ городомъ. Мракъ и тишина воцарились наконецъ въ успокоившихся меблированныхъ комнатахъ, гдѣ въ цѣлой анфиладѣ пустыхъ покоевъ крѣпче и спокойнѣе всѣхъ спалъ вѣчнымъ сномъ генералъ Дрейтгорнъ. Невыразимо торжественно и спокойно рисовалось лицо его среди пестрыхъ цвѣтовъ, лоснясь въ свѣтѣ нагорѣвшихъ восковыхъ свѣчей. Между черными бровями застыла складка, словно онъ не переставалъ и теперь озабоченно рѣшать глубокую думу; а тонкія губы крѣпко были сжаты, какъ и при жизни, когда онъ принималъ твердое, непоколебимое рѣшеніе.

Въ этотъ самый, неподвижный часъ ночи, когда надъ усопшимъ смолкло монотонное чтеніе псалтыри и чтецъ, еле добравшись до ближняго дивана, растянулся на немъ и храпѣлъ богатырски,—Анна Юрьевна видала во снѣ отца своего, но въ совершенно новомъ видѣ. Она разсказывала впослѣдствіи, что на нее, противъ ожиданія, какъ только легла она, истомленная слезами, вдругъ сни-

зошло такое полное, ясное спокойствіе духа, будто кто снялъ съ нея невидимый гнетъ. Не то чтобы она забыла, что отецъ ея умеръ, что его нѣтъ въ живыхъ, — нѣтъ! Она ни на секунду не забывала свершившагося; но оно не казалось болѣе такимъ тяжкимъ, горькимъ, непоправимымъ бѣдствіемъ... У нея явилось вдругъ не размышленіе и не выводъ изъ какихъ либо умствованій, а безотчетное сознаніе, убѣжденіе, что не изъ чего такъ убиваться, что въ концѣ концовъ—все равно! Немного ранѣе или позже—развѣ въ томъ суть?.. Отецъ ея умеръ; она—еще жива; а черезъ какихъ нибудь полъ-столѣтія—не все-ли это равно?.. Оба будутъ мертвы,—и оба будутъ живы!.. Да!—будутъ, будутъ живы!.. Какъ оба живы и нынѣ и во вѣки. Они не видѣлись десять лѣтъ; отецъ не успѣлъ благословить ее. Но онъ хотѣлъ ее благословить и благословеніе на ней пребудетъ; пребудетъ тоже, несмотря на продолженіе временной разлуки и ихъ любовь,—безсмертная любовь, все переживающая, единый вѣчный союзъ духа...

И торжественный покой снизошелъ на нее въ силу этой увѣренности, сразу ее осѣнившей какъ бы вышнимъ, животворящимъ свѣтомъ. Не успѣла она сомкнуть въ сладкой дремотѣ усталыхъ глазъ, какъ увидала его предъ собою. И видя, все же помнила, что для земной жизни онъ мертвъ, но не смущалась этимъ болѣе... Пусть такъ,—если таковъ законъ предвѣчный! Пусть такъ,—если земная смерть возрождаетъ къ такой неизъяснимо - свѣтлой

чистотѣ и сіяющей радости, облеченнымъ въ которыя явился онъ ей нынѣ.

Онъ подошелъ къ ней. Онъ положилъ ей на голову руку и она почувствовала, что онъ о ней молится... Такъ дѣлывалъ онъ иногда, когда она еще была ребенкомъ, при жизни ея матери. Но тогда она не знала, что отецъ мысленно творилъ молитву; теперь же она чувствовала это, какъ чувствовала и знала каждое слово этой знакомой молитвы, вторя ей, молясь вмѣстѣ и заодно съ отцемъ.

Это была такая ей родная, такая чудная молитва! Каждый звукъ въ ней, каждое слово порождало отрадныя чувства,—трепетное умиленіе, радость, свѣтлую надежду!.. Она горячо молилась и въ то же время думала, какъ могла она забыть эту молитву?.. Какъ могла такъ долго не гововорить ее, не помнить ея высокаго смысла?

Она знала, что давно не молилась этой простой, умиротворяющей и всеразъясняющей молитвой. Она сознательно давала себѣ слово отнынѣ всегда ею молиться и научить ей мужа и дѣтей, радуясь ихъ радости, когда они узнаютъ отъ нея истинный смыслъ ея и утѣшительное значеніе.

И съ чувствомъ глубочайшаго мира въ душѣ, съ радостнымъ сознаніемъ великаго откровенія сообщеннаго ей отцемъ, Анна спокойно, крѣпко уснула...

. . . .

Зато почти въ то же мгновеніе проснулась, за пять

комнатѣ оттуда, едва успѣвшая забыться тяжелымъ безпокойнымъ сномъ Ольга Всеславовна. Она пробудилась отъ сознанія чьего то присутствія, чьего то враждебнаго тяготѣнія. Сѣла въ кровати и оглядѣла комнату... По полу и стѣнамъ бродили, колыхаясь, тѣни отъ огня въ ночникѣ, по которому прошло откуда-то дуновеніе... Въ спальни не было никого.

«Не разбудить-ли Риту? Приказать ей здѣсь лечь, возлѣ меня?..» подумала Ольга Всеславовна,—но тутъ же устыдилась своего дѣтскаго страха.

Она легла, повернулась къ стѣнѣ и заснула сейчасъ-же.

Заснула и увидала сонъ.

Она спускалась съ какой-то тяжелой, неуклюжей ношей на плечахъ, по безконечнымъ лѣстницамъ и темнымъ переходамъ. Впереди ей мерцалъ, яркій, перемѣнчивый огонекъ: то красный, то желтый, то зеленый, онъ все мерцалъ и метался передъ нею, изъ стороны въ сторону... Она знала, что если бы удалось ей достигнуть его,—ноша ея съ нея снялась бы... Но онъ словно дразнилъ ее, то появляясь, то исчезая и вдругъ пропалъ изъ глазъ совсѣмъ! И она очутилась во мракѣ въ сыромъ подземельи съ виду пустомъ, но переполненномъ чьимъ-то невидимымъ присутствіемъ... Чьимъ?... Она не знала! Но это переполненіе ее страшно пугало, душило ее, отовсюду на нее насѣдая, отымая послѣдній воздухъ! Она задыхалась! Ужасъ охватилъ ее при мысли, что вѣрно это смерть... Ей умереть?.. Возможно-ли?.. Да вѣдь этотъ блестящій, веселый

огонекъ только что сулилъ ей жизнь, веселье и блескъ! Ей надо его скорѣй догнать!

И она хотѣла бѣжать. Но ноги ея не слушались,— она не могла пошевелиться.

«Господи! Господи! закричала она: да что-жъ это такое?.. Откуда такая напасть?.. Кто меня держитъ?.. Пустите меня на воздухъ, не то я задохнусь въ этомъ смрадѣ, подъ этой непосильной тяжестью!..»

Отчаянный вопль ея пронесся подъ безконечными сводами и со всѣхъ сторонъ эхо, дробясь и переливаясь на тысячу ладовъ, вернуло ей его обратно, обративъ его въ раскатистый хохотъ, въ насмѣшливый, визгливый смѣхъ. Она рванулась впередъ въ смертельномъ ужасѣ, поскользнулась и упала...

Тогда ее обступили со всѣхъ сторонъ. Все то или всѣ тѣ, что невидимо переполняли мрачную пустоту безконечнаго подземелья, приступили къ ней и то кричали ей, то шептали въ самыя уши:

«Зачѣмъ не уходишь?.. Никто тебѣ не мѣшаетъ!.. Ты сама захотѣла придти сюда. Сама ты насъ породила, сама насъ возлѣ себя держишь!.. Не задохнешься!.. Это родная тебѣ атмосфера. И ношу эту ты доброй волей сама же на себя взвалила... Такъ иди-же! Иди-же впередъ!. На избранномъ тобою пути нѣтъ отдыха, нѣтъ остановокъ,— или назадъ,—или впередъ! Иди!.. Иди!..»

И она силилась встать, она сознавала, что обязана

идти; но ужасъ, тоска и мучительный страхъ приковывали ее къ мѣсту.

Вдругъ мимо нея прошелъ Юрій Павловичъ. Она тотчасъ его узнала и радостно вцѣпилась въ полу его развѣвавшейся генеральской шинели.

«Юрій! Прости! Помоги мнѣ!» закричала она.

Мужъ остановился, посмотрѣлъ на нее печально и отвѣчалъ:

«Я бы и радъ, да ты сама помѣшала... Пусти! Пока не распалось это платье, — надо же мнѣ исполнить твое порученіе!»

Въ эту секунду она проснулась.

Она была вся въ холодномъ поту и судорожно зажимала обѣими руками свои простыни. Возлѣ нея никого не было, но она чувствовала ясно еще чье-то присутствіе и была убѣждена, что точно видѣла сейчасъ своего мужа.

Въ ушахъ ея еще явственно звучалъ его голосъ: «Надо же мнѣ исполнить твое порученіе...»

Порученіе?.. Какое?..

Она вскочила и торопливо зашаркала босыми ногами по ковру; розыскивая туфли. Ее охватило страшное убѣжденіе... Ей надо было удостовѣриться сейчасъ, сію минуту!..

Взять завѣщаніе! Взять его оттуда! Сжечь! Уничтожить!.. мелькало въ ея умѣ, пока она лихорадочно вздѣвала пеньюаръ, накидывала шаль.

— Рита! Вставай скорѣе! Скорѣе!.. Пойдемъ!

Перепуганная горничная съ просонья вскочила, терла глаза, ничего не понимая. Холодныя, какъ ледъ, руки барыни теребили ее и куда-то тащили.

— Ach lieber Gott... Lieber Gott im Himmel! бормотала она: что случилось?.. Что вамъ угодно?

— Молчи! Идемъ скорѣе!

И Ольга Всеславовна, съ свѣчей въ дрожавшихъ рукахъ, шла и тащила за собою Риту, тоже дрожавшую со страха...

Она отворила дверь спальни и отступила назадъ...

Всѣ двери были открыты настежь и прямо передъ ней, среди четвертой, блисталъ въ золотѣ парчевыхъ покрововъ и сіяніи высокихъ свѣчей на траурномъ катафалкѣ гробъ ея мужа.

— Что это? прошептала генеральша:—Зачѣмъ отворили всѣ двери.

— Не знаю.... Всѣ онѣ вечеромъ были заперты! пробормотала въ отвѣтъ горничная, стуча зубами отъ бившей ее лихорадки.

Ей очень хотѣлось спросить госпожу, куда, зачѣмъ она идетъ? Очень хотѣлось остаться сзади, не идти въ ту комнату, но она не посмѣла.

Онѣ быстро прошли первыя комнаты; у дверей послѣдней генеральша поставила подсвѣчникъ на ближайшій стулъ и на секунду пріостановилась... Ихъ обѣихъ поразилъ громкій храпъ чтеца.

— Это дьячекъ! успокоительно шепнула генеральша.

Рита едва смогла кивнуть головой.

Однако ее успокоилъ этотъ здоровый храпъ живого человѣка. Не доходя до того мѣста, горничная остановилась, вся дрожа, завернулась въ свой шерстяной платокъ и стала отвернувшись, стараясь только видѣть диванъ со спавшимъ на немъ псаломщикомъ.

Нахмуривъ брови, стиснувъ зубы до боли, Ольга Всеславовна рѣшительно подошла ко гробу и запустила обѣ руки подъ цвѣты въ изголовьи... Вотъ рюшъ... Вотъ и атласъ подушки... и... и дно... гдѣ же?! Стучавшее, какъ молотъ громко сердце—вдругъ екнуло и замерло... Завѣщанія тутъ не было...

«Я, можетъ быть забыла? Можетъ быть оно съ другой стороны!» подумала Ольга Всеславовна и перешла по лѣвую сторону гроба.

Нѣтъ... и здѣсь нѣтъ свертка.

Гдѣ-же онъ?.. Кто взялъ его?!

Вдругъ сердце ея упало и сама она схватилась за край гроба, чтобы не упасть съ нимъ рядомъ. Ей показалось, что изъ подъ окоченѣлыхъ, крѣпко сложенныхъ, тяжело осѣвшихъ рукъ покойника бѣлѣетъ, сквозь прозрачную кисею покрова, уголъ бумаги.

«Вздоръ! Навожденіе!.. Быть не можетъ! Мнѣ померещилось!» вихремъ проносилось въ ея мутившемся сознаніи.

Да! Она не ошиблась. Бѣлый уголокъ сложеной бумаги явственно выдѣлялся на черномъ мундирѣ.

Озлобленно заставила она себя скрѣпиться и еще разъ взглянуть...

Да!.. Она не ошиблась. Бѣлый уголокъ сложенной бумаги явственно выдѣлялся на черномъ мундирѣ генерала.

Въ эту секунду вѣтеръ, откуда-то пронесшійся по свѣчамъ, расшаталъ ихъ нагорѣвшее пламя... Тѣни пошли танцовать по всей комнатѣ, по гробу, по лицу покойника и въ этихъ быстрыхъ переливахъ тѣней и свѣта застывшія черты, казалось, оживились, на губахъ мелькала печальная усмѣшка, дрогнули крѣпко сомкнутыя вѣки...

Раздирающій душу женскій крикъ пронесся по всему дому.

Съ отчаяннымъ воплемъ.—«Глаза! онъ смотритъ»!— генеральша пошатнулась и упала на полъ, у мужнина гроба.

Это случилось 23-го декабря, въ седьмомъ часу утра.

V.

Въ тотъ же день рано утромъ жена нотаріуса Ивана Ѳеодоровича Лобниченко, Евгенія Гавриловна, поднявшись съ пѣтухами, была чрезвычайно занята. Хлопотъ у нея былъ «полонъ ротъ», по ея собственному опредѣленію. Завтра сочельникъ и день ея ангела,—да мало того, что ея! А вмѣстѣ и Женички, ея семнадцатилѣтней дочки, баловницы отца съ матерью. Было о чемъ похлопотать!..

Все надо было закупить — и на постный день, и на праздникъ и угощеніе имянинное!.. А въ домѣ!.. Святи-

тели! Вѣдь нотаріяльную контору надо было превратить въ танцовальную залу, а Иванъ Өеодоровичъ еще и нонѣшнихъ занятій не уступалъ!

«Будетъ съ васъ, говорилъ онъ, сочельника и двухъ первыхъ дней праздника! Чего вамъ еще?.. А дѣло не дѣлать,—такъ вѣдь и угостить имянинныхъ гостей не на что будетъ!» Что съ нимъ подѣлаешь?.. Вотъ опять, какъ ни мой, ни оттирай половъ, а грязищи нанесутъ кліенты на сапогахъ, это вѣрно! И опять поломоекъ нанимай. А гдѣ ихъ взять-то, вь самый сочельникъ? Хорошо, что жена швейцара обѣщалась помочь, да, что полотеры знакомые,—десять лѣтъ на нихъ работаютъ,—хоть въ самую ночь сочельника да придутъ натереть.

Лобниченки были семья благочестивая. Новые, модные дѣльцы Ивана Өеодоровича «старозавѣтнымъ» и «патріархомъ» называли; онъ не претендовалъ, благо дѣлу его это не вредило, а напротивъ состоялъ онъ въ большомъ уваженіи у купечества. У честнаго, чистаго купечества, кривыхъ дѣлъ Иванъ Өеодоровичъ не любилъ и поэтому вѣроятно, хотя и не нуждался, но и не богатѣлъ, какъ другіе его сотоварищи. Искони было заведено у Евгеніи Гавриловны въ день Ангела батюшку благочиннаго, ея долголѣтняго духовника и всѣхъ посѣтителей постнымъ пирогомъ угощать; а молодежь на веселіе и танцы, въ сочельникъ не подобающіе, на первый день праздника звать.

Поневолѣ приходилось ни свѣтъ ни заря наканунѣ имянинъ подыматься и самой хлопотать и за работой

Анисьи и Артемія присмотрѣть, а потомъ и съ кухаркой Дарьей на Сѣнной побывать. Въ этомъ ветхозавѣтномъ домѣ и прислуга подстать была; жила по десяти, да по двадцати лѣтъ. Горничная Анисья, ужъ на что шустрая, а и та пятый годъ доживала; а лакей десять лѣтъ ворчалъ, что «завтра» уйдетъ,—но это завтра никогда въ сегодня не превращалось и никто никогда на его воркотню вниманья не обращалъ, зная, что Артемій меланхоликъ. Артемій былъ человѣкъ исправный и честный, но большой оригиналъ и пессимистъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ и не стѣснялся высказывать своего убѣжденія, что всѣ люди на свѣтѣ,—«акромя его съ бариномъ»—полоумные!.. Да по правдѣ сказать барина-то онъ лишь на словахъ исключалъ,—а въ тайнѣ и его пріобщалъ къ «придурковатымъ»...

«И чего мечутся, окаянныя, прости Господи»! ворчалъ онъ въ то утро, немилосердно растирая суконкой мѣдный подсвѣчникъ въ чуланчикѣ, возлѣ передней, при свѣтѣ керосиновой лампочки съ разбитымъ и печально накренившимся зеленымъ колпакомъ. «Спросить: чего мечутся?.. Сказано поспѣю и — поспѣю!.. Впервые что-ль?.. Ишь— серебромъ гремитъ сама! Достаетъ, чуть не съ ночи, будто этому времени во дню не будетъ!.. А Анисья съ подсвѣчниками да лампами пристаетъ. Время къ свѣту— а она съ освѣщеніемъ лѣзетъ!.. Никакого тебѣ резону въ этомъ домѣ не полагается!.. Одно слово: шальные!..

А вотъ сейчасъ и самъ закричитъ. А тамъ—посѣтители звонить начнутъ... Ахъ! Житье наше каторжное»!..

Евгенія Гавриловна между тѣмъ выбрала изъ комода запасное серебро, бѣлье столовое, сдала все Анисьѣ; подтвердила ей приказаніе, какъ только баринъ встанетъ и чай откушаетъ, такъ, не дожидаясь барышнинаго поздняго вставанья, идти въ магазинъ, навѣдаться о Женичкиномъ платьи, чтобъ его непремѣнно къ вечеру доставили. Да чтобъ она не проболталась, не дай Богъ, барышнѣ, объ ожидавшемъ ее сюрпризѣ.

Въ эту минуту на Думѣ пробило восемь часовъ и Евгенія Гавриловна еще пуще засуетилась: пора имъ было съ Дарьюшкой на Сѣнную.

По сосѣдству, въ спальнѣ, слышалось шуршанье спички и зѣвки Ивана Өеодоровича.

— Вставай, вставай! Давно пора! — закричала ему жена:—И чего свѣчку зажигаешь? Девятый часъ! Совсѣмъ свѣтло.

И въ подтвержденіе своихъ словъ Евгенія Гавриловна задула лампу. Сѣрые, печальные сумерки за окномъ пестрѣли частой снѣжной сѣткой.

— Артемій!.. раздался, хриплый съ просонья, голосъ нотаріуса: — Прибрано-ль въ конторѣ-то!.. Того гляди, кто придетъ!.. Ужъ ты матушка, со своими хлопотами, да праздниками, только людей съ ногъ сбиваешь! ворчалъ онъ на жену, но въ полъ-голоса, чтобы она не разслышала.

Громкій звонокъ раздался въ передней.

— Вотъ оно!—мрачно буркнулъ Артемій въ чуланѣ, ожесточенно сплевывая въ уголъ.

— Вотъ оно!—вскричалъ и хозяинъ его, заторопившись. — Есть-ли кто въ конторѣ? Пришелъ Петръ Савельевичъ?

— Нѣтъ еще! Никто не приходилъ,—отозвалась жена.

— Ну какъ же-жъ такъ!.. Эхъ! право, какой этотъ Петръ Савельевичъ!.. А писаря тамъ?

— Никого еще нѣтъ. Наши часы впереди... Къ десяти будутъ... Надо же о праздникѣ людямъ позаботиться тоже... Это какой-то оголтѣлый такъ рано пришелъ! заключила Евгенія Гавриловна.

— А ты погляди, милочка, — просилъ ее супругъ: — если кто порядочный,—выдь сама. Скажи, что я тотчасъ.

— Ну, ужъ кому порядочному въ такую рань придти?.. Артемій! — выглянула въ прихожую барыня: — скажи, что сейчасъ баринъ выйдутъ.

Но Артемій и самъ разсудилъ, что никто «стоющій» въ такое время не пожалуетъ, а потому и не спѣшилъ.

Новый, нетерпѣливый звонокъ заставилъ его, однако, стукнуть подсвѣчникомъ о столъ и пойти отворить.

Пріоткрывъ дверь, онъ чуть рта не открылъ отъ изумленія и широко распахнулъ ее.

Передъ оторопѣлымъ лакеемъ стоялъ генералъ во всей парадной формѣ, съ крестами и звѣздами, какъ ему показалось, покрывавшими всю его богатырскую грудь...

— Можно видѣть нотаріуса?—спросилъ генералъ.

— Можно-съ! Пожалуйте-съ! Вотъ контора-съ!.. Баринъ сею минутою.

И растерявшись до того, что совершенно не примѣтилъ страннаго обстоятельства, что посѣтитель былъ въ одномъ мундирѣ, безъ верхняго платья въ такой морозъ, Артемій опрометью бросился за бариномъ.

— Пожалуйте-съ скорѣе!—зашепталъ онъ:—генералъ! Важнѣющій!.. Вошли ужъ, ожидаютъ!

— Ахъ, Господи! Что тутъ дѣлать? Женичка! Мамочка! Выручи, Бога ради, выйди! Попроси минуту подождать!—отчаянно взмолился Иванъ Ѳеодоровичъ.

Евгенія Гавриловна, накинувъ шаль, поспѣшила въ контору.

Въ первой комнатѣ, довольно еще сумрачной въ эту раннюю пору, дѣйствительно стоялъ высокій, сановитый генералъ.

— Извините, ваше превосходительство!—разлетѣлась къ нему г-жа Лобниченко.—Мужъ сейчасъ выйдетъ! Прошу покорно сюда, къ нему!.. Вотъ не угодно ли присѣсть,—кресло!

Но посѣтитель не двигался съ мѣста. Онъ только сказалъ:

— Я говорилъ господину нотаріусу, когда онъ совершалъ этотъ документъ, что попрошу его сохранить. Вотъ онъ... Я самъ принесъ!.. Прошу его передать моей дочери.

Тихій ли, торжественный голосъ генерала или другое что въ немъ поразило Евгенію Гавриловну, но она почувствовала холодныя мурашки вдоль спины и едва нашлась отвѣтить.

— Онъ сейчасъ, самъ...

Генералъ кивнулъ головой и продолжалъ стоять среди свѣтлѣвшей комнаты.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на порогѣ слѣдующей комнаты, стояла, такъ же, какъ онъ неподвижно, Евгенія Гавриловна, глазъ съ него не сводила и сама не знала почему—«дрожьмя—дрожала».

Такъ черезъ нѣсколько минутъ засталъ ихъ Иванъ Өеодоровичъ. Онъ спѣшилъ какъ могъ, узнавъ-же, кто его кліентъ, изумился и обрадовался, и заспѣшилъ еще больше.

— Ахъ! Ваше превосходительство, какъ я радъ!.. Вотъ! Я былъ увѣренъ, что вы поправитесь!.. Слава Богу!.. Прошу покорно! Чѣмъ могу служить?.. Пожалуйте?

Но генералъ не внималъ и его просьбамъ, а пр одол жалъ стоять, гдѣ былъ и повторилъ вновь, почти дословно свою будто бы заученую рѣчь.

— Я васъ просилъ сохранить этотъ документъ. Я принесъ его самъ... Прошу васъ, господинъ нотаріусъ, лично передать его въ руки дочери моей, какъ только узнаете о моей смерти.

«Батюшки! Что-жъ это съ нимъ?.. Въ разсудкѣ-ли?. Какой странный»! —думалъ Иванъ Өеодоровичъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! Зачѣмъ такія черныя мысли?.. Богъ дастъ, теперь скоро совершенно будете здоровы, ужъ если доктора вамъ выходить разрѣшили—говорилъ онъ въ то же время.

Генералъ молча протянулъ ему маленькій свертокъ.

«Зачѣмъ это онъ такъ его скомкалъ? изумлялся нотаріусъ, развернувъ и расправляя знакомое духовное завѣщаніе. «Свихнулся, ну, право же свихнулся, сердечный! Вѣрно на мозгъ бросилось»!

А самъ продолжалъ громко:

— Неугодно-ли вамъ написать адресъ? Вотъ мы положимъ въ конвертъ, запечатаемъ!—и онъ все это дѣлалъ, искоса поглядывая съ возростающимъ недоумѣніемъ на неподвижнаго генерала.—Вамъ самимъ неугодно?.. Такъ потрудитесь мнѣ продиктовать имя и фамилью вашей дочери.

Иванъ Ѳеодоровичъ присѣлъ бочкомъ на стулъ своего помощника, обмакнулъ перо въ чернильницу и посмотрѣлъ на генерала Дрейтгорна, въ ожиданіи.

Генералъ сказалъ явственно:

— Передать немедленно дочери моей, Аннѣ Юрьевнѣ Борисовой...

Лобниченко написалъ: «Аннѣ Юрьевнѣ, госпожѣ Борисовой»; а самъ, поднявъ вновь удивленный взоръ на своего ранняго посѣтителя, его спросилъ:

— Какже — немедленно?.. Прошу прощенія! мнѣ послышалось, что вы изволили сначала приказать отдать имъ... въ случаѣ вашей кончины?

Генералъ утвердительно наклонилъ голову и пошелъ къ выходнымъ дверямъ.

Нотаріусъ бросился было за нимъ въ прихожую, но генералъ властно протянулъ руку назадъ, какъ бы воспрещая проводы. Иванъ Ѳеодоровичъ приросъ къ мѣсту.

Когда посѣтитель его притворилъ за собою дверь, онъ опомнился и закричалъ:

— Артемій!.. Шинель генералу!

Но когда мрачный Артемій вынырнулъ изъ темнаго чулана, генерала уже не было въ передней.

Артемій устремился на лѣстницу, сбѣжалъ въ швейцарскую... Нигдѣ никого.

— Должно здѣсь пальто, аль шубу оставлялъ! И самъ надѣлъ, видно! рѣшилъ Артемій.

И почесавъ въ головѣ, заключилъ:

— Сказано:—всѣ ·полоумные!

Онъ было вернулся въ свой чуланъ, да съ первыхъ ступеней его окликнулъ разнощикъ съ газетами.

— Захвати-ко, братъ, вамъ «Новое Время»...

— Давай! — протянулъ за газетой внизъ руку Артемій; да вдругъ, самъ не зная съ чего, спросилъ:

— Не видалъ генерала?

— Какого генерала?

— Да вотъ... отъ насъ сейчасъ вышелъ.

— Что ты, братъ, очумѣлъ!—хладнокровно отвѣчалъ разнощикъ:—что-ли генералы этаку рань бѣгаютъ по улицамъ? Это насъ только гоняютъ!

«Чудно!» — почему-то рѣшилъ Артемій, медленно отсчитывая ступени.

Евгенія Гавриловна наконецъ покончила распоряженія и сборы на Сѣнную и стояла уже въ шубѣ, окутывая голову платкомъ сверхъ шляпки, когда явился помощникъ ея мужа и писаря заскрипѣли перьями.

— Какъ же вы такъ поздно, Петръ Савельевичъ? — слышала она укоризненныя замѣчанія Ивана Ѳеодоровича: — Я же васъ просилъ вчера не опаздывать!

— Помилуйте! Да нынче врядъ ли дѣло будетъ! — отвѣчалъ помощникъ: — вѣдь никого же еще не было?

— А вотъ и были!.. Да еще какой важный кліентъ!.. Генералъ Дрейтгорнъ привозилъ на храненіе свое духовное завѣщаніе, что тому два дня я ему дѣлалъ?

— Что? протянулъ помощникъ: — да, вѣдь, говорили, онъ вчера скончался!

— Ну, вотъ!.. мало чего говорили!.. Самъ нынче доставилъ... Давай сюда!

Артемій подалъ внесенную имъ въ эту минуту газету.

Иванъ Ѳеодоровичъ Лобниченко взялъ ее и, противъ обыкновенія минуя первый листъ, самъ не зная чѣмъ руководствуясь, прежде всего остановился на обычной вереницѣ черныхъ рамокъ... Пробѣжавъ траурный списокъ, онъ вздохнулъ, будто облегченный.

Въ эту минуту изъ корридора, ужъ вся окутанная, вошла Евгенія Гавриловна и первымъ дѣломъ, тоже сов-

сѣмъ не сообразно со своими привычками, наклонилась къ газетѣ и спросила:

— А кто умеръ?

Они и по сію пору оба, мужъ и жена, не перестаютъ дивиться: что на нихъ напало? Какъ могла имъ придти, казалось бы, такая невозможная, такая дикая мысль?

Но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ.

— Кто умеръ? Да многіе, матушка. Кому часъ пришелъ — тотъ и помре! — шутливымъ тономъ отвѣчалъ ей мужъ.

«Нарочно», — какъ онъ впослѣдствіи сознавался, а совсѣмъ не потому, чтобы шутить хотѣлось.

И говоря это онъ медленно оборачивалъ газету первой страницей вверхъ, притворно смѣющимися глазами засматривая въ лицо своей супруги.

Это когда-то красивое и нынѣ еще миловидное, несмотря на погромы лѣтъ и нѣкоторое излишество жиру, лицо было дорого Ивану Өеодоровичу, какъ и во дни его первой молодости. И вдругъ это милое, спокойно привѣтливое лицо, на глазахъ его вытянулось, поблѣднѣло, исказилось ужасомъ и застыло широко-открытыми глазами въ верху первыхъ столбцовъ «Новаго Времени»...

— Что?.. Что такое, мамочка?!. Женичка!.. Тебѣ дурно? — въ страхѣ восклицалъ нотаріусъ, стараясь обхватить нѣсколько пространную для полнаго обхвата талью жены, поверхъ солопа: — Петръ Савельевичъ, голубчикъ, воды!..

Евгенія Гавриловна замотала головой и, все еще не находя голоса, могла лишь поднять руку и, уронивъ указательный палецъ на объявленіе во главѣ газеты, многозначительно постучать имъ по широкой траурной рамкѣ.

И мужъ ея и любопытно приблизившійся помощникъ его прочли одновременно:

«Ольга Всеславовна Дрейтгорнъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга своего генералъ-лейтенанта

ЮРІЯ ПАВЛОВИЧА

ДРЕЙТГОРНЪ,

послѣдовавшей вчера 22 декабря, въ половинѣ перваго пополудни, покорнѣйше проситъ родныхъ и знакомыхъ...»

И прочее..

Далѣе они читать не стали, а поглядѣли другъ на друга вопросительно.

— «Послѣдовавшей вчера, 22 декабря!..» — выразительно повторила Евгенія Гавриловна.

И, перекрестившись на икону, молитвенно прибавила:

— Упокой, Господи, душу раба Твоего!

Перекрестился за ней и Иванъ Θеодоровичъ и поникъ сѣдой головой, въ небываломъ раздумьи.

Черезъ минуту помощникъ его неувѣренно проговорилъ:

— Кого-жъ это онъ вмѣсто себя присылалъ?.. Съ завѣщаніемъ-то къ вамъ, сюда!

— Кого?—вскинулъ на него глазами принципалъ:—А не знаемъ! Богъ знаетъ!

И тутъ же, выйдя изъ конторы въ свои комнаты, супруги было сговорились не только что отъ своей Женички хранить въ тайнѣ это казусное происшествіе, но безъ нужды никому о немъ не разсказывать... Ну! Да вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь!.. А ужъ что-жъ это за тайна, которую знаютъ трое или четверо?

Въ тотъ же день, послѣ торжественной панихиды по усопшемъ, нотаріусъ Иванъ Ѳеодоровичъ Лобниченко, въ присутствіи офиціальныхъ свидѣтелей передавъ пакетъ, содержавшій духовное завѣщаніе покойнаго генерала Дрейтгорна, дочери его, Аннѣ Юрьевнѣ Борисовой,—заявилъ, что имѣетъ на то личное, строжайшее его приказаніе.

Ни она и никто въ этомъ не увидали ничего особеннаго.

Однако со свидѣтелями, подписавшими завѣщаніе и съ докторомъ въ особенности ему пришлось имѣть объясненіе весьма затруднительное... Что могъ онъ показать, кромѣ и с т и н ы?.. Какъ ни была она необычайна, но что возможно возразить противъ очевидности? Фактъ былъ неоспоримъ: завѣщанія они не могли не признать. Благо, что оно, таинственно исчезнувъ изъ шкатулки покойнаго, оказывалось у офиціальнаго лица, въ сохранности и неприкосновенности. Законъ былъ соблюденъ и справедливость возстановлена.

Это было главное.

Что сказала на это вдова, Ольга Всеславовна?.. Какъ она приняла появленіе новаго завѣщанія и всѣ сопряженныя съ нимъ, для нея, невзгоды?

Вначалѣ, когда эта исторія, очень похожая на святочный вымыселъ, поразила и заняла всѣхъ, до кого дошли ея странныя подробности, генеральша о ней говорить ничего не могла. Послѣ обморока, въ который бѣдняжка упала, молясь ночью у гроба своего супруга, она заболѣла нервной горячкой и шесть недѣль была между жизнью и смертью. Поправившись, она уѣхала куда-то,—только не за-границу, — повидимому спокойно покорившись своему положенію.

Теперь, говорятъ, она сильно измѣнилась и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи: притихла, часто болѣетъ; сразу опустилась и постарѣла... Все, слышно, разъѣзжаетъ по монастырямъ, да по храмамъ съ чудотворными иконами и служитъ панихиды да молебны.

СОНЪ ВЪ РУКУ

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

СОНЪ ВЪ РУКУ.

Святочный разсказъ.

I.

Было 24 декабря. Снѣгъ валилъ хлопьями съ утра, а къ вечеру приморозило и луна ярко свѣтила съ прояснѣвшаго неба, когда мы съ мужемъ вернулись домой, усталые, проголодавшіеся.

Намъ приходилось устраивать свое хозяйство на-ново въ городѣ, гдѣ я родилась и провела все свое дѣтство, но который оставила давно и не видала много лѣтъ. Мы едва успѣли устроиться, когда подоспѣли праздники. Даже въ сочельникъ, кромѣ разъѣздовъ для праздничныхъ необходимыхъ закупокъ, пришлось намъ побывать въ нѣсколькихъ мебельныхъ складахъ, — не экономіи ради, а лишь потому, что я обожаю старинныя вещи.

Однако несмотря на усталость, приходилось еще поработать до поздняго обѣда; я терпѣть не могла безпо-

рядка. Надо было указать самой, куда ставить вновь купленныя вещи. Когда двое людей внесли тяжелую, старинную кушетку краснаго дерева на львиныхъ ножкахъ и со львиною головой, свирѣпо глядѣвшей изъ подъ мягкой штофной ручки,—я съ минуту колебалась. Она была куплена для кабинета мужа; но оригинальный фасонъ ея, удобные изгибы, все,—даже до своеобразнаго рисунка ея сѣрой обивки, расшитой пестрыми шелками,—мнѣ такъ понравилось, что я попросила его уступить ее мнѣ... Мнѣ казалось, что на ней удивительно пріятно полежать, въ часы досуга, въ dolce far niente, съ книгой въ рукахъ; помечтать въ сумерки, любуясь огонькомъ въ каминѣ, а не то—грѣшнымъ дѣломъ, и подремать, уютно прислонясь къ ловко выгнутой мягкой спинкѣ.

Мужъ смѣялся надъ моей фантазіей.

— Этотъ прадѣдовскій диванъ такъ великъ, сказалъ онъ,—что займетъ всю твою уборную. Да его прежде необходимо перебить: крысы съѣли всю бахрому!

— И это очень жаль! отвѣчала я.—Бахрома и старый штофъ на немъ прекрасны!.. Дѣды и бабушки наши понимали истинный комфортъ и вкусъ имѣли изящный... Я увѣрена, что эта кушетка вышла изъ хорошей мастерской. Обивать ее вновь я не стану,—это было бы святотатствомъ! А просто велю подновить бахрому и кисти.

И такъ громоздкая кушетка была водворена въ моемъ кабинетѣ, комнатѣ, которую мужъ мой, не признававшій необходимости письменныхъ занятій для жены, упорно

называлъ «уборною»; а на стѣну надъ кушеткой я прибила лампу съ матовымъ обажуромъ, собственно дя удобства моихъ чтеній.

Звѣзда, путеводительница Волхвовъ, давно просіяла на морозномъ небѣ. Постныя щи и кутья давно были поданы и стыли; человѣкъ два раза приходилъ докладывать что «кушать подано», а у меня все еще находилось то одно, то другое дѣло, я все еще устраивала и переставляла вещи, то отходя, то снова возвращаясь. Я бы не медлила, еслибъ не увѣренность, что Юрій Александровичъ занятъ; я слышала голосъ его въ другой сторонѣ дома,—все равно пришлось бы ждать его. Но среди моихъ хлопотъ и возни меня начинало интересовать почему онъ, такой всегда пунктуальный, медлитъ и на кого сердится?.. Голосъ его раздавался раздраженнѣе и громче. Онъ съ кѣмъ-то имѣлъ крупное объясненіе...

Любопытство превозмогло голодъ. Я оставила свою комнату, но вмѣсто столовой прошла къ мужнину кабинету и остановилась у дверей, въ недоумѣніи. Я знала, что ничего не совершаю беззаконнаго,—у насъ не было тайнъ. Черезъ полъ часа онъ разсказалъ бы мнѣ самъ въ чемъ дѣло.

Я услышала незнакомый, мужской голосъ, который авторитетно говорилъ:

— А я утверждаю истину! Жена ваша не имѣетъ правъ на этотъ капиталъ. Онъ завѣщанъ прадѣдомъ ея княземъ Рамзаевымъ, наслѣдникамъ его старшей дочери

лишь на тотъ случай, если, по истеченіи пятидесяти лѣтъ, не окажется наслѣдниковъ его меньшого сына, князя Павла Рамзаева. Наслѣдница князя Павла существуетъ,— какъ я имѣлъ уже честь докладывать,—это внучка его, дочь родного его сына, миссъ Рамсей...

— А я вамъ говорю, что все это ложь! Что васъ самого обманули какія то авантюристки, которыя надѣятся помощью созвучія фамилій воспользоваться не принадлежащимъ имъ! сердито возражалъ мой мужъ, ходя большими шагами по неустроенному еще кабинету, между связками бумагъ и книгъ разложенныхъ по полу, открытыми ящиками и зіяющими шкафами.—Доказательства должны бы сохраниться,—а ихъ нѣтъ!

— А кольцо? прервалъ посѣтитель.—А печать?

— И кольцо, и печать легко могутъ быть украдены, и поддѣланы, и всяческою случайностью могли попасть, послѣ смерти Рамзаева, первымъ встрѣчнымъ. Должны были быть документы, бумаги, законныя свидѣтельства...

— Но если я вамъ говорю, что они сгорѣли!.. Пожаръ все уничтожилъ, когда мужъ госпожи Рамсей еще былъ ребенкомъ. Онѣ въ томъ не виноваты! Конечно, повторяю, законныхъ доказательствъ и документовъ на право наслѣдства у нихъ нѣтъ. Но — всякій по себѣ судитъ — я взялся переговорить съ вами о ихъ правахъ, извѣстить о нихъ вашу супругу, потому что я, будучи увѣренъ въ ихъ личностяхъ, отдалъ бы имъ ихъ собственность... Это достовѣрно.

— Не менѣе достовѣрно и то, что и я бы поступилъ точно такъ же, высокомѣрно возразилъ мой мужъ, и я уже слышала въ его тонѣ знакомую мнѣ нотку гнѣва, который онъ не всегда умѣлъ сдерживать,—если бы я былъ увѣренъ въ этомъ! А я не только не увѣренъ, но вполнѣ сознательно отвергаю всякую возможность такого факта... Какъ?.. Чтобы существовали законные наслѣдники капитала, отложеннаго прадѣдомъ моей жены, и — пятьдесятъ лѣтъ зная объ этомъ—молчали о своихъ правахъ?! Чтобъ этому повѣрить—надо быть помѣшаннымъ или...

— Или?.. что-же?.. Доканчивайте, милостивый государь!

— Что-жъ? и докончу!.. Или надо быть самому заинтересованнымъ въ успѣхѣ этого... необыкновеннаго предпріятія.

— Другими словами: мошенническаго предпріятія, хотѣли вы сказать? со сдержаннымъ гнѣвомъ прервалъ посѣтитель.—Такъ я долженъ вамъ сказать...

Но тутъ я, въ смертельномъ страхѣ за исходъ этого дурно разыгрывавшагося объясненія, неожиданно вошла въ комнату, чтобъ прервать его до бѣды.

— Обѣдать подано, другъ мой! сказала я, будто не замѣчая нашего посѣтителя.

Но онъ самъ всталъ и почтительно поклонился. Я увидала пожилого человѣка, съ загорѣлымъ, открытымъ лицомъ, обросшимъ бородою, съ честными сѣрыми глазами, прямо смотрѣвшими въ глаза каждому. Его форменный

сюртукъ сказалъ мнѣ, что онъ морякъ и, какъ было по всему видно, морякъ испытавшій не одну бурю морскую и житейскую.

Я тутъ-же успокоилась. Юрій вспылилъ—это правда, но гость его не изъ тѣхъ, что готовы вспыхивать по первому шероховатому прикосновенію.

Я отвѣчала на поклонъ и посмотрѣла на мужа, ожидая, что онъ назоветъ его.

Юрій Александровичъ проговорилъ неохотно:

— Капитанъ Торбенко. Только что прибылъ изъ кругосвѣтнаго плаванія и явился къ намъ уполномоченнымъ какой-то англичанки, госпожи Рамсей, имѣющей претензію быть вдовой твоего дяди, князя Рамзаева.

— Какого именно? освѣдомилась я: — двоюроднаго?.. Сына дядюшки моего отца,—князя Павла?

— Такъ точно-съ, подтвердилъ морякъ.

И обратясь съ готовностью повторилъ все мною слышанное изъ-за дверей.

— Что-же! очень можетъ быть! сказала я.—Если это правда, то безъ сомнѣнія дама эта или дочь ея имѣютъ право на отложенный прадѣдомъ нашимъ капиталъ.

— Вотъ!.. Это именно то, что̀ я имѣлъ честь доказывать вашему супругу! обрадовался Торбенко, и все лицо его расцвѣло широкой улыбкой.

— Конечно!.. Дѣвушка эта вѣдь такая-же правнучка князя Петра Павловича Рамзаева, какъ и я!

Тутъ мой мужъ нахмурился.

— То есть это что же значитъ? спросилъ онъ, сердито на меня уставившись. — Не хочешь ли ты по первому слову какой-то самозванки, подарить капиталъ въ сорокъ тысячъ?.. Вѣдь десять тысячъ князя Петра, въ пятьдесятъ то лѣтъ, должны возрасти болѣе чѣмъ вчетверо.

— Во сколько-бы онѣ ни возросли, деньги эти безспорно должны принадлежать княжнѣ Рамзаевой, если она существуетъ.

— Да! Если она существуетъ! гнѣвно разсмѣялся мой мужъ, въ то время какъ его собесѣдникъ, не воздержавшись, радостно протягивалъ мнѣ руку.

Я подала ему свою, улыбаясь.

— Я зналъ! Я зналъ, что вы будете моего мнѣнія! повторялъ онъ, пожимая мнѣ руку, да такъ, что пальцы мои безпомощно хрустнули въ его закорузлыхъ ладоняхъ.

— Еще-бы! Точно такъ-же, какъ и Юрій Александровичъ! сказала я. —Двухъ мнѣній о такомъ простомъ дѣлѣ у честныхъ людей и быть не можетъ.

— Безъ сомнѣнія. Только для этого надо, чтобъ личности, имѣющія претензію носить имя и титулъ твоихъ предковъ — представили на нихъ свои несомнѣнныя права!

Морякъ вскочилъ и, прямо на меня глядя, спросилъ:

— Вамъ, конечно, извѣстны печать и гербъ князей Рамзаевыхъ, сударыня?

— Разумѣется! У меня и теперь бабушкина печать, которую она наслѣдовала отъ отца своего.

— Такъ вотъ-съ. Не угодно ли вамъ посмотрѣть и рѣшить: чтò это такое?

Торбенко вынулъ изъ кармана тщательно сложенную бумажку, съ оттискомъ на ней небольшой, особенно отчетливо, выдавленной печати.

— Это несомнѣнно гербъ князей Рамзаевыхъ! не колеблясь подтвердила я.

Морякъ чуть не подпрыгнулъ отъ восторга и повернулся къ мужу, торжествуя.

— Да кто-же въ этомъ сомнѣвался? вскричалъ сердито Юрій.—Это не только печать Рамзаевыхъ, но весьма вѣроятно, что она сдѣлана именно кольцомъ князя Павла, какъ вы то утверждаете. Но чтò-же это доказываетъ?.. Что кольцо, какъ и подобаетъ дорогой и прочной вещи, пережило своего хозяина и служитъ нынѣ замыслу ловкихъ особъ, желающихъ имъ воспользоваться для присвоенія себѣ чужой собственности,—вотъ и все!.. Это кольцо съ печатью, подаренное княземъ Петромъ сыну своему, предъ его отбытіемъ въ кругосвѣтное плаваніе,—изъ коего онъ не вернулся и ни разу не писалъ,—значится даже въ нашей семейной хроникѣ. Вѣдь я самъ немного въ родствѣ съ князьями Рамзаевыми... Я даже прекрасно помню, какъ покойница матушка моя разсказывала, что ея мать ужасно любила своего кузена, Поля Рамзаева,—чуть не заболѣла отъ горя, когда онъ пропалъ. Будучи совсѣмъ старушкой, бабушка не могла разсказывать безъ слезъ объ умилительномъ прощаніи

старика Петра Павловича съ уѣзжавшимъ сыномъ. Старый князь тогда-же далъ ему это гербовое кольцо, снявъ съ своего пальца. И ладонку, съ образомъ Петра и Павла, снялъ съ груди и надѣлъ на него...

— Ну вотъ-съ, какъ хорошо! Вы сами изволите помнить! прервалъ морякъ. — Объ этомъ образкѣ госпожа Рамсей тоже мнѣ разсказывала: мужъ ея, послѣ смерти отца, носилъ его нѣсколько лѣтъ на груди. Вѣдь его также звали Петромъ, въ честь дѣда...

— Такъ куда-же дѣвался этотъ образъ? спросилая.

— Затерялся, добродушно пожалъ плечами Торбенко.— На ночь маленькій князь снималъ его и вотъ, было ему лѣтъ десять, когда случился у нихъ пожаръ и все имущество ихъ, всѣ бумаги и документы сгорѣли... Вдова Рамзаева или Рамсей,—какъ ихъ прозвали на англійскій ладъ въ Америкѣ,—едва могла спастись со своимъ сыномъ... Все погибло. Погибла и ладонка. И кольцо не уцѣлѣло-бы, еслибъ вдова князя Павла не носила его сама постоянно... Въ этой гибели и заключается причина молчанія его наслѣдника, Петра Рамсея. Добродушный и скромный былъ онъ человѣкъ! съ улыбкой продолжалъ объяснять морякъ, обращаясь ко мнѣ лично. — Утративъ доказательство на принадлежавшій ему титулъ, князь Петръ оставилъ и помышлять о правахъ на возстановленіе своей личности въ Россіи. Къ тому же, онъ сжился со вторымъ своимъ отечествомъ, Америкой, до такой степени, что пожалуй и самъ бы забылъ, кто онъ такой, ежели-бы ему не попа-

лась публикація... Обрывокъ старой газеты, о которой я говорилъ супругу вашему.

— Но я не слышала... Какой газеты? спросила я, сильно заинтересованная.

— Англійской газеты, въ которой дѣлался вызовъ наслѣдникамъ князя Павла, объяснилъ мнѣ мужъ.

— Ахъ, какъ-же!.. Я знаю. Такіе вызовы и заявленія о капиталѣ положенномъ на имя ихъ прадѣдушкой— много лѣтъ печатались въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ...

— Да знаю! нетерпѣливо прервалъ Юрій Александровичъ, продолжая ходить и вертѣться по кабинету, какъ левъ по клѣткѣ.—Знаю!.. Чуть ли не моя бабушка,—та самая, что питала романическую страсть къ кузену Полю,— и слѣдила за ихъ печатаніемъ. Но никто, никогда, на нихъ не откликнулся.

— Я самъ читалъ такое заявленіе, сказалъ Торбенко.— Оно хранится у вдовы вашего дядюшки...

— Чтò ни мало не доказываетъ, что хранящая его особа есть точно вдова князя Петра Рамзаева — Петра нумеръ второй! насмѣшливо замѣтилъ мужъ мой.—Скажите сами, не удивительно-ли, что, прочитавъ объ этомъ князь Рамзаевъ—если это былъ онъ—не заявилъ о себѣ?

— Онъ заявлялъ! ужъ это извините!.. Онъ нѣсколько разъ писалъ на имя дѣда, но письма его, вѣроятно, не доходили... Вы сами изволили, помнится, сказать, что старый князь, переживъ всѣхъ дѣтей своихъ, впалъ въ дѣт-

ство и послѣдніе годы не могъ дѣйствовать самостоятельно.

— Это правда, но его окружали люди честные и правоспособные...

— Его родная дочь, бабушка моя Коловницына, распоряжалась всѣмъ, прервала я мужа.—Она, полагать надо, горевала о братѣ не менѣе его самого и радостно схватилась бы за всякую о немъ вѣсть...

— Быть можетъ, при жизни ея, о Рамзаевыхъ еще и не было вѣстей... вставилъ Торбенко.

Но я не дала ему договорить:

— Помилуйте! Когда бабушка умерла, ея сынъ, отецъ мой, былъ уже взрослый человѣкъ и смѣю увѣрить васъ, что онъ не совершилъ бы дурного дѣла ни изъ-за какого наслѣдства! вскричала я горячо. — Если бы хоть одно письмо дяди Павла или сына его было получено, оно не осталось бы безъ послѣдствій и безъ отвѣта.

— Не сомнѣваюсь въ томъ, сударыня. Это доказываетъ лишь то, что письма князя Петра не доходили до него.

— Куда же могли они дѣваться?

Морякъ только развелъ руками.

— О, если бы я могъ отвѣтить па вашъ вонросъ, сударыня!.. Я не сомнѣваюсь, что будь у васъ въ рукахъ хоть одно изъ многихъ писемъ, которыя князь Петръ, по увѣренію вдовы его, писалъ своему дѣду, бѣдная маленькая Елена Рамсей вошла бы въ права княжны Рамзаевой и получила бы свое состояніе.

— Елена, говорите вы?.. Ее зовутъ Еленой? удивилась я.—Это тоже наше семейное имя. Такъ звали бабушку, такъ зовутъ и меня.

— Ни мало не дивлюсь, отвѣчалъ морякъ, пожимая плечами съ добродушной улыбкой.—Отецъ Елены Рамсей сталъ чистокровнымъ гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ; но его отецъ, князь Павелъ, до самой смерти своей былъ русскимъ и свято хранилъ всѣ преданія и завѣты своей семьи и своей родины. Петръ Павловичъ вѣроятно не разъ слышалъ отъ отца разсказы о семейныхъ преданіяхъ и зналъ семейныя имена ваши... Вотъ вамъ еще доказательство!

— Которое весьма мало доказываетъ, ибо легко можетъ быть случайностью, упрямо замѣтилъ мой мужъ.— Да что̀ тутъ! Скажу вамъ рѣшительно: вашимъ кліенткамъ, капитанъ, могла бы только помочь выписка изъ свидѣтельства о рожденіи въ Америкѣ сына у пропадавшаго тамъ и пропавшаго безъ вѣсти князя Павла Петровича.

— Ну, мой другъ, положимъ, что мы съ тобой удовольствовались бы доказательствомъ гораздо менѣе формальнымъ, замѣтила я.

— Напримѣръ?

— Да напримѣръ хоть малѣйшимъ, сколько нибудь убѣдительнымъ признакомъ дѣйствительности существованія въ Америкѣ брата моей бабушки Коловницыной. Тогда, явилась бы полная возможность вѣрить и тому, что у него остались дѣти!.. А то вѣдь вся семья была убѣждена, что

grand-oncle просто погибъ въ океанѣ или въ плѣну у какихъ-нибудь дикарей...

— Оно почти такъ и было! прервалъ меня гость нашъ.—Князь Павелъ имѣлъ обыкновеніе заплывать очень далеко и любилъ охотиться. Разъ, во время штиля, они должны были простоять нѣсколько дней у какого-то, мало извѣстнаго островка Океаніи, гдѣ всѣ пассажиры и моряки только и развлекались охотой да купаньемъ, — и тутъ-то пропалъ Рамзаевъ. Всѣ на кораблѣ сочли его утонувшимъ, а дѣло было такъ: онъ забрелъ внутрь острова, охотясь сломалъ себѣ ногу и пролежалъ разбитый, въ безпамятствѣ, вѣроятно, нѣсколько дней. Дать знать о себѣ онъ не могъ; экипажъ его напрасно разыскивалъ и наконецъ моряки ушли, въ полной увѣренности, что онъ погибъ. Онъ и остался въ пренесчастномъ положеніи, плѣнникомъ дикарей-островитянъ...

— Какъ это они его еще не съѣли? Хорошо, что не къ людоѣдамъ попалъ! посмѣивался Юрій.

Но я нашла его иронію неумѣстною и продолжала разспрашивать Торбенко:

— Какъ же онъ выбрался отъ нихъ? Какъ попалъ въ Америку?

— Да не скоро. Не ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ удалось ему попасть на какое-то суденышко, плывшее въ англійскія владѣнія, въ Австралію. Оттуда ужъ его подобрали англичане и очутился онъ въ Соединенныхъ Штатахъ... Не забудьте, что вѣдь это происходило болѣе полувѣка

тому назадъ, когда не только что о телеграфахъ, а даже и о паровыхъ-то сообщеніяхъ не вѣдали!.. Что̀ мудренаго, если письма пропадали?.. Еще то возьмите во вниманіе, что князь Павелъ не сидѣлъ въ Вашингтонѣ или Нью-Іоркѣ, а забрался въ такую глушь, гдѣ плугъ и колесо бывали въ рѣдкость. А о сообщеніи съ Европой и помышлять, въ тѣ времена, нельзя было.

— Да какая же крайность его погнала въ такія трущобы?

— А самая наикрайняя-съ! Голодъ, вотъ что-съ. Тамъ титулъ титуломъ, а ѣсть-то всѣмъ равно каждый день надо. Да-съ!.. Вотъ этотъ самый голодъ и погналъ, вѣрно, дѣдушку вашего туда, гдѣ пока до наслѣдства и безъ денегъ можно было сытому быть. А разъ попавъ туда и вырваться стало трудно... Тамъ князь и женился, и умеръ, послѣ тяжкой, говорятъ, и долгой болѣзни... Восьмилѣтній сынъ никогда его не видалъ здоровымъ.

— Однако же сынъ этотъ долженъ же быть крещенъ и гдѣ нибудь записанъ? спросилъ мой мужъ. — Были же и въ тѣхъ американскихъ саваннахъ, или пампахъ, какія нибудь метрики и приходскія книги.

— Захотѣли!.. Тамъ и церкви-то никакой ближе тысячи верстъ, тогда, можетъ, не было... А если и было какое свидѣтельство, такъ и то погибло въ пожарѣ, какъ я вамъ докладывалъ.

— Очень жаль-съ! Очень грустно — для вдовы и дочери князя Петра! иронически произнесъ мужъ мой, вста-

вая, какъ человѣкъ рѣшившійся прекратить ни къ чему не ведущее объясненіе.—Во всякомъ случаѣ прошу васъ покорнѣйше заявить княгинѣ и княжнѣ мое непремѣнное желаніе передать имъ сполна все наслѣдіе прадѣда, какъ только ихъ прямое происхожденіе отъ князя Павла будетъ несомнѣнно доказано. Жена моя и я готовы и обязуемся исполнить эту волю покойнаго прадѣда, даже въ томъ случаѣ, если бы ей прошелъ законный срокъ,—назначенное имъ пятидесятилѣтіе. Даже и тогда. И своихъ наслѣдниковъ мы обяжемъ къ тому же... Но опять-таки не иначе, какъ по представленіи несомнѣнныхъ доказательствъ ужъ если не законнаго брака, то хоть какого бы то ни было,—законнаго или беззаконнаго, лишь бы дѣйствительнаго рожденія вашего миѳическаго князя Петра и его потомства!.. А затѣмъ-съ, не угодно ли вамъ будетъ откушать нашего простывшаго постнаго обѣда?.. Я думаю, щи успѣли превратиться въ холодный винегретъ. Какъ ты думаешь, Лена?

Нечего и говорить, что посѣтителю нашему, послѣ такого заявленія, оставалось только поспѣшно откланяться, извинившись, что продержалъ насъ голодными.

Пожимая мнѣ съ горячностью руку, Торбенко объявилъ, что надѣется на меня, и вышелъ, разумѣется, не особенно довольный, изъ нашего дома.

Нельзя сказать чтобъ и мой супругъ блисталъ кротостью расположенія духа въ этотъ памятный намъ сочельникъ. Досталось всѣмъ! Въ особенности лакею и повару,

допустившимъ кушанья простыть или пережариться... Я молча предоставляла гнѣву его изливаться; да по правдѣ сказать и мало слышала, что̀ вокругъ насъ дѣлалось. Я вся была поглощена только что слышаннымъ: возможностью существованія нашихъ американскихъ родственниковъ, прямыхъ наслѣдниковъ угасшаго въ Россіи рода князей Рамзаевыхъ.

II.

Воспоминаніе объ исчезновеніи единственнаго сына прадѣда, Павла Петровича, давно обратилось въ семейную легенду нашего дома. Бабушка моя, Коловницына, наслѣдовавшая все состояніе Рамзаевыхъ, передавала сыну (моему отцу), что несмотря на дѣятельные розыски брата отцомъ ея, на всѣ его письма и публикаціи никогда не было отвѣта. Въ ней и сомнѣнія не оставалось въ смерти князя Павла и въ томъ, что капиталъ, «на всякій случай» отложенный прадѣдомъ моимъ, современемъ перейдетъ къ ея прямымъ наслѣдникамъ, дѣтямъ ея единственнаго сына.

Отецъ мой былъ женатъ два раза; но дѣти его отъ перваго брака всѣ умерли въ малолѣтствѣ. Оставалась одна я, дочь второй жены, рожденная въ старости его, когда ужъ онъ не думалъ имѣть наслѣдниковъ.

Я знала изъ нашихъ семейныхъ воспоминаній, что отецъ мой былъ очень несчастливъ съ первою женой; это была

болѣзненная, капризная и недобрая женщина, отравившая послѣдніе годы жизни бабушки, а послѣ смерти ея, положительно притѣснявшая, дожившаго до глубокой старости отца ея, князя Петра Павловича...

Вообще воспоминаніе объ этой дурной и несчастной женщинѣ легло какимъ-то кошмаромъ на всю семью Рамзаевыхъ и Коловницыныхъ.

Мать моя, женщина чрезвычайно богобоязненная, никогда не говорила о ней; но старушка-няня, Мавра Емельяновна, почетное лицо въ нашемъ домѣ, старушка служившая вѣрой и правдой еще первой семьѣ отца моего, разсказывала мнѣ часто, тайкомъ отъ отца съ матерью, эпизоды изъ прошлаго, интересовавшіе меня, какъ всякаго ребенка интересуютъ нянины сказки. Отъ нея узнала я, что ея первая «покойница-барыня — не тѣмъ будь помянута! — нрава была крутого, своеобычнаго и непокладливаго»; что она много сама повинна была въ семейныхъ несчастіяхъ своихъ, въ потерѣ дѣтей... «Никого покойница не любила опричь ихъ, — а ихъ ужъ безъ ума, безъ разуму баловала!» разсказывала Мавра Емельяновна. — «Все позволяла имъ! Ни въ чемъ не было имъ запрету, ни завѣту, — вотъ и накликала сама па нихъ бѣду»...

Отчасти это была правда. Старшая сестра моя, едва доживъ до шестнадцати лѣтъ, во всемъ околоткѣ пріобрѣла славу какой-то полоумной, безпардонной сорви-головы. И умерла-то она по своей винѣ. Страстная охотница до лошадей и верховой ѣзды, она, въ отсутствіе отца, выдумала себѣ за-

баву: сама заводскихъ лошадей объѣзжала. Ну и не совладала съ горячимъ конемъ! Сбросилъ онъ ее на землю, на всемъ скаку, и убилась, бѣдняжка, на мѣстѣ... Мать чуть не умерла сама отъ горя, но за умъ не взялась— съ сыномъ не стала строже; а напротивъ, вѣчно изъ-за него поднимала ссоры съ отцомъ, крикъ и брань съ няньками, гувернерами и учителями и положительно въ адъ превратила семейную жизнь своего мужа. Наконецъ и сынъ не сдобровалъ: по двѣнадцатому году онъ курилъ и кутилъ и до того извелся, что душа въ тѣлѣ едва держалась. А потомъ вздумалось ему, позднею осенью, когда ужъ пруды саломъ затягивало, искупаться; простудился, схватилъ горячку и умеръ, едва не уморивъ и родителей своею смертью. Мать не вынесла этого горя, заболѣла душевною болѣзнью и года черезъ три скончалась въ жестокихъ страданіяхъ.

Вторично мой отецъ женился не скоро, лѣтъ черезъ десять, и совершенно неожиданно для самого себя. Онъ такъ изстрадался въ семейной жизни, что не хотѣлъ и думать о второмъ бракѣ.

Случилось ему пріѣхать, по дѣламъ наслѣдства, въ этотъ самый городъ, гдѣ жили мы теперь. Надо сказать, что городъ и губернія эти искони были гнѣздомъ всѣхъ князей Рамзаевыхъ; здѣсь былъ старый домъ бабушки Коловницыной, гдѣ отецъ мой провелъ все свое дѣтство и первое время женитьбы, живя у нея и у своего дѣда. Возвратясь на родину, онъ снова поселился въ этомъ домѣ,

но долго не нажилъ. Его мучили тамъ воспоминанія, отравлявшія счастье вторичнаго его брака, въ который онъ вступилъ, какъ я уже сказала, нежданно-негаданно, тотчасъ по пріѣздѣ сюда. За десять лѣтъ вдовства отецъ мой привыкъ къ перемѣнамъ, къ кочевой жизни; года черезъ три послѣ моего рожденія, не довольствуясь постоянными поѣздками за-границу, онъ вздумалъ совсѣмъ уѣхать; и несмотря на печаль матери моей и нежеланіе ея экспатріироваться, домъ и помѣстья наши здѣсь были проданы, а семейное гнѣздо перенесено въ подмосковныя вотчины Коловницыныхъ. Тамъ я взросла, тамъ умерли мои родители, тамъ я вышла замужъ, и вотъ теперь, по службѣ мужа, пришлось мнѣ снова водвориться на прадѣдовскомъ пепелищѣ.

Домъ, гдѣ я родилась, интересовалъ меня чрезвычайно, не умѣю сказать почему, такъ какъ воспоминаній о немъ я никакихъ не могла сохранить; развѣ по той особой привлекательности, какую сообщили ему разсказы няни Мавры Емельяновны, да еще одной старой тетушки, когда-то гостившей здѣсь въ нашей семьѣ и упорно утверждавшей, будто отецъ мой оттого въ немъ не ужился, что имѣлъ тамъ какія-то «видѣнія»...

— Твой отецъ былъ оригиналъ и фантазёръ! говорила мнѣ эта допотопная тетушка..—Il était d'humeur fantasque et porté au mysticisme; но не онъ одинъ, другіе видывали въ вашемъ домѣ странныя явленія.., C'était une maison hantée, il n'y a pas a y redire!

Несмотря на эти предостереженія, очень можетъ даже быть, что именно вслѣдствіе ихъ, я еще на дорогѣ мечтала, что найму этотъ домъ и поселюсь въ прадѣдовскихъ покояхъ. Но это оказалось невозможнымъ. Новые хозяева давно въ немъ не жили и въ теченіе триддати лѣтъ не ремонтировали его. Онъ стоялъ холодный, заплѣсневѣлый, наглухо заколоченный и въ нѣмомъ запустѣніи доканчивалъ свой долгій вѣкъ... При одномъ взглядѣ на него я поняла, что жить въ немъ невозможно, и втайнѣ подумала, что если могутъ быть дома «посѣщаемые», какъ о немъ утверждала тетушка, то именно теперь въ немъ удобно расхаживать на просторѣ посѣтителямъ — привидѣніямъ. Громко я не высказала своей мысли, зная, что мужъ мой, человѣкъ практическій и реалистъ по образу мыслей, не любитъ такихъ фантазій...

Однако, дня два тому назадъ, увидавъ сторожа у воротъ этого дома, я не воздержалась отъ желанія хоть взглянуть на старыя комнаты, въ особенности на дѣтскую, которую, казалось мнѣ, я еще помнила...

Въ самомъ дѣлѣ, въ ней была оригинальная печь съ колонками и выпуклыми изразцами, на которую я взглянула, какъ на милое воспоминаніе дѣтства. Съ неизъяснимымъ чувствомъ любопытства, печали и неопредѣленнаго страха, пошла я по темнымъ теперь, запущеннымъ покоямъ, съ покосившимися потолками и скрипучими половицами, со старинною мебелью, сложенною и сдвинутою въ безформенныя груды. При видѣ этихъ креселъ, вычур-

ныхъ столиковъ и бюро съ выпуклыми крышками, со множествомъ отдѣленій и ящиковъ, у меня глаза разбѣжались...

— Не продается ли эта мебель? Нельзя ли купить что-нибудь изъ нея? спросила я сторожа.

— Ой, нѣтъ, сударыня! отвѣчалъ тотъ.—Это все заповѣдныя вещи, господами отобранныя, которыя я должонъ беречь... Для нихъ больше и печи протапливаю.

— Жаль!.. Я бы купила хоть ихъ. Домъ разваливается—не то бы я его наняла! Да и мебель все равно, даромъ пропадетъ... Скажите, не знаете ли вы: это все вашихъ, теперешнихъ господъ вещи или еще между ними старинная, Рамзаевская мебель? Отъ старыхъ владѣльцевъ не осталось ли въ домѣ чего?..

— Не могу доложить вамъ. Можетъ что̀ и найдется, да я не знаю, потому я при домѣ не болѣ годовъ пяти состою... А вотъ, ежели угодно вашей милости, извольте у купца Барскаго въ складахъ мебельныхъ побывать. У него тамъ этакой старины до пропасти!.. И наша барыня, когда напослѣдокъ отсюда уѣзжала, тоже очень много чего ему продала и на коммисію также отдали, для продажи. А отселева никакъ невозможно!.. По той еще причинѣ, что я господъ ожидаю.

— Какъ?.. Неужели они хотятъ жить въ этой развалинѣ?

— Нѣту-съ, не жить; а прибудутъ сюда молодые господа отобрать: что̀ въ деревню отошлютъ, а что̀ можетъ

сами продавать станутъ, не знаю. А домъ никакъ снести желаютъ, по ветхости, и новый строить будутъ.

Юрій Александровичъ спѣшилъ домой, къ своимъ занятіямъ; назвалъ меня фантазеркой и мечтательницей и не далъ даже времени все осмотрѣть въ моемъ старомъ домѣ...

— Неужели ты не боишься, что, отъ сотрясенія половицъ подъ нашими ногами, на голову намъ свалится балка? Или мы сами сквозь полъ провалимся въ подвалъ, на подобіе настоящихъ привидѣній? смѣялся онъ. — По моему это весьма вѣроятное и единственное «проявленіе» и «посѣщеніе», которое можетъ насъ перепугать въ этой сгнившей скорлупѣ... И признаюсь: я страшусь его гораздо болѣе знакомства съ тѣнью одного изъ нашихъ предковъ.

Я согласилась, что самимъ провалиться или на голову принять потолокъ нѣсколько страшнѣй, чѣмъ увидать привидѣніе; а все-таки вздохнула о старомъ домѣ выходя изъ него и долго оглядывалась на его пожелтѣвшія отъ лѣтъ деревянныя стѣны, сожалѣя о томъ, что скоро ихъ снесутъ и съ ними исчезнетъ послѣдняя память о старомъ родѣ князей Рамзаевыхъ въ этихъ мѣстахъ.

Все это я вспомнила теперь, входя, послѣ нашего бурнаго обѣда, къ себѣ въ комнату, при взглядѣ на мой старомодный диванъ-кушетку. Вѣдь и онъ принадлежалъ «старому дому». По крайней мѣрѣ купецъ Барскій, у котораго я его разыскала по указанію сторожа, клялся мнѣ, что купилъ его еще при распродажѣ Коловницынскихъ вещей, забракованныхъ новыми владѣльцами нашего дома.

Юрій былъ убѣжденъ, что это невинная выдумка стараго торговца, смекнувшаго изъ нашихъ разговоровъ въ чемъ дѣло и желавшаго повыгоднѣе сбыть товаръ, считавшійся никуда негоднымъ старьемъ. Но я склонна была вѣрить, что Барскій не лгалъ. Мнѣ было пріятно думать, что я нашла вещь, принадлежавшую искони моей семьѣ; что на этомъ диванѣ сиживали дѣды мои и бабушка, и быть можетъ отецъ мой игрывалъ, будучи ребенкомъ...

Чѣмъ болѣе я вглядывалась въ мою кушетку, тѣмъ болѣе она мнѣ нравилась. Ея мягкіе, спокойные изгибы такъ и манили прилечь... И я прилегла, попробовала свой диванъ и очень уютно свернулась въ глубинѣ его, на атласистыхъ, нѣжныхъ подушкахъ. Такъ уютно и спокойно, что мнѣ ужъ и встать не захотѣлось. Я только потянулась, улыбаясь отъ удовольствія, когда Юрій вошелъ ко мнѣ съ сигарой и чашкой кофе, которыя вѣроятно успокоили и его расходившіеся нервы.

Онъ сѣлъ возлѣ въ кресло, тоже улыбаясь, и сказалъ по обыкновенію съ легкою ироніей въ тонѣ:

— Ага!.. Первый литературно-мечтательный кейфъ на допотопномъ самосонѣ?.. Прекрасно!

«Самосонъ» было у насъ посвященное слово; терминъ прилагавшійся къ спокойнымъ диванамъ, на которыхъ удобно было не только сидѣть, но и спать, потому что они «сами сонъ нагоняли».

— Да, отвѣчала я.—Лучше этого самосона у меня никогда не бывало!

— Ну, а гдѣ-жъ другой аттрибутъ необходимый для твоего счастія? продолжалъ посмѣиваться Юрій. — Гдѣ книга въ парижской желтой оберткѣ, со свѣже-измышленными бреднями Зола или Флобера?..

— Что̀ ты, Богъ съ тобой! протестовала я.—Ужъ назвалъ бы Доде, моего единственнаго избранника въ нынѣшней французской литературѣ!.. Да я сегодня и того читать не стану. Ты забылъ, что сочельникъ...

— Да, да! Твоя правда. Я вотъ отдохну полъ-часика,— усталъ съ разборкой книгъ!—а потомъ съѣздимъ ко всенощной. Хотѣлось бы лобъ перекрестить, хоть подъ великій праздникъ; а то послѣ, какъ втянешься въ службу, такъ ужъ некогда будетъ въ церкви ѣздить, пожалуй!.. Охъ! потянулся онъ и сладко зѣвнулъ:—тяжела ты шапка Мономаха!.. Дѣла много, а лѣнь одолѣваетъ!

— Тебѣ-то ужъ грѣшно себя въ лѣни упрекать! Что̀-жъ мнѣ про себя сказать?.. Я и встаю позже и службы у меня нѣтъ, а вотъ тоже къ самосонамъ большое пристрастіе имѣю! засмѣялась я.

И видя, что его дурное расположеніе духа прошло, рѣшилась вернуться къ сильно занимавшему меня вопросу.

— Но врядъ ли я сегодня засну... Знаешь, это извѣстіе выбило меня изъ колеи!

— Какое извѣстіе?.. Да! моряка-то этого сказка?.. Вотъ ужъ вздоръ!.. Я бы давно забылъ, еслибъ не отвратительный, перестоявшійся обѣдъ!

— Однако нельзя же предположить, чтобъ этотъ господинъ все это выдумалъ?

— Онъ ли выдумалъ, его ли обманули,—я въ это дѣло не вхожу и не намѣренъ разбирать. Надѣюсь, что ты меня достаточно знаешь, чтобъ не заподозрить въ алчности? Намъ съ тобой совершенно и даже болѣе нежели достаточно того, что̀ мы имѣемъ; а дѣтей у насъ, по всей вѣроятности, ужъ и не будетъ... Жадничать мнѣ не для кого. Но зря отдавать капиталъ, какимъ-нибудь авантюристкамъ, нѣтъ у меня ни малѣйшей охоты! Лучше на богоугодныя заведенія пожертвовать.

— Ну, а если въ самомъ дѣлѣ эти Рамсей — Рамзаевы?.. Какъ знать! Нѣтъ у нихъ документовъ, — положимъ; но согласись, что пропажа документовъ—дѣло самое обыкновенное!.. Онѣ не могутъ доказать намъ кто онѣ; но и мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ опровергать то,что̀ онѣ говорятъ... Почему же ты такъ убѣжденъ въ ихъ лжи?

— Потому что правда, еслибъ была она въ ихъ разсказахъ, стала бы извѣстна десятки лѣтъ тому назадъ. Одно письмо—могло пропасть; но десятки писемъ — не исчезаютъ. А повѣрь, мой другъ, что князь Петръ, или тѣмъ болѣе Павелъ, дѣйствительно существовавшій и прекрасно знавшій, что семья должна искать его, что отецъ тоскуетъ по немъ, — не разъ и не два написалъ бы въ Россію изъ Америки или Австраліи, гдѣ бы онъ тамъ ни очутился. Если онъ не писалъ и сыну не завѣщалъ, кому

и куда писать, то лишь потому, что никакого сына у него не было и самъ онъ сразу попалъ въ такія страны, откуда нѣсть возврата... Надо быть ребенкомъ или восторженной мечтательницей, чтобъ думать иначе и сочинять романы въ нѣсколькихъ томахъ на самое обыкновенное дѣло: смерть человѣка, погибшаго болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ.

Я не стала противорѣчить, замѣтивъ въ мужѣ вновь пробуждавшееся раздраженіе; но втайнѣ рѣшила, что еще повидаюсь съ Торбенко, напишу его кліенткамъ. Юрій словно понялъ мои размышленія:

— Повѣрь, что я не оставилъ бы этого дѣла, самъ написалъ бы этимъ женщинамъ, еслибъ не очевидная нелѣпость и фальшь... Это выдумка и шантажъ, больше ничего... Подумай сама: могли ли люди нуждаться въ помощи, быть можетъ въ насущномъ хлѣбѣ, весь вѣкъ — и забыть о своемъ состояніи, о своихъ правахъ?.. Если князь Павелъ и предполагаемый сынъ его Петръ были не идіоты,— какъ могли они не попытаться возстановить свои права? Какъ объяснить, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ этотъ «Петръ» не только не домогался своего титула и наслѣдія, но даже не написалъ ни разу?.. Вѣдь при немъ и пары́, и почтовыя учрежденія, и телеграфы,—что̀ тамъ ни разсказывай твой капитанъ, легковѣръ онъ или мошенникъ, его дѣло! — вошли въ употребленіе и дѣйствовали исправно. Что̀ же мѣшало ему ими воспользоваться?

— А можетъ быть недостатокъ предпріимчивости, рав-

нодушіе, лѣнь, апатія... предположила я.—Мало ли странностей въ людяхъ!

— Ну, значитъ онъ былъ форменный идіотъ.

— Не идіотъ, положимъ, а просто человѣкъ неразумный и равнодушный къ благамъ мірскимъ. Россіи онъ не зналъ—и въ титулѣ, а можетъ и въ состояніи, не нуждался... Теперь вдова его и дочь, какъ Торбенко говоритъ, бѣдствуютъ. Но при немъ онѣ жили безбѣдно, быть можетъ богато... Всѣ эти права покойнаго князя, его русское происхожденіе и сама Россія, вѣроятно, казались имъ такими далекими, туманными, миѳическими. Право, мой другъ, это предположеніе возможно...

— При полномъ идіотствѣ—согласенъ.

— Ахъ, какой ты! Заладилъ—идіотство... А хотя бы и такъ. Развѣ жена его и дочь отвѣтственны за поступки князя Петра?.. Должны страдать...

— Князя Петра?.. Ты удивляешь меня, Елена, сердито оборвалъ меня мужъ.—Ты ужъ признаешь формально этотъ миѳъ?.. Право, можно подумать, что этотъ морякъ околдовалъ тебя!

— Да! Онъ околдовалъ меня своимъ честнымъ лицомъ, своимъ правдивымъ, яснымъ взглядомъ, своею убѣжденною рѣчью! отвѣтила я.—А подумай, Юрій, если не мы правы, а онъ—какой отвѣтъ дадимъ мы за несчастіе Елены Рамзаевой и ея бѣдной матери?

— Елены Рамзаевой!.. развелъ руками мой мужъ.—Ну, матушка моя, часъ отъ часу не легче!.. Ты положи-

тельно невозможна, своимъ невѣроятнымъ легкомысліемъ, Hélène.

Юрій Александровичъ всталъ и отодвинулъ выпитую чашку кофе. Несмотря на шуточный тонъ его, я видѣла, что въ настоящую минуту лучше не возражать своему главѣ и повелителю; а потому лишь улыбалась на его дальнѣйшія оскорбленія.

— Да, да! посмѣивался онъ.—Ты была бы весьма легкою добычей гг. Торбенко, Рамсей и К°, еслибъ эта почтенная фирма имѣла дѣло съ одной тобою!.. Ну, такъ если я засплюсь, ты прикажи Машѣ разбудить меня ровно въ шесть часовъ и поѣдемъ ко всенощной.

— Я сама тебя разбужу, другъ мой.

Мужъ вышелъ, а я улеглась половчѣе на своемъ диванѣ, взяла нечитанную еще въ тотъ день газету и стала читать, безъ разбору, что̀ попадалось на глаза.

Мнѣ хотѣлось развлечься посторонними мыслями, но это оказалось трудно. Мысль моя не хотѣла оторваться отъ неожиданно открывавшагося семейнаго романа. Буквы мелькали предо мной, и я читала, но слова не имѣли никакого смысла. Читая эти слова, я продолжала думать о своемъ когда-то пропавшемъ родственникѣ; о романической судьбѣ, которая могла его постигнуть, если онъ не тотчасъ погибъ; о жизни его, полной опасностей, лишеній, тоски по родинѣ и семьѣ; о постепенномъ отчужденіи, вслѣдствіе безсилія напрасныхъ попытокъ, привычки и пріобрѣтенія новыхъ связей... Впрочемъ, если вѣ-

Мужъ вышелъ, а я улеглась половчѣй на своемъ прадѣдовскомъ диванѣ...

рить моряку, онъ прожилъ не долго. Но вотъ странный человѣкъ—это сынъ его! Возможно ли, хотя бы онъ и не нуждался матеріально, всю жизнь прожить не попытавшись не только вернуться въ свое настоящее отечество, но даже войти въ сношенія съ родными, о которыхъ онъ не могъ не знать? Какъ не попробовать извѣстить ихъ, возстановить свою личность и права?.. Или дѣйствительно письма его пропадали?.. Это невѣроятно!..

А эти бѣдныя женщины, мои американскія родственницы... Всю жизнь проводятъ онѣ въ неизвѣстности, въ заботахъ о кускѣ хлѣбѣ, быть можетъ въ нищетѣ. О, какъ ждутъ онѣ теперь этого добродушнаго моряка, своего адвоката!.. Надежды ихъ возбуждены. Онѣ утѣшаютъ другъ друга, стараются не унывать, ожидая извѣстій изъ дальняго, чуждаго имъ края, откуда можетъ придти къ нимъ спасеніе... Можетъ свалиться благосостояніе и спокойствіе: здоровье — матери, обезпеченіе отъ нужды и горя всей жизни—дочери, счастье имъ обѣимъ... Можетъ! Но придетъ ли?.. Вѣрнѣе, что не дождутся бѣдняжки, по неразумію мужа и отца, обреченныя на вѣчный тяжкій трудъ и страданія...

И не придетъ желанное спасеніе—по нашей винѣ! По нашему недовѣрію, педантизму, сухости сердца и недоброжелательству... Впрочемъ, нѣтъ! Я бы съ радостью отдала имъ должное, подѣлилась бы даже своимъ, если бы только знать и доказать мужу, что онѣ не обманщицы... Но имъ-то наши побужденія безразличны! Какое дѣло имъ, изъ-

за корысти и по недобросовѣстности или только по принципу мы овладѣли положеніемъ и не отдаемъ имъ ихъ собственности?

Эти размышленія меня возмущали.

Я ставила себя на ихъ мѣсто и понимала, что онѣ должны насъ презирать и ненавидѣть. У меня никогда не было дѣтей, но я сочувствовала страданіямъ бѣдной матери, ея безпокойству за будущность дочери. Я бы искренно желала утѣшить ее, осчастливить ихъ обѣихъ, даже гораздо болѣе дорогой цѣною, чѣмъ эти ненужныя намъ деньги, имъ принадлежащія по праву... «То-есть, вѣроятно принадлежащія имъ»! поправила я самое себя, всмомнивъ разумные доводы мужа.

Но чѣмъ болѣе я думала о нихъ, тѣмъ сильнѣй хотѣлось мнѣ вѣрить правамъ ихъ и убѣдить въ нихъ мужа. Что-то говорило мнѣ, что онъ ошибается, и я всей душой вѣрила, что такъ или иначе права нашихъ заморскихъ родственницъ будутъ возстановлены.

Я такъ утомилась, что чувствовала, какъ меня одолѣвала дремота и не противилась ей, хотя все продолжала думать о нихъ...

«Бѣдная маленькая Елена»! думалось мнѣ въ сладкомъ полузабытьи,—«вѣдь онъ, кажется, назвалъ ее маленькою?.. Бѣдная дѣвочка... какъ она мнѣ приходится? Двоюродною... нѣтъ! троюродною сестрой. Неужели она такъ и проживетъ, не получивъ своего?.. И она тоже промается, какъ отецъ ея и дѣдъ промаялись всю жизнь... Но

то были мужчины! Имъ легче было работать... А она бѣдная... маленькая, больная дѣвочка»...

Тутъ ужъ не сознательныя мысли, а какіе-то образы, полусонныя видѣнія маленькой дѣвочки, «Елены Рамзаевой», начали представляться мнѣ. Я почувствовала, что совсѣмъ засыпаю, свернулась поуютнѣй на мягкой кушеткѣ и отлично заснула.

III.

Не знаю, долго ли я проспала, вѣроятно не болѣе полу-часа и проснулась вдругъ,—будто кто подтолкнулъ меня... «Всенощная»! вспомнилось мнѣ, и я поднялась въ ту же секунду.

— Ахъ! Боже мой, не заспалась ли я?.. Надо скорѣе разбудить Юрія и ѣхать...

Противъ обыкновенія, Юрій Александровичъ не заставилъ себя долго ждать и мнѣ самой будить его не пришлось. Видно и онъ былъ проникнутъ во снѣ мыслью о необходимости ѣхать въ церковь. Пока я надѣвала шубу и шляпку, онъ вышелъ въ переднюю и мы очутились вмѣстѣ на крыльцѣ.

Насъ тотчасъ охватило пріятнымъ, бодрящимъ холодомъ морозной, зимней ночи. Звѣздное небо особенно ярко сіяло. Луна не показывалась, но не было темно, потому что все на землѣ какъ-то само собой свѣтилось... Мнѣ очень нравилось такое необыкновенное освѣщеніе. Я шла подъ-руку съ мужемъ и радовалась, что ему пришла бла-

гая мысль пройтись пѣшкомъ, въ такой чудесный вечеръ. Это съ нимъ бывало рѣдко, а я любила ходить и шла такъ легко, что не отставала ни мало отъ него, хотя онъ шелъ очень скоро, большими шагами...

— Куда-жъ это ты, Юрій? спросила я, замѣтивъ, что мы миновали церковь.

— А развѣ ты не рада пройтись? отвѣчалъ онъ.— Ночь такъ хороша!.. Мы обойдемъ черезъ садъ, такъ будетъ гораздо лучше.

«Не пропустить бы всенощной!» хотѣла я сказать, но не успѣла...

Не успѣла отъ изумленія.

Мы входили въ темный, городской садъ. Таинственная тишь стояла подъ сводами аллей. Могучія вѣтви деревьевъ сплетались надъ нашими головами, еле вздрагивая отъ ночного вѣтерка и перешептываясь листвой, сквозь которую кое-гдѣ проглядывали, ласково мигая намъ, звѣзды...

Я бывала днемъ въ этомъ саду, но никогда не замѣчала, какъ чудно онъ хорошъ... Правда, тогда была зима... А теперь какія чудныя, развѣсистыя деревья! Какою свѣжестью, какимъ таинственнымъ снокойствіемъ весь онъ переполненъ!

Мы шли молча, долго шли... Казалось этимъ аллеямъ, съ лучистыми просвѣтами, конца не будетъ, а я не чувствовала усталости. Во мнѣ словно разлилась удвоенная сила. Эта живительная ночь и воздухъ дѣйствовали на меня возбудительно.

— Знаешь-ли ты, куда я веду тебя? вдругъ спросилъ меня мужъ.

— Не знаю, но здѣсь чудо какъ хорошо!.. Какой большой садъ!.. Какая густая, чудная зелень!

— Садъ хорошъ, но не въ немъ дѣло. Сейчасъ мы выйдемъ изъ него и ты увидишь свой бывшій домъ... Тогда ты не имѣла времени хорошо осмотрѣть его; такъ полюбуйся имъ теперь. Погляди, какъ онъ ярко сіяетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я увидала, что мы подошли къ оградѣ сада, а за нею, прямо противъ воротъ, за площадью, свѣтился всѣми окнами нашъ бывшій, старый домъ.

Чтò это значитъ?..

«Ахъ, да!.. Это навѣрное пріѣхали хозяева!» вспомнились мнѣ слова сторожа. «Но зачѣмъ такое яркое освѣщеніе и всѣ окна открыты, такъ что все внутри дома свѣтится какъ въ фонарѣ?»

— Развѣ имъ не холодно? спросила я мужа. — Вѣдь, кажется, теперь зима?

— Какая зима, Богъ съ тобою! Развѣ не видишь ты, какъ все здѣсь цвѣтетъ и сіяетъ?..

И онъ влекъ меня черезъ пустую, темную площадь, все скорѣе и скорѣе, туда, — къ моему дому.

Тутъ я сообразила, какой я говорю вздоръ. Чтò такое: лѣто, зима?.. Тамъ, гдѣ мы находились, нѣтъ и быть не можетъ никакихъ временъ года.

Вотъ ужъ мы у самаго дома... Онъ выходилъ на площадь угломъ. Все, чтó происходило въ угловой комнатѣ,

было насквозь видимо всѣмъ прохожимъ; но на площади, кромѣ насъ, не было ни души.

Мы подошли къ самому окну той комнаты. Я тотчасъ ее узнала: въ ней я недавно любовалась старинною мебелью. Но теперь мебель эта была не сложена въ груду, а чинно, въ порядкѣ разставлена въ просторной комнатѣ, по старинному освѣщенной, не лампами, а тяжеловѣсными бронзовыми подсвѣчниками и бра. И все въ этомъ старомъ кабинетѣ смотрѣло какъ-то офиціально, богато,— но не по нашему. Въ высшей степени заинтересованная, я внимательно разсматривала убранство, гравюры по стѣнамъ, тяжелыя кресла и столы съ золоченными арфами, съ львиными ножками,—и вдругъ чуть не вскрикнула отъ удивленья. Кушетка!.. Моя кушетка! Та самая, которую я наканунѣ купила въ мебельномъ складѣ Барскаго. Она или двойникъ ея стоялъ у стѣнки, противъ громаднаго письменнаго стола, рядомъ съ дверями.

— Посмотри, сказала я мужу,— вотъ пара моей кушеткѣ. И обивка такая же, только новѣе...

Я не успѣла договорить. Дверь отворилась и въ комнату вошла молодая женщина.

Она поразила меня своимъ страннымъ нарядомъ, а еще болѣе сосредоточеннымъ, злымъ выраженіемъ своего красиваго лица.

Точно будто она цѣликомъ сошла со стариннаго портрета, со своимъ высоко поднятымъ шиньономъ, короткою, перетянутою подъ грудью таліей и легкимъ голубымъ шар-

фомъ... Позвольте!.. Ну, да, точно. Я видѣла такой портретъ... Я знаю эту молодую, сердитую даму. Но... что́-жъ это она дѣлаетъ?

Она быстро подошла къ письменному столу; украдкой оглянулась, словно боясь, что за нею подсматриваютъ; наклонилась къ лежавшимъ на виду бумагамъ и письмамъ, и быстрыми, кошачьими движеніями перебравъ ихъ, схватила одно и, еще сердитѣе нахмуривъ брови, гнѣвнымъ, порывистымъ движеніемъ сорвала съ него конвертъ.

Сама не знаю, какъ это сталось, но я слѣдила за движеніемъ ея глазъ по строкамъ, и вмѣстѣ съ нею читала письмо... И по мѣрѣ того какъ я читала и смыслъ его мнѣ уяснялся, я чувствовала, что сердце мое сжимается и холодный потъ проступаетъ на лбу...

Вѣдь вотъ оно!.. Именно оно, нужное мнѣ необходимое письмо!.. Я хотѣла закричать, отнять письмо,—но не могла ни шелохнуться, ни пошевелить языкомъ. Я точно окаменѣла и смотрѣла съ тоскливымъ ожиданіемъ: что̀ будетъ!

Молодая женщина прочла и гнѣвно подумала,—да, подумала. Я читала и письмо, которое она держала въ рукахъ, и мысли, пробѣгавшія въ ея головѣ...

Она подумала:

«Отнять у дѣтей моихъ состояніе?.. Я не позволю!.. Чтобъ этотъ выжившій изъ ума старикъ оставилъ насъ, своихъ законныхъ наслѣдниковъ, ни съ чѣмъ, въ пользу

этихъ вновь проявившихся внуковъ, заморскихъ князей Рамзаевыхъ?.. Не бывать тому!»

И она поднесла было письмо къ горѣвшей свѣчѣ, но въ эту минуту раздались шаги. Сжечь письма молодая женщина не успѣла, а только нервно сжала его, скомкала въ рукѣ и быстрымъ движеніемъ сунула его въ карманъ.

Но она такъ спѣшила, что промахнулась: въ карманъ оно не попало. Я видѣла, что оно скользнуло на полъ и осталось на коврѣ...

Тогда произошло нѣчто смутное, въ чемъ я впослѣдствіи никогда не могла отдать себѣ яснаго отчета.

Въ комнату вошли новыя лица. Старушка, бодрая еще, высокая и красивая женщина, съ умнымъ, открытымъ лицомъ и старецъ, согбенный годами и болѣзнью, опиравшійся на ея руку.

Я всматривалась въ нихъ съ усиленнымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ и вмѣстѣ со смутнымъ чувствомъ не то страха, не то печали. Это странное чувство заставляло сердце мое неровно биться, сжиматься и тоскливо замирать... Мнѣ казалось, я была увѣрена, что я знаю людей этихъ, что они мнѣ милы, близки... Но въ то же время я не могла бы ихъ назвать, и мнѣ чувствовалось, что неизмѣримая бездна отдѣляетъ ихъ отъ меня—въ силу этого я не шевелилась. Я не пыталась ни окликнуть ихъ, ни указать на комокъ бумаги, лежавшій у ихъ ногъ; хотя прекрасно сознавала, что это и есть тотъ важный доку-

менть, въ которомъ заключался вопросъ жизни и смерти для дѣтей и внуковъ моего исчезнувшаго когда-то дяди.

Мое смутное состояніе сказывалось все сильнѣе.

Я напрягала всю силу своей воли, чтобы смотрѣть на нихъ, все видѣть и слышать, что́ они говорятъ между собою... Неопредѣленное сознаніе говорило мнѣ, что я напрасно любопытствую,—что оживленный разговоръ странныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ предо мною, не касается интересующаго меня предмета, что мнѣ излишне его слышать; но я все-таки напрягала слухъ и зрѣніе...

Напрасно!.. Съ каждой секундой они или я отдалялись, на меня словно нисходили туманные покровы. Сладкая истома, тихое пѣніе и звонъ окружали меня. Мнѣ казалось, что я отдѣляюсь отъ земли, что я становлюсь легче воздуха, что неодолимая сила уноситъ меня за собою куда-то въ даль, въ высь, въ пространство,—все дальше и дальше отъ стараго дома, отъ этихъ необыкновенныхъ людей, столь мнѣ близкихъ и вмѣстѣ отъ меня далекихъ.

Послѣдними лицами, видѣнными мною въ угловой комнатѣ нашего дома—были двое дѣтей и молодой человѣкъ.

Дѣвочка лѣтъ пяти, съ красивымъ, капризнымъ личикомъ, похожимъ на лицо молодой женщины, желавшей сжечь письмо,—вбѣжала и бросилась къ ней съ просьбой или жалобой, которыхъ я не слыхала; крошечный мальчикъ, заливавшійся смѣхомъ сидя на плечѣ высокаго господина, который внесъ его, широко распахнувъ дверь...

Но при взглядѣ на этого красиваго, стройнаго моло-

дого человѣка, я громко закричала. Хотя между нами ужъ разстилался туманный покровъ, я мигомъ узнала въ немъ своего отца...

Вскрикнувъ, я свалилась съ ужасной высоты.

— Что̀ ты?.. Господь съ тобой, Елена! услышала я встревоженный голосъ мужа.— Вотъ ужъ пять минутъ я стою надъ тобой и напрасно стараюсь разбудить!.. Ты во снѣ стонешь, кричишь и не можешь проснуться...

Я приподнялась и вопросительно смотрѣла на мужа. Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Я спала!.. Все это мнѣ приснилось... Но съ какой поразительной ясностью!

Мнѣ и теперь рѣшительно казалось, что я видѣла не сонъ, а живыхъ людей. Я еще чувствовала ихъ близость, полную реальность ихъ существованія, какъ бы ихъ невидимое присутствіе возлѣ себя.

Я не могла опомниться отъ яркости впечатлѣнія и только что собралась съ мыслями, хотѣла было прервать восклицанія все еще дивившагося надо мною мужа, разсказать ему свое видѣніе, какъ самъ Юрій Александровичъ заговорилъ послѣдовательнѣе, съ усмѣшкой очень неопредѣленною.

— Скажи пожалуйста, ужъ не сны ли какіе-нибудь вѣщіе тебя тревожили на этомъ допотопномъ ложѣ? спросилъ онъ, вынувъ изо рта сигару и глядя не на меня, а въ сторону.—Такъ мы съ тобою и проспали всенощную-то?.. Досадно!

— Я вѣрно очень долго спала?

— Да, всенощная ужъ всюду отошла... Ну, дѣлать нечего!... А я знаешь ли... Престранная вещь! Я видѣлъ во снѣ твой диванъ...

Я даже встала отъ изумленія.

— Ты тоже его видѣлъ?!..

— Какъ—тоже?.. Развѣ онъ и тебѣ привидѣлся?

— Отчасти... Но все равно. Скажи пожалуйста, что же? Какъ же ты видѣлъ мой диванъ?

— Престранно! Я видѣлъ его точно такимъ же, но новѣе и не здѣсь, не у тебя. Онъ привидѣлся мнѣ будто-бы тамъ, въ вашемъ старомъ домѣ, на площади...

Я къ мѣсту приросла и едва ли не открыла рта отъ изумленія.

«Тамъ же! въ томъ же домѣ... Вѣроятно въ той же комнатѣ!» проносились мысли въ моей головѣ.

Но прерывать мужа я не хотѣла.

— Да, продолжалъ онъ. — Это престранный сонъ!.. Представь себѣ, мнѣ привидѣлось будто мы съ тобой не то идемъ, не то летимъ, черезъ какой-то большой, прекрасный садъ и вдругъ видимъ домъ...

— Нашъ старый домъ?... Ярко освѣщенный! не выдержавъ прервала я.—И мы остановились подъ окнами...

— Ну да!.. почемъ ты знаешь? изумился Юрій Александровичъ.

— Ужъ знаю!.. Постой, мой милый, не говори: я скажу дальше. Мы съ тобою стали подъ отворенным окномъ угловой комнаты и увидали тамъ, сначала, одну

даму, одѣтую въ старинный костюмъ, какіе носили въ началѣ вѣка. Потомъ вошли другія лица: старушка и старикъ, двое дѣтей и...

— Нѣтъ, нѣтъ! Только старикъ и дѣвочка... Но, послушай, Елена, какъ можешь ты знать?.. Это слишкомъ странно!.. Неужели и ты видѣла тоже?..

— Бога ради! Я скажу тебѣ все, но продолжай теперь. Все, все разсказывай!.. Это въ самомъ дѣлѣ слишкомъ важно!.. Говори дальше.

— Ну, вотъ видишь ли, мнѣ сначала, правда, показалось, что изъ этой комнаты вышли какіе-то люди, но я ихъ не различилъ; а когда сонъ мой выяснился, тамъ, у большого письменнаго стола, сидѣлъ въ вольтеровскомъ креслѣ одинъ старикъ, а противъ него, вотъ на этой самой кушеткѣ-самосонѣ, примостилась маленькая дѣвочка, лѣтъ пяти-шести...

— Черноволосая? Съ хорошенькимъ, но капризнымъ лицомъ? прервала я.

— Пожалуй, да! Какъ это однако странно!.. Неужели и тебѣ такая же пригрезилась?

— Продолжай! Продолжай!.. Я разскажу свой сонъ послѣ! вскричала я, въ высшей степени заинтересованная и изумленная.

А сама думала:

«Я видѣла начало семейной сцены, онъ—продолженіе... Это ясно».

— Да моему сну сейчасъ конецъ, равнодушно отозвался Юрій Александровичъ.

Онъ напрасно думалъ обмануть меня притворнымъ равнодушіемъ. По его неровной походкѣ, по нервному подергиванью плечъ, я видѣла, что онъ далеко не спокоенъ. Да ему и не давалось лицемѣріе: онъ то и дѣло сбивался съ хладнокровнаго, ироническаго тона и увлекаясь разсказывалъ съ жаромъ, гораздо болѣе естественнымъ въ данномъ случаѣ.

— Мой сонъ не дологъ, но очень страненъ, продолжалъ онъ, пожавъ плечами.—Представь себѣ, что я смотрѣлъ на этого старика, на эту дѣвочку будто на своихъ, на близкихъ мнѣ людей. Смотрѣлъ внимательно, съ какимъ-то страннымъ чувствомъ захватывающаго интереса, будто ожидалъ и зналъ, что вотъ сейчасъ произойдетъ что-то важное, особенное... И вотъ еще: никто мнѣ этого не сказалъ, но я вдругъ самъ узналъ, что этотъ старикъ— твой прадѣдъ, князь Петръ Павловичъ Рамзаевъ...

— Такъ было и со мною! вскричала я.

— Погоди! погоди! остановилъ меня Юрій.—Вотъ что́ всего удивительнѣе: я читалъ, я зналъ его мысли...

— Какъ и я... Что́-жъ онъ думалъ?

— Ахъ!.. онъ думалъ... Что́ онъ думалъ? вдругъ разсердился Юрій и заходилъ, заметался нетерпѣливо по комнатѣ. — Я убѣжденъ, что это не что́ иное, какъ результатъ давишняго свиданія — съ тѣмъ полоумнымъ капитаномъ-морякомъ!.. Просто впечатлѣніе его росказней, басни

о княгинѣ и княжнѣ Рамзаевыхъ!.. Объ американскомъ князѣ Петрѣ Павловичѣ... Какая глупость!

Онъ такъ разсердился, что даже прервалъ свою рѣчь, гнѣвно стукнувъ рукой по столику такъ, что всѣ бездѣлушки на немъ зазвенѣли.

— Ахъ, разумѣется!.. поспѣшила я согласиться.— Кто жъ будетъ вѣрить снамъ?.. Тѣмъ не менѣе все это интересно своей оригинальностью, такъ почему жъ не разсказать?.. Кончай, прошу тебя. Что-жъ было дальше?.. Ты видѣлъ мысли старика... О чемъ же думалъ онъ?

— Ну да, я видѣлъ, что старикъ именно думаетъ о нихъ... То есть не о нихъ собственно, а о своемъ пропавшемъ сынѣ, спокойнѣй заговорилъ Юрій, пройдясь нѣсколько разъ и съ улыбкой недоумѣнія вновь остановившись предо мною.—Онъ думалъ, что если князь Павелъ не погибъ, то онъ долженъ быть очень несчастенъ; что можетъ статься у него теперь семья; сынъ, родной его внукъ, князь Рамзаевъ, который нуждается, голодаетъ... И старикъ сокрушался, а я глядѣлъ на него и самъ мучился, сожалѣя его... Ей Богу!.. Вѣдь приснится же исторія!... Просто смѣшно!.. Я такъ понималъ его чувства, такъ раздѣлялъ его горе, будто самъ ихъ испытывалъ, съ нимъ заодно... Удивительная вещь эти сны!.. Откуда берется ихъ реальность?.. Вѣдь вотъ, слава Богу, проснулся, разсказываю тебѣ, сознаю же вполнѣ, что это вздорный сонъ,—а между тѣмъ старческое лицо это передо мною и мнѣ и теперь его жаль... Вѣдь вотъ глупость-то!

— Глупость, понятно! умиротворяющимъ голосомъ отозвалась я.—Ну и что жъ дальше случилось?

Юрій Александровичъ отвѣчалъ не сразу. Онъ сначала походилъ, подумалъ; потомъ остановился среди комнаты, развелъ руками, и полу-сердито, полу-смѣшливо произнесъ:

— Тс-съ!.. Потѣха!

— Юрочка!.. Да разскажи же! взмолилась я.—Что-жъ ты одинъ потѣшаешься!.. Говори же, что̀ дальше-то было?

— Дальше-то само̀е удивительное и самое нелѣпое! вскричалъ онъ. — Вообрази себѣ, что я вдругъ будто бы увидѣлъ у ногъ старика, подъ столомъ, какую-то скомканную бумажку и вдругъ понялъ, что въ ней — все!.. Понимаешь?.. Все самое важное и нужное для вразумленія и успокоенія этого старика, князя Рамзаева. Я не могъ отвести глазъ отъ этого смятаго комка бумаги... Я ясно видѣлъ, что въ немъ отвѣтъ на всѣ его недоумѣнія; что̀ стоитъ ему наклониться, поднять, прочесть — конецъ недоразумѣніямъ, горю и страданіямъ его. И ты представить себѣ не можешь, душа моя, какъ я хотѣлъ ему сказать объ этомъ!.. Я усиливался закричать, указать ему, внушить ему мое знаніе,—но ничего не могъ... И представь себѣ, Hélène...

Юрій до того увлекся, что забывъ обычную сдержанность, склонился ко мнѣ, къ дивану, на которомъ я сидѣла, и крѣпко ухвативъ меня за плечо, потрясалъ одной рукою, размахивая другой, и продолжалъ:

— Вообрази себѣ только, какъ я обрадовался, когда эта маленькая дѣвчонка, эта правнучка его вѣроятно, вдругъ кубаремъ свалилась вотъ съ этого самаго дивана, нагнулась и подняла эту скомканную бумажку, это письмо его внука, князя Петра Рамзаева...

— И отдала ему? вскричала я.

— Какое! Не отдала совсѣмъ, негодная дѣвчонка! А еще больше скомкала, подбросила, какъ мячикъ, поиграла и вдругъ, упавъ во весь ростъ на диванъ, вытянула руку и сунула его вотъ такъ—сюда!

И говоря это мужъ мой, для нагляднѣйшаго объясненія, съ маху засунулъ руку между глубокой спинкой и сидѣньемъ моей старой кушетки...

Чрезвычайно заинтересованная его разсказомъ, пораженная совпаденіемъ нашего двойного сна, я сгорала желаніемъ разсказать ему начало своего видѣнія и собралась вскочить и закричать:

«А послушай теперь, чтó мнѣ привидѣлось...»

Но слова замерли у меня въ горлѣ.

Юрій медлилъ подняться, тяжело налегая на плечо мое, а лицо его приняло такое странное и страшное выраженіе, что я перепугалась.

— Чтò съ тобою, мой милый?.. Тебѣ дурно?! закричала я, съ ужасомъ вглядываясь въ него.

Онъ молчалъ, да врядъ ли и слышалъ мой вопросъ, потрясенный неожиданнымъ впечатлѣніемъ. Но я немного успокоилась, чувствуя что онъ приподымается...

Онъ приподнялся и сталъ на ноги, но былъ очень блѣденъ и смотрѣлъ не на меня. Растерянный взглядъ его былъ устремленъ на его руку.

Слѣдуя за направленіемъ его глазъ, взглянула и я, и взглянувъ, громко вскрикнула, пораженная: въ рукѣ Юрія была измятая бумага,—комокъ слежавшагося, пожелтѣлаго какъ пергаментъ, стараго письма!..

Разсказывать ли далѣе?

Это было одно изъ писемъ покойнаго князя Петра Павловича, моего двоюроднаго дяди, къ своему престарѣлому дѣду.

Одно изъ многихъ писемъ, стараніями первой жены отца моего не дошедшее до своего назначенія... Бѣдная женщина, зорко оберегая интересы дѣтей своихъ, ихъ самихъ сберечь не умѣла!

Я убѣждена, что такъ удивительно привидѣвшаяся мнѣ съ мужемъ дѣвочка и была та самая старшая сестра моя, что умерла въ ранней молодости, сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Чудесно найденнее нами въ прадѣдовскомъ диванѣ письмо — вполнѣ возстановляло истину: въ немъ юноша Петръ Рамзаевъ извѣщалъ дѣда, что женится на дочери пастора Стивенса. Княгиня Рамзаева была та самая Екатерина Стивенсъ, а моя новая кузина Елена—меньшая и нынѣ единственная ея дочь...

Нечего и говорить о радости ихъ заступника, капитана Торбенко которому мы поспѣшили въ тотъ же ве-

черъ сообщить нашъ двойной сонъ, удивительную находку и полную готовность возвратить наслѣдство прадѣда по принадлежности.

На слѣдующій, свѣтлый, праздничный день Рождества Христова мы телеграфировали госпожѣ Рамсей. Черезъ три мѣсяца княгиня Рамзаева съ дочерью Еленой уже были въ Россіи, нашими дорогими гостьями; а черезъ годъ мы искренно сошлись и полюбили другъ друга, какъ и подобаетъ добрымъ родственникамъ.

Прадѣдовскій диванъ у насъ въ большомъ уваженіи и почетѣ. Такъ какъ у меня нѣтъ дѣтей, то я завѣщаю его кузинѣ Еленѣ и надѣюсь, что не только она, но дѣти ея и внуки будутъ беречь и любить старика, который такъ вѣрно и честно сохранилъ имъ права ихъ и достояніе.

ВЪ ХРИСТОВУ НОЧЬ

ВЪ ХРИСТОВУ НОЧЬ.

«Богъ не есть Богъ мертвыхъ,—но живыхъ!».

Свѣтло-Христово Воскресенье въ томъ году, какъ и въ нынѣшнемъ, было раннее. Въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ еще лежали глубокіе снѣга; да и въ средней полосѣ Россіи, хотя и обнажились поля и днемъ солнышко, пригрѣвая, кое-гдѣ уже вызывало изъ сочной земли богатства, прикопленныя ею за зиму, подъ пушистыми, бѣлоснѣжными покровами, однако, пасхальная ночь была студеная. Послѣдній осколочекъ луны свѣтилъ въ морозномъ, туманномъ кругу со свѣтлаго неба, по которому мерцали не частыя, но блестящія звѣзды. На пригоркѣ, отовсюду видная, окруженная рощами, деревушками, полями, по которымъ стлались волокна серебристыхъ испареній, ярко горѣла приходская, деревянная церковь.

Туда, часа уже три, народъ валилъ со всѣхъ окрестностей; теперь не только паперть, но и весь погостъ свѣтился въ огонькахъ, зажженныхъ бабами-хозяйками, сто-

рожившими свои куличи и крашенныя яйца, въ ожиданіи молебна и выхода батюшки, со святой водой. Имъ, по близости отъ церкви, за оградой, теперь ужъ не такъ было холодно; а давеча, какъ шли онѣ, таща и пасхи на освященіе, и своихъ дѣтишекъ, кого за руки, а кого и на рукахъ въ сладкомъ снѣ,—многія перемерзли. Кое-гдѣ еще, въ овражкахъ да въ тѣни лѣсныхъ опушекъ, бѣлѣли застрявшія полосы снѣга; подъ сапогами, случалось, и ледокъ подскрипывалъ, а тутъ еще и вѣтеръ, да такой-то, порою лютый, что до самыхъ костей прохватывалъ и щеки, и носы молодицамъ да малымъ ребятамъ до-красна нащипалъ...

Ну, теперь, ужъ не долгонько ждать-то. Давно ужъ перехристосовались всѣ въ ярко-пылавшей церкви. Обѣдня кончается... Сейчасъ дьячокъ со старостой, съ учителемъ школьнымъ, да съ отставнымъ ундеромъ «Спаси Господи люди Твоя» затянутъ и выйдетъ причтъ со святой водой надъ пасхальной снѣдью «Христосъ Воскресе» пѣть. Въ рядахъ хозяекъ движеніе; чаще засвѣтились огоньки; каждая грошевая свѣчечка желтаго воску теплится и славитъ Бога своимъ огонькомъ, сливаясь въ великомъ морѣ сіянья, разлитаго надъ Русью въ эту Великую ночь.

Двѣ женщины, обѣ молодыя, пріютились за угломъ церкви въ амбразурѣ окна, въ виду погоста и кладбища съ его лѣсомъ покосившихся черныхъ и бѣлыхъ крестовъ, съ нѣсколькими памятниками и оградами вкругъ «барскихъ могилокъ».

Женщины ведутъ бесѣду, пользуясь тѣмъ, что съ ихъ мѣстъ, все равно, службы не видать. Маленькая дѣвочка, положивъ головенку къ матери на колѣни, прикрывшись полушубкомъ, долго глядѣла на красныя яйца, разложенныя вокругъ миски съ творожной пасхой, представляя себѣ, которымъ яичкомъ она разговѣется, а которымъ съ братишкой «биться станетъ» и другихъ, «мно-о-го» яицъ себѣ набьетъ,—да и вздремнула. А Митюха, мальчуганъ постарше, новыя лаптишки оттопталъ, бѣгая отъ церкви къ мамкѣ и обратно; онъ усердно утреню и обѣдню отстоялъ и обѣщался прибѣжать, передъ тѣмъ, что батюшкѣ выйти. Матери этихъ дѣтей другая, бездѣтная бабенка разсказываетъ, какъ она въ кормилицахъ, «въ городу жила», у одной изъ ихъ сосѣдокъ-помѣщицъ дѣвчонку кормила и какъ эта дѣвочка,—«царствіе небесное ея ангельской душенькѣ!—вотъ ровнешенько годъ, объ эту самую свѣтлую ночку, померла»...

— И такая-то печаль, такая-то ужасть на матушку ейную, на Катерину Алексѣевну, напали,—разсказывала бабенка, что не могла она ни на похоронахъ, ни на поминаньяхъ бывать! Какъ запоютъ, этто, «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ»—она вскрикнетъ и хлопъ на полъ, гдѣ стоитъ... Такая-то бѣда, да страхъ съ нею намъ былъ!.. Ужъ не знаю, какъ ее нынѣ Богъ милуетъ, а въ прошлую Пасху она такъ и не смогла ни одной службы отстоять... И съ чего, кажись бы, этимъ словамъ ужасаться?.. Самыя такія

утѣшительныя слова. А она—все ничего, а какъ доходитъ до этого—силушки ея не хватаетъ!.. «Не могу, сказывала, я этого слушать! Зачѣмъ для всего свѣта Онъ «смертью смерть попралъ» и Лазаря воскресилъ, и всему міру жизнь даровалъ,—а мнѣ не захотѣлъ моей дочки сохранить? Отнялъ-де, у меня мово ребеночка! Не услышалъ ни слезъ моихъ, ни моленій!».

— Ишь! Грѣхъ какой! — разсуждала слушавшая.— Развѣ-жъ можно Господу-Богу указывать?.. Его святая воля!

— Да ужъ ей это всѣ—и матушка ейная, Анна Владиміровна, и сестрица, барышня Лизавета Алексѣвна, и супругъ ихній — хорошій баринъ такой, добрый... Тоже крѣпко по дочери убивался, но до такого грѣха себя не допущалъ; даже нянюшка Настасья Артемьевна, всѣ часто говаривали и на умъ наставляли — но ничегошеньки подѣлать не смогли!.. Такъ я отъ нихъ предъ Вознесеніемъ предъ самымъ уѣзжала, и ни единаго разочку Катерина Алексѣевна ни у одной службы не побывала.

— Ожесточеніе!—рѣшила ея слушательница.—Да что у ней еще дѣтки-то есть?

— Да въ томъ-то и причина, что нѣту ихъ!.. Были двое еще сынковъ, старшенькихъ, — оба померли. Одинъ уже годковъ пяти, никакъ, былъ... Что ли не помнишь за прошлымъ лѣтомъ бѣгалъ тутъ съ отца Меѳодія ребятенками?..

— Да, да, да!.. Поди, вѣдь! Кому что отъ Бога: у

баръ не живутъ дѣтки; а какъ при нашей бѣднотѣ, вонъ у Пахомкиной Анисьи,—что ни годъ въ избѣ новый горлодеръ оретъ. И всѣ живы! Всѣ ѣсть просятъ!.. Научить развѣ ее подкинуть, какъ пріѣдутъ они въ свою усадьбу?.. Пріѣдутъ объ это лѣто, что-ль?

— Пріѣдутъ! Должно пріѣдутъ... Завсегда, вѣдь, бывало къ Пасхѣ пріѣзжали... Никакъ отецъ Меѳодій вышелъ?

Бабенка встала заглянуть, что дѣлается въ церкви, и въ ту же минуту Митька подошелъ со словами:

— Идетъ батюшка куличи святить, идетъ!

— Марѳушка! Вставай! Попъ идетъ!..—толкнула мать спавшую дѣвочку, и все встрепенулось, все ожило.

Священникъ съ крестомъ, кадильницей и кропиломъ обходилъ, славя Воскресеніе Христово и кропя во всѣ стороны.

Заря занималась. Огненная полоска съ востока окрашивала выяснявшіяся облака: четвертушка луны тускнѣла и становилась прозрачнѣй, а на землѣ все отчетливѣй выступали цвѣта и предметы, принимая свою натуральную окраску, выдѣляясь яснѣе изъ бѣлесоватыхъ тумановъ холодной ночи. Въ промежуткахъ пѣнія и возгласовъ: «Христосъ Воскресе!.. Воистину Воскресе!»—слышалось другое, неумолчное, звонкое пѣніе: по всей окрестности заливались горластые пѣтухи, по-своему прославляя наступавшее свѣтлое утро.

Народъ расходился. Всѣ поля вкругъ погоста свѣти-

*

лись огненными точками; каждому хотѣлось донести Христовъ огонекъ изъ церкви, до дому.

— Мамка! А мамка!.. А я свою свѣчку лучше Машуткѣ на могилку снесу!—предложилъ Митюха.—Я живо тебя догоню.

— И меня возьми, Митька! И я къ Машуткѣ хочу!—взмолилась дѣвочка.

— Ну-ну! Только не валандайтесь! Поскорѣе... На, вотъ, Мареуша, снеси ей яичко красное: зарой подъ крестикомъ,—сказала мать, сбирая пожитки.

Недалеко отошли онѣ отъ ограды, какъ ужъ дѣти догнали ихъ, побывавъ на могилкѣ сестры, прошлой осенью умершей, пятилѣтней Машутки.

— Я ей яичко подъ самый крестикъ закопала!

— А я свѣчечку въ ногахъ, на камушкѣ, прикрѣпилъ:—разсказывали дѣти.

— Мамка! Достанетъ она?.. А?.. Поиграетъ яичкомъ-то?—допытывалась Мареуша.

— Какъ Богъ, Отецъ Небесный ей дозволитъ! — отвѣчала мать.—Она тихое дитё была! Божіе!.. По пятому-то годочку, какъ молитвы знала! Отче, Богородицу, Троицу—всю безъ запиночки говорила... Ежели угодны Творцу Милосердному чистыя дѣтскія душеньки, наша Машутка безпремѣнно въ ангельчикахъ у Него состоитъ!—вздохнула она и, обернувшись, высвободила руку и еще разъ покрестилась на церковь и на могилку дочери.

— Оттого, можетъ, у нея, у Машутки нашей, вся мо-

гилка травкой зеленой-презеленой покрыта! — предположилъ Митя.

— Да! всѣхъ зеленѣй!—вскричала дѣвочка.

— А у креста, по правую руку, подснѣговичекъ ужъ расцвѣтаетъ!—прибавилъ ея братишка.—Что бѣлая звѣздочка распустился, такой красивый цвѣтикъ!.. Мы его не тронули.

— Ну, какъ можно трогать, покойничковъ обижать!.. Съ могилъ никому нельзя цвѣтовъ обрывать, — сказала мать и прибавила:

— Бѣги впередъ, Митюша! Скажи бабкѣ, чтобы на столъ сбирала: какъ приду, такъ разговляться станемъ.

Верстъ за сотню отъ этой деревенской церкви, эту самую пасхальную ночь одна коротала Катерина Алексѣевна Арданина, поджидая своихъ отъ обѣдни. Катерина Алексѣевна была та самая молодая женщина, о которой разсказывала своей сосѣдкѣ бывшая кормилица ея умершей дочери. Она съ матерью и сестрой выѣхали въ деревню, по обыкновенію своему, передъ Пасхой; онѣ всегда, не дожидаясь распутицы, съ послѣднимъ саннымъ путемъ оставляли Петербургъ, чтобы дышать деревенской, здоровой весной, вмѣсто сырыхъ и гнилыхъ испареній; мужъ же ея, связанный службой, пріѣзжалъ позже. Но на этотъ разъ онѣ плохо разсчитали время: ранняя оттепель такъ испортила грунтовыя дороги, по которымъ приходилось ѣхать верстъ семьдесять, такъ быстро распустила рѣки, что пришлось противъ воли пережидать въ большомъ уѣздномъ го-

родѣ дольше, чѣмъ предполагалось по обычному маршруту. Нѣсколько дней въ этомъ съ дѣтства знакомомъ имъ городѣ Арданина съ семействомъ, всегда проѣздомъ, живали у родной своей тетки, генеральши Мауриной, — особы, пользовавшейся широкой извѣстностью во всей губерніи и далѣе ея какъ по своей благотворительности, такъ и по гостепріимству.

Домъ Мауриныхъ десятки лѣтъ стоялъ полною чашей на главной улицѣ родного города, еще издали привлекая вниманіе и величиной своей, и прекраснымъ садомъ, его окружавшимъ. Въ прежніе годы привлекалъ онъ также и оживленіемъ своимъ, вѣчной веселостью своихъ многочисленныхъ обитателей; но въ послѣднее время старушка хозяйка его угомонилась и онъ рѣдко блисталъ свѣтомъ оконъ въ обоихъ этажахъ своего наряднаго фасада.

Въ эту холодную весеннюю ночь, однако, домъ ярко былъ освѣщенъ съ параднаго подъѣзда: по случаю пріѣзда гостей, сестры и двухъ племянницъ, Александра Владиміровна Маурина приготовила парадныя разговѣнія. Отъ обѣдни къ ней ждали многихъ приглашенныхъ; въ верхнемъ этажѣ, въ парадныхъ покояхъ, накрытъ былъ богатый столъ, отягченный бабами и всякими явствами; но нижній этажъ, отданный въ распоряженіе Анны Владиміровны и дочерей ея, пока былъ теменъ и тихъ...

Тихо-то въ домѣ всюду было; даже прислуга и та вся почти ушла по церквамъ встрѣчать Свѣтлый праздникъ, кто молитвой, а кто и болтовней да пересудами надъ охра-

няемыми куличами. Во всемъ домѣ оставались одинъ лакей въ передней, старая экономка, да горничная пріѣзжихъ, спеціально оставленная ради услугъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, упорно не желавшей идти къ утренѣ. Арданина, едва оставшись одна, поспѣшила разрѣшить этой женщинѣ идти, куда угодно,—наверхъ ли болтать съ экономкой, или совсѣмъ изъ дому. Ей это было совершенно безразлично, лишь бы ея никто не тревожилъ въ эту тяжкую для нея ночь. Прощаясь съ матерью, она постаралась ее успокоить своимъ наружнымъ спокойствіемъ; она прикинулась хладнокровной, усталой, увѣрила всѣхъ, что тотчасъ же ляжетъ спать, а къ ихъ возвращенію изъ церкви встанетъ, выспавшись, бодрая и готовая разговляться съ аппетитомъ...

Она и въ самомъ дѣлѣ готова была такъ сдѣлать, да какъ-то не пришлось! Что за толкъ ложиться въ постель чувствуя, что не заснешь? Сна не было и вноминѣ у молодой женщины, мучимой воспоминаніями, бурными чувствами, тревожными вопросами... Екатерина Алексѣевна ходила по комнатамъ нижняго этажа долго, до устали. Сначала она прислушивалась къ шуму на улицахъ, къ радостной праздничной суетѣ, долетавшей извнѣ, къ быстрымъ шагамъ спѣшившихъ въ храмы, къ стуку экипажей, изрѣдка гремѣвшихъ все въ одномъ направленіи, къ собору, куда поѣхали и ея домашніе. Соборъ стоялъ довольно далеко, надъ рѣкою; Арданиной онъ былъ хорошо знакомъ, она могла представить себѣ ясно всѣхъ, кто тамъ былъ теперь, все, что въ немъ происходило. Она и пред-

ставляла, не намѣренно, а невольно представляла, обращаясь мыслью къ матери, къ близкимъ своимъ, весь свѣтъ, все ликованіе, которое готовилось и тамъ, и въ десяткахъ другихъ церквей вокругъ нея,—въ богатыхъ и бѣдныхъ храмахъ по всей землѣ русской, въ сотняхъ тысячъ христіанскихъ собраній по всему лицу міра, въ эту торжественную, свѣтлую ночь.

Да! Она была свѣтла и радостна для многихъ,—но не для нея! Не для такихъ, какъ она, — Богомъ отверженныхъ! Отверженныхъ?.. За что?.. Она-ль не была вѣрующей?.. Она-ль, какъ сказано въ Писаніи, съ дѣтской вѣрой въ милость Божію, не обращалась къ Нему, какъ къ любящему, милостивому, всемогущему Отцу, твердо убѣжденная, что Онъ заранѣе знаетъ, что ей нужно, о чемъ она молитъ, и не подастъ ей камня вмѣсто хлѣба, скорпія—вмѣсто яйца!.. О чемъ она молила Бога? Не о чудѣ изъ ряда вонъ! Она молила Бога лишь сотворить для нея то, что Онъ, —безъ мольбы, — заурядъ творитъ для многихъ, для всѣхъ: сохранить ея дитя, ея дорогую, страдавшую, болѣвшую крошку, — единственное утѣшеніе ея, единственную надежду!.. Вотъ, ровно годъ. Точно такъ же все вокругъ нея ликовало. Большой городъ весь въ свѣтѣ и радостномъ настроеніи готовился встрѣтить великій праздникъ Воскресенія. Вотъ такъ же стояла она у окна и прислушивалась къ первому, торжественному удару колокола въ Исаакіевскомъ соборѣ, какъ сейчасъ слышала первый соборный звонъ, возвѣстившій и здѣсь начало вос-

креснаго служенія окрестнымъ церквамъ. Только тамъ онъ былъ несравненно громче, величественнѣй и торжественнѣй! Какъ громъ Божьяго слова, какъ истинный благовѣсть во спасеніе и въ жизнь, и въ ликованіе исполнившагося обѣтованія:—«Просите и дастся вамъ!» — отдался онъ въ ея сердцѣ, переполненномъ вѣрой, надеждой, любовью!.. Надъ столицей вспыхнулъ отблескъ мгновенно освѣтившихся храмовъ; разнесся радостный гулъ трезвона, спѣха, веселой суеты. А въ ихъ домѣ была тишина, царила скорбь болѣзни и печали; но она не вѣрила ихъ продолжительности! Она себя настроила на увѣренность въ милости Божіей: въ ея сердцѣ также горѣлъ свѣтъ вѣры, радость упованія «на несомнѣнную, вѣрную» помощь воскресшаго Христа... Она упала на колѣни предъ кіотомъ, горѣвшимъ въ яркомъ свѣтѣ лампады; она повергласъ ницъ передъ изображеніемъ «воскресшаго и все воскресившаго» и молилась Ему: «Боже! Милостивъ буди мнѣ, грѣшной! Боже! Ты взялъ у меня сыновей моихъ! Ты далъ мнѣ великую скорбь жизненной съ ними разлуки! Боже, вѣрую, что есть жизнь вѣчная, воскресеніе изъ мертвыхъ въ будущей жизни... Но Ты, Богочеловѣкъ, знающій скорби людскія! Ты, воскресившій Лазаря, воскресившій дочь Іаира, воскресившій единаго сына молившей Тебя матери, Господи, яви и мнѣ Твое милосердіе! Воскреси и мою болящую дочь!.. Въ этотъ великій часъ Твоего возвращенія къ жизни, — возврати и ей, и мнѣ вмѣстѣ съ нею—жизнь, здоровье, счастіе!.. О, Боже,

Христосъ всемилостивый и всемогущій! Знаю, что Ты слышишь меня! Знаю, что видишь и скорбь мою, и на Тебя Единаго уповаю! Знаю, что поможешь дочери моей, спасешь ее, оживишь!..».

И съ этими послѣдними словами, слыша, что кто-то идетъ, она встала, отерла слезы, готовясь идти къ болѣвшей малюткѣ, готовясь увидѣть ее спокойно спящей, готовясь сейчасъ благодарить Бога за ея выздоровленіе и... на порогѣ увидѣла свою мать...

Старушка, вся въ слезахъ, протягивала ей руки, она услышала печальный голосъ ея:

— Не ходи туда, милая! Лучше здѣсь, вмѣстѣ, помолимся о нашемъ ангелѣ, отлетѣвшемъ отъ насъ въ жизнь вѣчную.

Она сначала не поняла, не хотѣла, не могла понять матери! Въ жизнь вѣчную?.. Какое дѣло имъ до той, вѣчной жизни, когда ея дѣвочка должна ожить къ жизни земной!

— Она не можетъ ожить! Она умерла!—повторяли ей...

И точно: дочь ея умерла, въ тѣ самыя минуты, какъ она такъ свято вѣровала, что она выздоровѣетъ... Что-жъ это значитъ?.. Зачѣмъ же этотъ обманъ?.. «По вѣрѣ вашей дастся вамъ...». «Толцыте—и отверзется»... Обрывки мыслей бушевали въ ея мозгу, негодующія бурныя сомнѣнія терзали ее съ такой неулегающейся силой, что она думала, что не выдержитъ, заболѣетъ. Она желала болѣзни, забытья! Но они не дались ей... Она не заболѣла

тѣломъ къ облегченію своихъ нравственныхъ страданій, нѣтъ! Вотъ годъ, что она болѣла ими и не находила отвѣтовъ на жгучія сомнѣнія, на скорбные вопросы: надо ли вѣрить? Надо ли надѣяться? Надо ли ждать разрѣшенія печалей, воздаянія за терпѣніе, за упованіе, наперекоръ разсудку?.. Она считала теперь упованіе и надежду—добродѣтелями, противорѣчащими здравому смыслу... Она не могла съ тѣхъ поръ молиться,—не могла безъ внутренняго содраганія видѣть иконъ, освѣщенныхъ лампадой, слышать служенія въ храмахъ церковнаго пѣнія... Они возмущали ее, казались лицемѣріемъ, ложью. Прежнюю свою спокойную, свѣтлую вѣру она считала обманомъ чувствъ, увлеченіями восторженнаго легковѣрія... Вѣрить! Слѣпо вѣрить, когда все вокругъ человѣка такъ безпощадно, такъ очевидно опровергаетъ всѣ иллюзіи людскія, такъ убиваетъ всякую возможность надежды и вѣры!.. Ребенокъ малый и тотъ видитъ всю нелѣпость человѣческихъ самообольщеній.

Катерина Алексѣевна устала ходить по сумрачнымъ, еле освѣщеннымъ комнатамъ. Она подошла къ стеклянной двери на балконѣ, посмотрѣла на полисадникъ, отдѣлявшій домъ отъ улицы, и опустилась въ мягкое кресло...

За стѣной пробило два часа.

«Ужъ поздно ложиться! Дождусь ихъ!»—подумала она.

Задумчиво стала она всматриваться въ свѣтлую ночь за окнами. Рамы уже были вынуты; балконная дверь отворялась свободно. За нею безлистныя деревья ясно вырѣ-

зались на чистомъ небѣ, освѣщенномъ луной въ послѣдней четверти и мигавшими тамъ и сямъ звѣздами. Полисадникъ выходилъ не на главную улицу,—та шла съ боку, вдоль подъѣзда и болшого сада, а здѣсь проходилъ пустынный переулокъ, на которомъ и днемъ мало было движенія. Арданина приложила руку къ головѣ,—она у нея съ утра болѣла...

«Пройтись развѣ?... Можетъ, полегчаетъ на свѣжемъ воздухѣ?»—подумала она и встала, чтобы надѣть теплую шаль.

За дверью балкона, совсѣмъ близко, ей блеснулъ огонекъ.

«Неужели ужъ возвращаются изъ церкви?—мелкнулъ ей вопросъ. — Кажется еще рано?.. А, впрочемъ, тѣмъ и лучше, скорѣе спать ляжемъ!»

Она одѣлась, толкнула дверь и вышла на крыльцо. Ее охватилъ холодный воздухъ, запахъ прѣлыхъ листьевъ и свѣжей земли, только что очищенной отъ снѣга, только что посыпанной пескомъ и толченымъ кирпичемъ по дорожкѣ, огибавшей весь домъ изъ полисадника въ садъ, во дворъ и къ подъѣзду. Арданина сошла на нее и стала быстро ходить вдоль этой стороны дома, между пустыми клумбами и подстриженной сиренью, маскировавшей заборъ. Она хотѣла ходьбой заставить себя успокоиться, не думать, забыться; но мысли не слушались, все возвращались къ тому же, и горькія чувства не хотѣли ей дать покоя. Болѣзненно сжималось, подъ вліяніемъ ихъ, сердце, а голову ей, будто, сжималъ огненный обручъ.

Звонъ, веселый звонъ стоялъ надъ городомъ и раздражалъ ей нервы.

«Чего трезвонять? Чего радуются?...»—думалось ей и презрительно сжимались губы ея въ скептическую улыбку.— Сами себя тѣшатъ, какъ малыя дѣти, будущей радостью... Нѣтъ-де, нынѣ, счастья,—будетъ потомъ!.. Придетъ и для насъ сиротливыхъ, безпомощныхъ, счастье!.. Воздастся-де всѣмъ по заслугамъ: будемъ же страдать и терпѣть молчаливо, радостно славя Бога, въ чаяніи благъ воскресенія и жизни будущаго вѣка... «Блаженъ, кто вѣруетъ,— тепло тому па свѣтѣ!..»—вздохнула она. Вотъ поютъ они теперь и повторяютъ, въ радостномъ самозабвеніи: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!»—ярко представилось ей церковное служеніе.

Катерина Алексѣевна въ порывѣ чувствъ остановилась даже и громко прошептала сама себѣ торжественную пѣснь, которой все христіанское человѣчество славитъ животворящее Воскресеніе Господне...

Ей снова мелькнулъ огонекъ за полисадникомъ ограды.

«Что тамъ за огонь? Кто это стоитъ за рѣшеткой съ зажженной свѣчей?.. Сколько времени мелькаетъ. Надо взглянуть»,—рѣшила она.

И подошла къ рѣшетчатой калиткѣ.

Оттуда, изъ пустыннаго переулка, къ ней протянулась маленькая, худенькая, дѣтская ручка, со свѣчечкой изъ желтаго воска.

— Христосъ Воскресъ!—тихо вымолвилъ ребячій голосокъ.

Арданина отступила отъ этой неожиданности.

— Кто это?—спросила она и посмотрѣла за калитку. За ней стояла маленькая дѣвочка, прислонившись къ столбу, просунувъ руку между зелеными палками рѣшетки.

— Господи! Какъ ты сюда попала, дѣвочка?.. Крошечная такая! И такъ легко одѣта!.. Не прикрыта почти-что!.. Тебѣ не холодно?

— Не холодно!—отвѣчалъ ребенокъ и опять подавалъ ей свѣчу:—Христосъ Воскресъ, барыня!..

— Во-истину Воскресъ, дѣтка!—машинально отвѣчала она и взяла изъ крошечной, холодной рученки догоравшую свѣчу.—А это что!..

Вмѣстѣ съ желтой свѣчечкой въ рукѣ Катерины Алексѣевны оказалась зеленая, нѣжная вѣточка, съ бѣлой звѣздочкой цвѣтка.

— Откуда у тебя такой цвѣточекъ, милая?.. Спасибо!.. Погоди и я тебѣ яичко дамъ. Подожди меня, миленькая.

Быстро вошла въ домъ Катерина Алексѣевна, машинально задула свѣчу, вѣточку опустила въ стаканъ воды, стоявшій на ея ночномъ столикѣ, и взявъ въ ящикѣ его, изъ приготовленныхъ тамъ хорошенькихъ яицъ для христосованія со знакомыми дѣтьми розовое мраморное яичко, поспѣшно возвратилась съ нимъ къ садовой калиткѣ.

— Вотъ тебѣ, дѣвочка, розовое яичко. Завтра будешь имъ играть! А теперь иди скорѣй домой, милая! Боже

— Откуда у тебя такой цвѣточекъ, милая?.. Спасибо... Погоди и я тебѣ яичко дамъ.

мой, какъ тебѣ должно быть холодно!.. Ты въ одной рубашоночкѣ и босая!.. Какъ это тебя мать такъ пустила?

Дѣвочка взяла яичко, не глядя, сжала его въ рукѣ и вздохнула.

— Тебѣ холодно? Хочешь я тебѣ дамъ платочекъ?— спросила Арданина, удивляясь, что въ такую холодную погоду, такого маленькаго ребенка, почти неприкрытаго одеждой, ночью одного пустили на улицу.

— Мнѣ не холодно!—неподвижно глядя на барыню, отвѣтило дитя.

— Но съ кѣмъ ты пришла? Какъ ты здѣсь?..

— Одна.

— Изъ церкви вѣрно?

— Съ погосту...

— А гдѣ-жъ ты живешь? Близко?

— Я не живу!—такъ же тихо и безстрастно выговорила дѣвочка.

— Близко живешь?—переспросила, не разслышавъ, Екатерина Алексѣевна.

— Я не живу!—повторила дѣвочка явственнѣй.

Арданина посмотрѣла на нее вимательно, жалостливо подумавъ: «Неужели бѣдняжка идіотка?».

— Иди скорѣе домой!—сказала она.—Гдѣ твой домъ?

— У меня нѣтъ дома...

— Какъ?.. Такъ гдѣ-же ты живешь?

— Я не живу! Я лежу,—явственно сказало дитя.

— Лежишь?.. Какъ лежишь? Отчего?

— Я лежу на погостѣ... На кладбищѣ!

— Господи помилуй!.. Арданина отступила, чувствуя, что холодѣетъ. — Ты живешь на кладбищѣ? Твой отецъ вѣрно сторожъ?

— Нѣтъ, я не живу! Я лежу тамъ! — упорно повторяла дѣвочка.

— Зачѣмъ-же ты... лежишь?.. Развѣ ты больная?

— Нѣтъ... Я не больная. Прежде была больная, когда здѣсь жила... Теперь я умерла и... лежу!

«Сумасшедшая!» — въ ужасѣ рѣшила Арданина. Но все-же, руководимая различными чувствами и любопытства, и страха, и жалости, продолжала говорить:

— И долго ты здѣсь хочешь стоять?... Войди въ комнату! Ты замерзнешь.

Дѣвочка покачала бѣлокурой, гладко расчесанной головкой.

— Я скоро уйду, — сказала она.

— И куда-же ты пойдешь?

— На кладбище!

— Что-жъ ты тамъ будешь дѣлать?

— Лежать! — было яснымъ и безстрастнымъ отвѣтомъ.

Невозможно было сбить ребенка съ этихъ отвѣтовъ. Арданина въ сильномъ волненiи, почти въ испугѣ, начала ей доказывать.

— Зачѣмъ-же ты будешь лежать на кладбищѣ? На кладбищѣ лежатъ мертвые, а ты живая...

— Я не живая... Я мертвая! — заявила тотчасъ дѣвочка.

— Да какая-же ты мертвая, дѣвочка, Богъ съ тобой!.. Мертвые не ходятъ, не говорятъ, не ѣдятъ! — убѣждала Арданина.

— Я не ѣмъ!—покачала головой ея странная собесѣдница.

— Да! Но можешь ѣсть!.. Вотъ-же ходишь и говоришь. Какъ-же ты можешь разговаривать, если ты мертвая?

— Я не могу! — прошепталъ ребенокъ. Я здѣсь не могу, если мнѣ не велятъ...

— Велятъ?.. Кто-же тебѣ велитъ? Здѣсь не можешь?.. А гдѣ-же можешь?—безсознательно повторяла Арданина.

— Не здѣсь... Тамъ могу!—неопредѣленно отвѣчала дѣвочка.

Но Екатерина Алексѣевна, убѣжденная, что имѣетъ дѣло съ маленькой юродивой, уже не слушала ея, думая свои горькія думы.

Вотъ, думалось ей, также «справедливость»,—«высшій разумъ»! У несчастныхъ бѣдняковъ живутъ помѣшанныя дѣти, идіоты отъ рожденія, а моя дѣвочка—моленая, желанная—умерла!

Тяжкая горечь подымалась со дна ея наболѣвшей души.

Дѣвочка все стояла неподвижно за сквозной калиткой. Занимался разсвѣтъ; движеніе на улицахъ усиливалось: народъ возвращался изъ церквей...

«Надо попросить кого-нибудь изъ тетушкиныхъ людей проводить бѣдняжку до дому! подумала Арданина. — Ее, вѣрно, кто-нибудь знаетъ».

За угломъ послышались шаги. Оттуда вышелъ высокій, пожилой человѣкъ, въ чистой холщевой рубахѣ, съ окладистой сѣдой бородой, красиво расчесанной лопастью. Онъ шелъ прямо, мѣрно и остановился лишь у самой калитки. Екатеринѣ Алексѣевнѣ показалось, что она знала этого красиваго старика... Въ томъ ничего не могло быть удивительнаго! Она такъ много старожиловъ знала въ этомъ перепутномъ для нихъ городѣ.

Онъ поклонился и сказалъ такъ же, какъ и дѣвочка:

— Христосъ Воскресе, барыня!

— Воистину Воскресе! — и ему отвѣтила она и сказала, указывая на дѣвочку: — не знаете ли вы, чей это ребенокъ?

Человѣкъ посмотрѣлъ и сказалъ:

— Знаю. Это изъ нашей деревни, старостихи Мараы дочь.

— Ахъ! Какъ я рада. Такъ не возьметесь ли вы ее довести до дому ея, до матери?.. А то бѣдняжка попала сюда какъ-то одна, вѣрно изъ церкви забрела... А вѣдь, она, кажется, юродивая! — тихо сообщила Арданина.

— Божіе дитя! — выговорилъ старикъ.

— Да вы послушайте, что она про себя разсказываетъ.

И, обратившись къ ребенку, Арданина снова задала ей вопросы:

— Дѣвочка! Откуда ты?

— Съ погосту, съ кладбища, — повторилъ тотчасъ ребенокъ.

— Что ты тамъ дѣлаешь?

— Лежу.

— Ты живая?

— Нѣтъ... Я мертвая!

Но тутъ прохожій старикъ прервалъ ребенка:

— Не дѣло, дитятко, сказываешь! Развѣ у Бога есть мертвые?

— У Бога нѣтъ! На землѣ есть!—безъ запинки отвѣчала дѣвочка.

— Ну, такъ и пойдемъ къ Богу, Машутка!—предложилъ старикъ и взялъ ее на руки.

Ребенокъ радостно прильнулъ къ его плечу. Прохожій поклонился низко и сказалъ:

— Прощайте, сударыня! Помяните въ молитвахъ Мануила Геронтьева и младенца Марію.

И мѣрнымъ шагомъ старикъ пошелъ съ ребенкомъ на рукахъ и скрылся за поворотомъ переулка.

Въ ту же минуту стукъ экипажа раздался у подъѣзда, домъ освѣтился и горничная появилась на крыльцѣ.

— Пожалуйте, Катерина Алексѣевна, разгавливаться!.. Маменька, тетушка отъ обѣдни пріѣхали!.. А ужъ я испужалась: искала васъ, искала!.. А вы вотъ гдѣ!

Арданина машинально, вся подъ вліяніемъ изумленія и еще какого-то чувства, жуткаго чувства, сути котораго она не могла бы опредѣлить, пошла въ домъ. Она вошла къ себѣ въ спальню, чтобы оправиться, а сама все думала, какой странный старикъ сейчасъ говорилъ съ ней?!.. Дѣ-

вочка эта... Ну, дѣвочка юродивая; но старикъ,—не страннѣе ли еще онъ, чѣмъ этотъ ребенокъ?.. И гдѣ она знала его?..

— Сударыня! Пожалуйте, коли не почиваете! Маменька сами хотѣли васъ провѣдать, да тетенька не пустили: послали меня!—раздался въ дверяхъ голосъ старой экономки, бывшей крѣпостной ихъ дѣда и бабушки. — Христосъ Воскресе, сударыня!

Екатерина Алексѣевна вздрогнула: и она?.. Въ третій разъ въ эту ночь она слышала это привѣтствіе... И въ третій разъ, разумѣется, она должна была отвѣтить: «Воистину Воскресе!» и похристосоваться со старушкой, когда-то няньчившей ее на рукахъ...

Вдругъ ее осѣнило соображеніе и она спросила:

— Скажите, Марина Яковлевна, вы знаете старика Мануила Геронтьева?

— Нашего-то бывшаго управляющаго? Какъ же, сударыня. Да я думаю, что и вы его помните... Въ деревнѣ, куда вы ѣхать изволите, двадцать лѣтъ правилъ. У дѣдушки вашего правой рукой состоялъ. Обстоятельный, честный человѣкъ былъ!.. Маменька ваша, бывало, еще все его бородачемъ называли, потому рѣдкостная у него борода была!

— Ахъ, то-то же я его узнала!.. Я сейчасъ была въ полисадникѣ, — голова у меня болѣла, такъ я пройтись вышла, — а онъ мимо въ переулокъ шелъ и мнѣ поклонился.

— Это... кто такой? — переспросила ключница.

— Да Мануилъ Геронтьевъ...

Ключница отступила въ испугѣ.

— Сударыня! Никакъ этого быть не можетъ!

— Почему?.. Я его видѣла. Я говорила съ нимъ!

— Съ нами крестная сила!..—перекрестилась Марина Яковлевна; — да, вѣдь, Мануилъ Геронтьевъ вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, какъ померъ! Вѣдь, вамъ и десяти годковъ, почитай, не было, когда онъ, въ скорости послѣ дѣдушки вашего, скончался.

Катерина Алексѣевна въ обморокъ не упала. Она только страшно поблѣднѣла и опустилась въ кресло, такъ какъ у нея подкосились ноги. Она, однако, заставила себя сказать:

— А!.. Ну, такъ я, разумѣется, ошиблась!.. Скажите мамѣ, что я сейчасъ... Сейчасъ приду. Дуня! Дай, пожалуйста, одеколонъ.

Она подняла глаза на столикъ, ища стклянки съ одеколономъ, и снова вздрогнула, увидавъ бѣлый цвѣтокъ въ стаканѣ и рядомъ съ нимъ свѣчку желтаго воска.

Вотъ! Значитъ не бредила она! Не сонъ все это!.. Господи праведный! Господи всемогущій! Кого же это она видѣла?.. Кто же они?..

Екатерина Алексѣевна встала, будто приподнятая посторонней силой: между стаканомъ съ бѣлой звѣздочкой подснѣжника и желтенькой изогнутой свѣчечкой она уви-

дала... яичко розоваго мрамора!.. То самое яичко, которое она отдала дѣвочкѣ, которое дѣвочка унесла съ собою...

Такъ какъ же здѣсь оно?.. Кто и когда его сюда положилъ?!

. . . .

Рука Екатерины Алексѣевны Арданиной, не творившая крестнаго знаменія ровно годъ, со дня смерти ея дочери, сама собою поднялась и осѣнила ее крестомъ.

«Помяните въ молитвахъ Мануила Геронтьева и младенца Марію» — вспомнилось ей.

И еще разъ она, сознательно, перекрестилась.

Съ этой Христовой, пасхальной ночи она вновь обрѣла силу и способность молиться и надѣяться, и никогда не забывала на молитвѣ поминать завѣщанныя на вѣки памяти ея имена.

ДЖИНЪ-ПАДИШАХЪ

ЛЕГЕНДА СѢВЕРНАГО КАВКАЗА

ДЖИНЪ-ПАДИШАХЪ.

(Легенда сѣвернаго Кавказа).

Сѣдой старикъ изъ племени Адиге стоялъ за нами, опершись на ружьѣ и, казалось, не слушалъ веселыхъ рѣчей, заглядѣвшись на верхушки своихъ родимыхъ горъ, тонувшихъ въ пламени и багряницѣ заката. Яркій костеръ, зажженный нашими усталыми, но не утомленными охотниками, картинно поднималъ вверхъ столбъ дыма, выбрасывалъ языки пламени, вспыхивая, какъ пожаръ, на опушкѣ лѣса въ верху горы; онъ покрывалъ янтаремъ стволы великановъ—деревьевъ, перебѣгалъ изумрудами и яхонтами по ихъ листвѣ. А внизу, въ долинѣ, въ глубокихъ ущельяхъ, уже воцарилась мгла и ночной сумракъ...

Одинъ великій красавецъ, вѣчно юный въ своихъ бѣлыхъ и алыхъ покровахъ, снѣжный Эльбрусъ сіялъ и нѣжился въ прощальныхъ лучахъ солнца, блестящимъ конусомъ выдѣляясь на безоблачномъ небѣ.

Всѣ знали, что старый черкесъ Мисербій помнитъ множество преданій своей прекрасной родины, и обрати

лись къ нему съ просьбами разсказать, что вспоминаетъ онъ, о чемъ думаетъ, глядя въ цвѣтистую даль земли и въ свѣтлую высь небесъ?... Онъ долго, молча, отнѣкивался, медленно качая головой, но это былъ его обычный пріемъ; всѣ ждали его разсказовъ и, точно, ихъ дождались. Дождались—и, по обыкновенію, заслушались!

— Вы хотите знать, о чемъ я думаю?—грустно улыбаясь, заговорилъ Мисербій. А, можетъ быть, вамъ не понравятся мои думы?.. Я человѣкъ горъ! Какъ вольный вѣтеръ не умѣетъ сдержать своего полета, такъ и горецъ, взросшій и побѣлѣвшій на гребняхъ скалъ и зеленыхъ склонахъ горъ, по которымъ онъ рыщетъ, неудержимый, и поетъ свои отъ вѣка сложенныя пѣсни, — не можетъ искажать ихъ! Не можетъ выкидывать слова изъ свободныхъ, великихъ сказаній его!... Что-жъ! Я скажу вамъ, что думалъ, какія рѣчи отцовъ отца моего я вспоминалъ, глядя на сверкающій Эльбрусъ.

И старецъ, величественно выпрямившись, какъ юноша, и гордо поднявъ голову, съ еще блиставшимъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей взглядомъ, протянулъ руку по направленію къ горѣ. Снѣговой ея конусъ, въ эту минуту рдѣвшій нѣжнымъ румянцемъ, смѣло вырѣзался на лазури изъ-за гряды золотисто-алыхъ облаковъ, опоясавшихъ его словно лентой.

— «Знаете-ли вы, почему порою царь горъ окутывается тучами и мракомъ? Почему онъ часто потрясаетъ небо и землю грозой и вихрями своего гнѣва, своей без-

сильной ярости?.. Это потому, что на вершинѣ его, на ледяномъ его престолѣ возсѣдаетъ властитель духовъ и бездны, мощный Джинъ-Падишахъ!—говорилъ Мисербій.

Вотъ что узнали мы отъ него въ этотъ чудный вечеръ.

Грозный духъ преисподней,—Джинъ Падишахъ искони прикованъ великимъ Тха, Творцомъ всей природы, за неповиновеніе Его святымъ велѣніямъ къ вершинѣ Эльбруса. Это блестящій престолъ, съ котораго Джинъ-Падишахъ раздаетъ приказанія подвластнымъ ему собратьямъ, но самъ покинуть ее безсиленъ. Когда онъ говоритъ,—голосъ его гремитъ, какъ громъ небесный, будитъ чуткое эхо, и все отвѣчаетъ ему кругомъ: льды и снѣга потрясаются и съ адскимъ шумомъ и трескомъ низвергаются въ пропасти; потоки ревутъ и плещутъ брызгами на скалы; горные орлы бьютъ крыльями и съ дикимъ крикомъ разсѣкаютъ подоблачную высь; а филины и совы отвѣчаютъ глухими стонами со дна лѣсныхъ ущелій, изъ глубины темныхъ разсѣлинъ. А порою, не приказанія, а вопли и стоны раздаются на снѣжной вершинѣ... Тогда все умолкаетъ и скорбитъ вмѣстѣ съ духомъ. Въ особенности прежде, вѣка тому назадъ, скорбь его надрывала сердца всѣмъ слышавшимъ его горькія сѣтованія. Не на плѣненіе свое сѣтовалъ Джинъ, — нѣтъ! Онъ былъ страшно наказанъ Великимъ, давшимъ ему даръ предвидѣнія... За много столѣтій до появленія въ горахъ нашихъ русскихъ, осужденный владыка высей и безднъ зналъ, что на мѣсто заточенія его двинутся сѣверные великаны; что придутъ чужіе, бѣловолосые люди

и завладѣютъ имъ!.. Онъ ждалъ покорителей изъ полунощныхъ странъ, гдѣ царствуетъ вѣчная зима, какъ и въ его подоблачныхъ высотахъ; онъ зналъ, что оттуда, вмѣстѣ съ сѣверными великанами, придетъ и яркій свѣтъ, который осѣнитъ его мрачное царство, проникнетъ въ ущелья и дебри лѣсныя, изгонитъ изъ нихъ мирно властвовавшихъ тамъ съ начала міра подвластныхъ ему духовъ тьмы... Въ мучительномъ ожиданіи будущаго, Джинъ-Падишахъ срывался иногда съ престола, гремѣлъ цѣпями, ударами мощныхъ крыльевъ потрясалъ горы и долины, и сзывалъ изъ глубины земли и моря спящихъ въ пучинахъ и пропастяхъ духовъ. «Собирайтесь! вопилъ онъ. Собирайтесь мои темныя рати на выручку нашего царства!.. Ратуйте противъ жестокихъ предначертаній осудителя нашего, Великаго Тха всей вселенной».

Тогда умолкало пѣніе птицъ въ цвѣтущихъ долинахъ,— мотыльки скрывались подъ увядшими цвѣтами, рыбки трепетали въ потокахъ. Громче и громче раздавались богохульные вопли Джина, и вершины горъ одѣвались тумаманомъ, гроза гремѣла, бушевало море, сотрясалась вся земля и скалы стонали и разсѣдались, разверзая пропасти ада. А человѣкъ, съ ужасомъ прислушиваясь къ этому хаосу, дрожалъ и прятался въ свои жилища въ ожиданіи великихъ бѣдствій... Но вотъ око Величайшаго обращалось въ этотъ край вселенной и видѣлъ Онъ смятеніе созданій своихъ и проникался жалостью къ несмысленнымъ! Зрѣлъ Онъ и постигалъ, что Имъ сотворенные боятся раба

Его, — созданіе ставятъ выше Создателя!.. И призывалъ миръ и спокойствіе на всѣхъ Ему покорныхъ... И вотъ, сонмы свѣтлыхъ духовъ окружали вершину сѣдого Эльбруса; витали вокругъ ледяного престола возмутителя и райскими пѣснями водворяли свѣтъ и покой вверху, миръ на лицѣ земли. Хоры блаженныхъ стремились пробудить раскаяніе въ сердцѣ Джинъ-Падишаха. Они пѣли ему о сладости покаянія, о блаженствѣ прощенія... А онъ, безумный, не хотѣлъ внимать имъ, не хотѣлъ покориться и отвѣчалъ имъ не слезами и мольбой, а скрежетомъ и сотрясаніемъ своихъ цѣпей! Онъ силился захватить клочья сѣдыхъ тумановъ и черныхъ тучъ и окружить ими главу свою, чтобы не видѣть и не слышать;—но ангелы, духи мира и свѣта, не допускали до этого: они дыханіемъ своимъ разгоняли тучи и навѣвали на землю тепло и весенній расцвѣтъ.

Облака таяли въ лазоревомъ небѣ; снѣжныя вершины сіяли, какъ алмазы на голубой тверди, а внизу, на землѣ все оживало и обновлялось: зеленѣли холмы, цвѣты благоухали, свѣтлые ручьи, сладко журча, орошали долины; просыпались въ рощахъ птицы, и человѣкъ вторилъ ихъ пѣснямъ, выходя въ поле на работы... Всюду водворялись миръ, тишина и радость жизни...

Свершилось то, чего такъ боялся великій духъ горъ: пришли съ сѣвера властители и покорили лѣсныя дебри и горы Кавказа. Подъ самымъ подножіемъ Джинова трона, они поселили сыновъ своихъ; провели дороги, исполо-

совали ихъ желѣзными колеями и пустили въ ходъ по землѣ и морю желѣзныхъ чудовищъ, которыя мчатъ къ намъ ежедневно новыя полчища русскихъ, оглашая долины, горы и морскія прибережья рѣзкими стонами, дикимъ свистомъ, будто подражая хохоту и плачу лѣсныхъ духовъ, будто вызывая ихъ на бой, и дразня яркимъ свѣтомъ своихъ разноцвѣтныхъ глазъ... И горные духи уходятъ все выше и выше, шагъ за шагомъ уступая владѣнія свои человѣку, все печальнѣе тѣснясь вокругъ своего мрачнаго повелителя. А онъ, несчастный гордецъ, онъ, желавшій когда-то тягаться силой и властью съ Творцомъ своимъ; онъ, изъ преисподней ждавшій помощи противъ своихъ враговъ и не внявшій зову блаженныхъ, онъ все сидитъ, угрюмо понурившись, на самой вершинѣ ледяной горы и вспоминаетъ тѣ блаженныя времена, когда онъ былъ близокъ ко Всемогущему, не замышлялъ еще свергнуть волю Его и выше Его вознестись... Бѣлая, обледенѣлая борода его отросла и свѣсилась въ пропасть; все тѣло покрылось сѣдымъ инеемъ; ногти выросли и впились въ ледяную скалу и въ промерзшее тѣло, а глаза горятъ какъ раскаленные жернова и, порою, мечутъ искры, зажигаютъ молніи...

Завидѣвъ огонь ихъ, христіане творятъ крестныя знаменія, а суевѣрные горцы ждутъ великихъ бѣдъ, произносятъ заклинанія и спѣшатъ жертвовать дары грозному Джинъ-Падишаху. Джигитъ, успѣвшій даромъ умилости-

вить духа, весь годъ будетъ имѣть удачу, и вражеская пуля не коснется его.

Есть по Тереку и Малкѣ, есть въ ущельяхъ Зеленчука и по холмамъ, на берегахъ Кубани, много жулатовъ,—башень въ виду Эльбруса,—куда ходятъ на поклоненіе Джинъ-Падишаху. Вѣдь, мало кто можетъ добраться къ нему ближе! Кто можетъ—ѣдетъ въ путь къ вѣчнымъ снѣгамъ его. Но видѣть грознаго старца, бѣлаго прадѣда, невозможно! На кого сверкнетъ блескъ его очей—тотъ умираетъ; а тому, кто осмѣлится тронуть пули, оружіе или что либо принесенное въ даръ Падишаху—горе великое! Всякій кабардинецъ, всякій черкесъ знаетъ, что не долженъ касаться того, что иногда попадается ему въ глубинѣ какой нибудь дикой разсѣлины скалы, въ окрестностяхъ Эльбруса, будь то хоть кинжалъ, хоть ружье, гораздо лучшее, чѣмъ его собственное вооруженіе.

Но и на плѣннаго духа горъ порою находятъ милость и благоволеніе къ усерднымъ его почитателямъ. Много времени тому назадъ былъ въ Кабардѣ удалой наѣздникъ Ардулай-Норъ, никогда не забывавшій приносить новогоднюю жертву Джинъ-Падишаху и никогда не жалѣвшій отдавать ему лучшее изъ награбленнаго за годъ оружія. Прослышалъ онъ, что на Кубани, у князя Девлетъ-Магома, извѣстнаго богатыря и богача, есть красавица дочь Зейнабъ-Астара. Много удальцовъ, богачей изъ княжескихъ и ханскихъ родовъ сваталось за красавицу; много въ честь ее творилось подвиговъ воинскихъ, сожигалось

и грабилось гяурскихъ селеній,—ничто не колебало гордости отца и холоднаго сердца дочери. Оба они находили, что во всемъ краѣ, отъ Азова до Дербента, не было жениха достойнаго такой невѣсты!.. Возгорѣлось сердце Ардулая! Не милы стали ему родные горы, лѣса, аулы и всѣ ихъ красавицы, среди которыхъ каждая готова была съ радостью выйти замужъ за удалого джигита... Само наѣздничество и набѣги потеряли для влюбленнаго юноши всю прежнюю прелесть. Цѣлыми днями безцѣльно бродилъ онъ по горамъ и лѣсамъ, а къ вечеру пробирался поближе къ аулу Девлетъ-Магомы, высматривалъ съ горы не увидитъ ли гдѣ за стѣной красавицы, не блеснутъ ли ему глаза ея изъ окошка сакли. Князь жилъ особнякомъ на опушкѣ лѣса, подъ грядою скалъ и съ нихъ то высматривалъ Астару влюбленный въ нее заочно Норъ. Вотъ разъ, темнымъ вечеромъ, сидитъ онъ такъ на своей вышкѣ, глядитъ—глазъ не спускаетъ съ тесовой ограды, съ каменныхъ стѣнъ просторной сакли, со старой башни съ узкимъ оконцемъ и широкаго, поросшаго травою двора. Вдругъ отворилась маленькая дверь и вышли изъ башни двѣ старухи, двѣ прислужницы и хранительницы прекрасной княжны. Вышли онѣ и говорятъ между собой:

— А что, опять старый хрычъ жениху отказалъ?

— Опять! отвѣчаетъ другая. Вишь не по дочери его такой женихъ, какъ узденъ Джамбулатъ. Не диво ему бранные подвиги его; не прельщаетъ его табунъ лошадей, что узденъ пригналъ съ послѣдняго набѣга на Донъ; не нужны

всѣ сокровища, которыя онъ сулитъ ему въ калымъ за невѣсту... Будь ты, говоритъ, гостемъ моимъ, узденъ Джамбулатъ,—но мужемъ дочери моей не будешь!

— Вѣдь вотъ какой не сговорчивый старикъ! дивилась первая женщина. Боюсь я, что нашей звѣздочкѣ Астарѣ съ такимъ отцомъ придется вѣкъ въ дѣвицахъ свѣковать. Какой же кинжалъ разрѣжетъ ея пша-кафтанъ?.. [1]) Развѣ найдется молодецъ, который и впрямь у Джинъ-Падишаха оружіе для этого призайметъ, какъ того ожидаетъ наша княжна.

— Да, вотъ уже никакъ двадцатаго жениха спроваживаетъ князь... А самой Астарѣ изъ ночи въ ночь все снится какой-то невѣдомый джигитъ, красавецъ, который не спросясь отца отгадаетъ ея желаніе и съ бою возьметъ ее, мечемъ грознаго повелителя горныхъ духовъ.

Тутъ вдругъ къ ногамъ разговаривавшихъ упалъ золотой червонецъ, за нимъ другой, третій, четвертый...

Старухи бросились подбирать, подняли головы къ небу: дивились не звѣзды ли съ неба падаютъ червонцами къ ихъ ногамъ?.. Тогда на горѣ, изъ чащи лѣса, раздался голосъ:

— Покажите мнѣ прекрасную Зейнабъ-Астару и я засыплю васъ золотомъ.

Переглянулись женщины, испугались.

---

[1]) Дѣвушки-горянки съ малолѣтства носятъ пша-кафтанъ,—т. е. дѣвичій кафтанъ; нѣчто въ родѣ корсета, который мужъ обязанъ разрѣзать кинжаломъ ихъ не поранивъ.

— Кто-бъ это могъ быть?.. Ужъ не горный ли духъ подшучиваетъ надъ нами?.. Не превратятся ли эти червонцы въ горячіе угли, какъ только мы внесемъ ихъ въ жилье? переговаривались онѣ.

— А вотъ ты здѣсь постой, а я пойду въ саклю, посмотрю! предложила одна.

Она ушла и тотчасъ же возвратилась въ радости, позванивая золотыми на ладони.

— Кто ты? спросили они.

— Я засыплю васъ золотомъ, только покажите мнѣ княжну! прозвучалъ снова голосъ и снова два червонца звеня покатились къ порогу.

Тогда обѣ прислужницы бросились въ саклю и вызвали княжну, захвативъ съ собой и фонарь, чтобъ освѣтить ея лицо.

— Иди! говорили онѣ, на дворъ нашъ съ неба сыплются золотыя звѣзды, сестры твои!..[1]) Онѣ вѣрно хотятъ поиграть съ тобою, прекрасная княжна. Откинь покрывало! Покажи имъ ясныя очи твои.

И хитрыя старухи освѣтили лицо красавицы и чуть не ослѣпили видомъ его притаившаго духъ Ардулая.

Пригоршня золотыхъ со звономъ раскатилась по травѣ.

— Видишь ли? Видишь ли, ясная звѣздочка наша? закричали женщины и чуть не подрались, ползая по землѣ и собирая червонцы.

А Зейнабъ-Астара сказала презрительно:

[1]) Астара—звѣзда.

— Это золото!.. Что мнѣ въ немъ?.. У отца моего мѣшки полны червонцевъ и драгоцѣнностей!.. Мнѣ нуженъ мой милый! Мой желанный джигитъ, съ заколдованнымъ мечемъ, которому дано будетъ перерѣзать шнуровку моего кафтана.

— Онъ придетъ! Онъ скоро придетъ!.. Жди меня, звѣзда моего неба! прозвучалъ страстный голосъ юноши, изъ темнаго лѣса на скалѣ.

Сердце Зейнабы затрепетало, какъ птичка въ тѣсной клѣткѣ, и она прошептала чуть слышно:

— О! Приходи!.. Приходи скорѣе, мой милый!

Черезъ недѣлю во дворъ Девлетъ-Магома прискакалъ всадникъ весь закованный въ латы и обвѣшанный оружіемъ. За нимъ слѣдовали двѣнадцать нукеровъ, тоже вооруженныхъ по самыя уши. Это былъ Ардулай-Норъ. Князь внутренно смутился, потому что наканунѣ всѣ его слуги и воины ушли въ набѣгъ, за Терекъ. Но онъ этого не выказалъ пріѣзжему, а гостепріимно отворилъ ему дверь своей кунацкой.

— Добро пожаловать, сказалъ онъ. — Что надо тебѣ славный витязь?

— Мнѣ нужна или одна дочь твоя, или, и дочь и, вмѣстѣ, жизнь твоя, князь! отвѣтилъ незнакомецъ.

— Ты скоръ на рѣшеніе! улыбнулся старый богатырь. Но, слава Аллаху, я не изъ трусливыхъ, и не отлита еще та пуля, и не закаленъ тотъ кинжалъ, которыми пронзять мою грудь.

— Быть можетъ такъ, но, авось, и тебя проймутъ двѣнадцать пуль сразу... Посмотри на потолокъ.

Глянулъ Девлéтъ-Магома и видитъ сквозь слуховое окно, сквозь ходъ на плоскую крышу сакли, сквозь трубу каменную, двѣнадцать дулъ винтовокъ, направленныхъ въ него.

— Ну, ловкій же ты молодецъ! сказалъ онъ. Вижу, что ты достойный суженый моей дочери. Я рѣшилъ, что отдамъ ее только за того джигита, который перехитритъ и осилитъ меня самого. Ты это сдѣлалъ! Съ моей стороны нѣтъ препятствій къ вашему браку; но, врядъ ли, Зейнабъ-Астара согласится за тебя выйти, если ты не выполнишь ея завѣтнаго желанія...

— Какого?... Говори. Я все исполню!

— Спроси ее саму. Не хочу, чтобы ты думалъ, что я внушу ей отвѣтъ.

Отецъ и женихъ миролюбиво направились въ женскую половину. Тамъ, на парчевыхъ подушкахъ и коврахъ сидѣла красавица Зейнабъ. Прислужницы окружали ее и поспѣшили сначала закрыть лицо ее покровами, а потомъ ужъ впустить мужчинъ. Она привѣтливо приняла вошедшихъ и промолвила голосомъ сладкимъ, какъ весенняя пѣсня жаворонка въ поднебесьи:

— Селямъ алейкюмъ, добрый витязь!.. Вижу, что ты тотъ самый, котораго жду я давно... Но, увы!.. Рокъ мѣшаетъ намъ быть счастливыми, если ты не угадаешь и не выполнишь моего желанія.

— Аллахъ Всемогущій и всѣ силы его да помогутъ мнѣ въ этомъ, Астара, звѣзда моей души.

— Такъ угадывай! сказалъ Девлетъ-Магома, коварно улыбаясь.

Ардулай-Норъ поникъ головою, задумался... Вдругъ его осѣнило воспоминаніе того, что сказала прислужница въ памятную ночь, когда онъ впервые увидѣлъ свою возлюбленную.

Онъ окинулъ взглядомъ окружавшихъ ее старухъ и узналъ тѣхъ, которыхъ осыпалъ червонцами. Одна изъ нихъ, тоже узнавъ его по голосу, молча, провела пальцемъ по груди своей, будто бы разрѣзывала ножемъ шнуровку...

— Я долженъ разрѣзать твой дѣвичій кафтанъ, о! моя несравненная!.. И клянусь, что никто не разрѣжетъ его, кромѣ меня.

— Да, дорогой мой суженый! Ты отгадалъ мое желаніе, но не вполнѣ...

— Погоди! перебилъ Ардулай красавицу. Я знаю все: я долженъ разрѣзать его мечемъ грознаго Джинъ-Падишаха?

— Да! Да!.. закричали всѣ присутствовавшіе. Видимъ теперь, что ты воистину, женихъ, котораго ждала княжна.

А Зейнабъ-Астара поднялась во весь свой стройный ростъ и сказала, поднявъ надъ нимъ руки:

— Да будетъ надъ тобой благословеніе Великаго Тха, и да обратитъ онъ гнѣвъ и злобу Джинъ-Падишаха въ

благоволеніе!.. Иди, мой возлюбленный суженый! Исполни предначертаніе судьбы, чтобъ любовь моя была тебѣ наградой, и миръ воцарился надъ потомствомъ нашимъ.

— Жди меня до десяти дней! закричалъ Ардулай-Норъ и, какъ безумный, выбѣжалъ изъ сакли.

Чрезъ минуту только клубы золотистой пыли, ложившіеся по степи, остались отъ присутствія удальца-джигита и его двѣнадцати товарищей.

Ярко сіяла полная луна въ подоблачномъ царствѣ повелителя горныхъ и подземныхъ духовъ. Всюду разстилались снѣговые склоны, высились ледяныя скалы; бѣлые покровы сіяли серебромъ, искрились брильянтами и самый заиндивѣлый воздухъ казалось переливался мирьядами алмазныхъ пылинокъ.

Тишина стояла непробудная, полная. Лишь изрѣдка раздавался трескъ ледника или далекій гулъ снѣжнаго завала, стремглавъ слетавшаго въ пропасти и снова все умолкало и воцарялась торжественная тишина; некому было двигаться — здѣсь жизни не было. Развѣ случайно изъ нижней полосы скалъ и хвойныхъ лѣсовъ, что разстилались сине-туманной полосою далеко внизу, забѣгали сюда волкъ или желтая лиса, но и тѣ, пробѣжавъ по нетронутымъ снѣгамъ, спѣшили вернуться въ свои берлоги и норы... Орелъ только, сѣрый царь пернатыхъ, порою взлеталъ и садился на ледяную вершину и гордо озирался, весь залитый блескомъ солнца въ этой снѣжной пустынѣ, словно величаясь тѣмъ, что не боится ни стужи ея, ни одиночества.

Кто-то входилъ на вершину, къ подножью его ледянаго престола.

Но это случалось днемъ. Теперь же ничто не двигалось и не дышало на многія сотни верстъ кругомъ. Джинъ-Падишахъ могъ дремать спокойно на своемъ серебряномъ тронѣ, упиравшемся въ ясное поднебесье, съ котораго еле мигали, тамъ и сямъ, блѣдныя звѣзды, утопая въ сіяньи царицы-луны.

И онъ дремалъ...

Дремалъ, весь окованный льдомъ и снились ему райскія кущи, хороводы блаженныхъ духовъ и вѣчное сіяніе Благаго, Великаго, Единаго,—которому онъ измѣнилъ, отъ свѣтлыхъ обителей котораго онъ добровольно отрекся... Въ полуснѣ и забвеніи онъ порой простиралъ руки къ чуднымъ образамъ прошлаго и тогда воздухъ сотрясался отъ звона его тяжкихъ цѣпей, и отъ сотрясенія ихъ разсѣдались ледники и смертоносные обвалы срывались въ долины на горе путникамъ и жителямъ горныхъ склоновъ.

Вдругъ грозный властитель горъ встрепенулся и съ трудомъ приподнялъ отяжелѣвшія отъ инею вѣки... Ему почудилась близость чего то живого...

Кто-то всходилъ на вершину, къ подножью его ледяного престола. Скользя безпрерывно и падая, какой-то смертный взбирался въ его обитель. Но Джинъ-Падишахъ, хотя почувствовалъ присутствіе человѣка, но не видалъ его... Блаженные сны, навѣянные на него благими силами, смягчали сердце владыки темныхъ силъ. Смягчая голосъ свой, раздавшійся какъ раскатъ дальняго грома, онъ вопросилъ:

— Кто здѣсь?.. Кто дерзновенный, осмѣлившійся нарушить покой моего царства и сна?

— Я, витязь Ардулай-Норъ, твой вѣрный поклонникъ и ежегодный жертвователь,—долетѣлъ до него отвѣтъ.

— Дерзкій и безумный! что внушило тебѣ смѣлость дойти до меня?

— Любовь! не колеблясь отвѣчалъ джигитъ.

— Я не знаю ее! вскричалъ Джинъ, и мощный вопль его раздался какъ громовой ударъ надъ головой Ардулая и эхо ледниковъ донесло его внизъ въ горныя ущелья, а оттуда въ долины и заставило многихъ спавшихъ въ аулахъ людей проснуться въ страхѣ и многихъ младенцевъ отъ ужаса вскрикнуть, прижимаясь къ груди матерей. Ты видишь—земля дрожитъ отъ мановенія руки моей! Дыханіе мое подобно урагану! Блескъ глазъ ослѣпитъ и сожжетъ тебя какъ молнія!.. Уйди безумецъ и не тревожь моего горя.

Ардулай-Норъ упалъ на колѣна.

— О, грозный Падишахъ! Умертви меня во гнѣвѣ твоемъ,—сказалъ онъ. Мнѣ жизнь не нужна безъ Зейнабъ-Астары, царицы души моей, а ее я могу получить лишь тогда, когда ты мнѣ дозволишь на время взять одинъ изъ мечей твоихъ въ ущельи Татаръ-Тупа [1]). Тамъ находится главный жулатъ, куда вѣрные сносятъ тебѣ жертвы. Я за-

---

[1]) Татаръ-Тупа въ переводѣ: мѣсто подвластное татарамъ. Подъ такимъ названіемъ у кабардинцевъ были извѣстныя башни и жулаты, впослѣдствіи обращенные горцами, принявшими магометанство, въ минареты.

сыплю его пулями и всякими доспѣхами, лишь позволь мнѣ на время взять одинъ изъ твоихъ клинковъ.

— Да будетъ по твоему, смертный! отвѣчалъ, смягчившись, старецъ. Счастливъ ты, что попалъ ко мнѣ въ минуту моего смиренья... Но зато скажи мнѣ: растутъ ли еще хлѣба, цвѣты и травы на землѣ? Родятся ли ягнята и есть ли еще счастливыя семьи, гдѣ царствуетъ миръ и довольство?..

Смутился Норъ. Зналъ онъ, какъ и всѣ, что по велѣніямъ Всемогущаго Тха, съ Джинъ-Падишаха лишь тогда спадутъ оковы, когда земля и твари станутъ безплодны, а между людьми окончательно водворится вражда, и братъ возстанетъ на брата. Боялся онъ гнѣва плѣннаго духа, но не хотѣлъ солгать... Мысленно призвалъ онъ на себя благословеніе Великаго и смѣло отвѣчалъ:

— Да, великій духъ! Благодареніе Зиждителю, еще земля родитъ плоды и семейное счастье не вездѣ нарушилось...

Едва онъ выговорилъ эту истину, земля задрожала, такъ тряхнулъ цѣпями Джинъ, и въ нѣдрахъ ея пронесся гулъ отъ страшнаго стона его. Заплакалъ плѣнный духъ. И слезы его разлились потоками. Они были такъ горячи, что вѣковые снѣга таяли подъ ними и разсѣдались въ трещины, по которымъ, бурля и дымясь, эти жгучія слезы понеслись къ подножью Эльбруса, чтобы увеличить еще болѣе воды тѣхъ бурныхъ потоковъ, которые, неистово

прорывая землю и скалы, вырываются изъ подъ льдовъ въ горныя ущелья.

Ардулай-Норъ, оглушенный и безчувственный, былъ подхваченъ потокомъ слезъ грознаго Падишаха и потерялъ сознаніе... Но не даромъ призвалъ онъ на себя благословеніе Всевышняго: невидимыя силы поддержали его и охранили во льдахъ и въ водахъ и въ нѣдрахъ земныхъ.

Ардулай-Норъ очнулся въ глубокомъ ущельи рѣки Малки, гдѣ бродилъ еще наканунѣ вечеромъ вокругъ да около жулата, Татаръ-Тупа, желая страстно и не осмѣливаясь выбрать булатный клинокъ изъ множества ножей и кинжаловъ, принесенныхъ въ даръ Джинъ-Падишаху. Теперь онъ смѣло вскочилъ на ноги, протеръ глаза, и вошелъ въ высокую башню. Странное дѣло! Онъ помнилъ прекрасно свое восхожденіе на Эльбрусъ, разговоръ свой съ грознымъ духомъ; помнилъ, какъ упалъ и былъ захваченъ клокотавшимъ потокомъ слезъ его,—а между тѣмъ онъ былъ цѣлъ и невредимъ и чувствовалъ себя превосходно, какъ человѣкъ, прекрасно отдохнувшій за ночь...

Теперь свѣтало. Сизые пары поднимались съ кипучей рѣчки, а предъутреній вѣтерокъ гналъ ихъ внизъ, по ущелью, разрывая ихъ въ клочья по кустарникамъ и зеленымъ склонамъ... Востокъ алѣлъ. Гряды золотистыхъ облачковъ въ небѣ таяли, сторонясь передъ восходомъ солнца, свѣтозарнаго друга природы; а когда Ардулай-Норъ вышелъ изъ жулата съ тонкимъ лезвіемъ закаленной стали въ рукахъ, свѣтило дня ярко блеснуло на избран-

номъ имъ кинжалѣ и освѣтило счастливое, горделиво улыбавшееся лицо влюбленнаго юноши.

Чрезъ нѣсколько дней князь Девлетъ-Магома шумно и великолѣпно отпраздновалъ свадьбу дочери своей Зейнабъ-Астары съ славнымъ джигитомъ Ардулай-Норомъ. Много было истрачено золота, бузы и меду на этой свадьбѣ; еще больше пороху на молодецкую перестрѣлку поѣзжанъ. Синій дымъ выстрѣловъ долго еще носился надъ ауломъ, серебрясь въ яркихъ лучахъ мѣсяца, когда щедро одаренныя подруги рѣшились сдать тароватому дружкѣ жениха его прекрасную невѣсту.

— Смотри! сказалъ добродушно Девлетъ-Магома своему зятю: когда будешь рѣзать шнуровку пша-кафтана кинжаломъ «грознаго старца» — не порань имъ груди твоей жены: Такая неловкость была бы дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго вашего счастья.

Ардулай-Норъ улыбнулся. Онъ былъ увѣренъ въ своей ловкости.

А верхушка Эльбруса такъ ярко сіяла въ эту ночь, будто самъ Джинъ-Падишахъ хотѣлъ показать, что радуется счастью новобрачныхъ.

НОЧЬ ВСЕПРОЩЕНІЯ И МИРА

НОЧЬ ВСЕПРОЩЕНІЯ И МИРА [1].

Была Великая Суббота—1500-я годовщина святотатственнаго преступленія, даровавшаго спасеніе міру.

Въ Генуѣ храмы были переполнены народомъ, собиравшимся чествовать ночь Воскресенія Господня. Колокола торжественно звонили, вечернія службы кончались, но оживленіе еще царило на улицахъ и въ цвѣтущихъ окрестностяхъ древняго города, надъ которыми раскинулся темно-синій куполъ небесъ, усѣянный ярко сіявшими алмазами созвѣздій.

Въ маленькой виллѣ, утонувшей въ зелени пальмъ, олеандровъ, мирта, лавровъ и розъ, подъ мраморнымъ портикомъ, на крыльцѣ, стоялъ, прислонившись къ рѣзной колоннѣ, человѣкъ высокаго роста, еще не старый, но съ лицомъ уже изборожденнымъ многими морщинами—слѣдами

---

[1]) Сущность преданія отчасти почерпнута изъ старинной англійской брошюры, хранящейся въ Британскомъ музеумѣ подъ заглавіемъ: Chronicles of Cartaphilus, the Wandering Jew; отчасти изъ біографій Корнелія Агриппы.

заботъ, трудовъ, подъ-часъ тяжкихъ лишеній. Онъ вышелъ вздохнуть ароматнымъ воздухомъ, оживить грудь сильными, здоровыми испареніями моря... Взоръ его блуждаетъ по вольному простору Генуэзскаго залива, по цвѣтущимъ берегамъ и морской зыби, отливающей серебромъ и фосфоромъ подъ дрожащими лучами звѣздъ,—но онъ полонъ сосредоточенныхъ думъ и печали.

Рука его лежитъ на головѣ большой черной собаки, пристально устремившей глаза въ его лицо. Глаза животнаго горятъ, какъ изумруды, въ темнотѣ ночи, въ нихъ глубина и сила мысли изумительныя. Собака не сводитъ взоровъ съ лица своего хозяина и, по временамъ, визжитъ или рычитъ, словно хочетъ ему сообщить что-то.

Человѣкъ этотъ—извѣстный теологъ, ораторъ, докторъ, химикъ, историкъ и лингвистъ; другіе считали его астрологомъ, алхимикомъ, магомъ и чародѣемъ, повелителемъ элементовъ и духовъ, равнымъ полубогамъ древности, подобнымъ Гермесу Трисмегисту по знаніямъ и могуществу. Это великій ученый Корнелій Агриппа, врачъ Луизы Савойской, матери Франциска I, лѣтописецъ Карла V, авторъ «Тайной Философіи», почти за четыре столѣтія ранѣе Месмера провозглашавшій скрытыя силы человѣка надъ человѣкомъ; многократный изгнанникъ и великій путешественникъ, едва не погибшій на кострѣ зато, что, будучи синдикомъ, въ Мецѣ, спасъ отъ пламени бѣдную дѣвушку, приговоренную къ сожженію за колдовство. Это Корнелій Агриппа, а рядомъ съ нимъ—«Monsieur», его

заколдованная собака-демонъ, описанная всѣми современниками его, признававшими исключительныя особенности ихъ обоихъ.

Самъ ли «Мосьё» былъ оборотень, домовой въ шкурѣ пса? или его «всезнайство» исходило изъ магическаго ошейника, скрытаго въ его длинной, шелковистой черной шерсти,—ошейника съ кабалистическими знаками на внутренней сторонѣ его?—въ этомъ хроники не согласуются но, какъ бы то ни было, «Мосьё» былъ совѣтникомъ, учителемъ и другомъ Корнелія Агриппы,—и оба это сознавали.

Вотъ и въ эту ночь, величайшую ночь христіанскаго міра, Агриппа вышелъ, не чая ничего необычнаго; но черный песъ его зналъ, что должно случиться «нѣчто» не совсѣмъ обыденное... Онъ отводилъ пронзительный взглядъ свой съ хозяина лишь затѣмъ, чтобы требовательно, нетерпѣливо устремлять его въ темную ночь; онъ многозначительно взвизгивалъ, словно предупреждая его о чьемъ-то появленіи.

Ученый наконецъ обратилъ на него вниманіе.

— Въ чемъ дѣло, дружище?—тихо спросилъ онъ: ты ждешь кого-то?.. Ты извѣщаешь меня о прибытіи гостя?... Что же? Надо ли намъ бояться того кто придетъ?

Онъ сосредоточенно смотрѣлъ въ глаза собаки, и та ему отвѣчала не менѣе глубокимъ взглядомъ...

— Нѣтъ?.. Вижу, что нѣтъ. Тѣмъ лучше... Я утомился въ житейской борьбѣ! Я усталъ скитаться и боюсь, что

время мое сочтено... Не великой перемѣны страшусь я,— нѣтъ! Предвѣчнаго закона нечего страшиться. Но я боюсь, что не успѣю выполнить своихъ задачъ: не успѣю передать грядущимъ поколѣніямъ ввѣренныхъ мнѣ знаній... Пойдемъ, товарищъ, работать! Ни дѣло, ни жизнь — не ждутъ!

И Агриппа вошелъ въ единственную комнату своего одинокаго жилища, вмѣстѣ и лабораторію, и кабинетъ для чтенія и пріемную немногихъ посѣтителей, являвшихся къ нему за совѣтомъ, за предсказаніемъ или за составленіемъ гороскопа. Тутъ было все: скелеты и реторты, фоліанты, глобусы и геометрическіе инструменты; на полкахъ и на столахъ были разставлены бокалы и фляжки съ таинственными амальгамами, съ цвѣтистыми элексирами, солями, кислотами, и рядомъ съ ними—куски разнородныхъ металловъ и банки съ различными сѣменами и всевозможными ингредіентами. Висячая лампа въ видѣ ладьи, освѣщала таинственнымъ, синеватымъ пламенемъ этотъ рабочій безпорядокъ, пучки травъ, чучела пресмыкающихся и птицъ, спускавшіяся съ потолка. А возлѣ огромнаго стола красноватые отблески углей, тлѣвшихъ въ жаровнѣ, бросали огненныя искры и багряный свѣтъ на всѣ ближайшіе предметы.

Ученый тотчасъ углубился въ свои мысли и сложную работу, позабывъ весь міръ; а Monsieur, не зная забвенія, усѣлся сторожемъ на порогѣ и зорко глядѣлъ въ темноту, поджидая неминуемаго гостя.

Незнакомецъ вошелъ въ районъ свѣта и, молча, сталъ на порогѣ.

И вотъ онъ появился у входа въ садъ; вотъ перешагнулъ въ ограду и прямо направляется въ открытыя двери жилища... Песъ слегка повернулъ голову къ хозяину и предупредилъ его тихимъ, ласковымъ рычаніемъ:

Но Корнелій Агриппа былъ слишкомъ углубленъ въ себя, чтобы видѣть что либо или слышать.

Незнакомецъ вошелъ въ районъ свѣта и, молча, сталъ на порогѣ...

Страненъ былъ его видъ!

Удивительныя противоположности, невиданныя въ людяхъ никогда; смѣсь отличительныхъ свойствъ, совсѣмъ между собою несходныхъ, поражала въ наружности этого поздняго посѣтителя. Начиная съ его возраста, — все было въ немъ неопредѣленно, противорѣчиво!... Онъ не былъ сѣдъ, едва нѣсколько бѣлыхъ нитей серебрило его черныя кудри, но ни бороды, ни усовъ у него не было. Не было также и глубокихъ морщинъ; глаза, порою, блистали, какъ у юноши; но, въ общемъ, въ выраженіи лица и всей его высокой, согбенной фигуры, сказывалось такое великое утомленіе, будто года лежали на немъ тяжелымъ бременемъ. Его древне-еврейская одежда поражала богатствомъ тканей и драгоцѣнностей и, вмѣстѣ, такою ветхостью, что, казалось, она сейчасъ распадется лохмотьями и прахомъ... Но нѣтъ! Какимъ то чудомъ его восточные шелки, расшитые золотыми буквами и кабалистическими эмблемами, его пурпуровая мантія, «эфодъ», накинутый на плечи, его когда-то богатыя, но выцвѣтшія

сандаліи,—держались, не распадаясь, на исхудаломъ, безкровномъ тѣлѣ, казалось, тоже готовомъ разложиться, еслибъ его сочлененій и мускуловъ не сдерживало нѣчто сильнѣйшее матеріальныхъ атомовъ и законовъ физическихъ.

Наконецъ глухой, сдержанный лай собаки, очень похожій по звуку на вопросъ: «ну! что-жъ ты?»—заставилъ Агриппу поднять голову и оглянуться... Въ ту же минуту, пораженный, онъ всталъ и пошелъ на встрѣчу пришельцу, не зная, чтó о немъ подумать. Онъ чувствовалъ нѣчто весьма близкое къ страху, будто видѣлъ предъ собой не живого человѣка, а мертвеца, съ глубоко запечатлѣвшимся выраженіемъ страданія и томительнаго горя на челѣ.

— Прости мнѣ, Агриппа, несвоевременное мое посѣщеніе. Великая твоя слава дошла и до слуха вѣчнаго странника... Желанія мои давно къ тебѣ стремились,—но выбора я не имѣю!—прознесъ посѣтитель голосомъ глухимъ и безстрастнымъ, по звуку котораго тоже ничего нельзя было опредѣлить.

— Сердечно привѣтствую приходъ твой, невѣдомый мнѣ странникъ, пришедшій ко мнѣ съ ласковымъ словомъ. Боюсь я только, что молва преувеличиваетъ мои заслуги, и что я не удовлетворю твоимъ ожиданіямъ, — отвѣтилъ ученый.

— Люди и молва во всѣ вѣки одинаковы: ихъ сфера—крайности. Ты сильно любимъ и прославляемъ, но также сильно унижаемъ и ненавидимъ... Ты—человѣкъ! и чело-

вѣческой участи,—не миновавшей самого Бога, сошедшаго на землю—не избѣгнешь.

— Я это знаю... Мнѣ доказали это долгіе годы борьбы съ невѣжествомъ, съ равнодушіемъ, съ враждою...

Странникъ улыбнулся: печальна и горька была его усмѣшка.

— Ты мнѣ не вѣришь?

— О, вѣрю! Твои скитанія изъ страны въ страну, несправедливость къ тебѣ временныхъ, коронованныхъ покровителей твоихъ — мнѣ вѣдомы. Но прости мою невольную улыбку: я столько, столько разъ слышалъ ребяческія жалобы на бремя лѣтъ такихъ, какъ ты, людей, едва достигшихъ полу-вѣка, что мнѣ, — познавшему, что тѣ лишь годы долги, которые еще не наступили, а пережитый вѣкъ иль мигъ — едино,—безъ удивленія слушать тебя трудно... Но я боюсь, что злоупотребляю... Прости меня за то, что я такъ много говорю о себѣ.

— Такъ много?.. Напротивъ, я желалъ бы слышать болѣе. Я бы просилъ тебя, невѣдомый странникъ,—еслибы смѣлъ нарушить долгъ гостепріимства, — сказать мнѣ, кто ты, такъ легко говорящій о годахъ и столѣтіяхъ?.. Я знаю преданіе объ единомъ, несчастномъ человѣческомъ созданіи, которое имѣло бы право говорить такъ, какъ ты. Но я считалъ его сказкой!

— Неужели ты, мудрецъ и ученый, не знаешь, что сказка — только забытая или переиначенная дѣйствительность?.. Что многое реальное на свѣтѣ часто гораздо изу-

мительнѣй волшебной сказки?.. Такъ слушай же, что я тебѣ повѣдаю, Агриппа. Я въ ранней юности, бывало, глядѣлъ на заходившее свѣтило дня, радостно помышляя, что черезъ нѣсколько часовъ оно вновь выплыветъ и засіяетъ вѣчнымъ блескомъ на тверди небесной, вновь и вновь освѣщая землю и ею любуясь. Я, въ безуміи своемъ, втайнѣ желалъ его безсмертія! я завидовалъ его долголѣтію... Но нынѣ я позналъ, что молодость часто стремится къ тому, отъ чего была бы рада избавиться старость... За тяжкій грѣхъ немилосердія дана мнѣ участь безсмертнаго солнца: изо дня въ день, безостановочно кружу я по землѣ не находя покоя, и лишь теперь позналъ, какъ счастливы тѣ смертные, которымъ позволено пройти краткій срокъ до желаннаго отдыха! Его у меня не будетъ!.. Я лишился его по своей винѣ, въ безуміи гордыни и жестокосердія!

И удивительный странникъ поникъ усталой головою на свои безкровныя руки.

Корнелій Агриппа смотрѣлъ на него со страхомъ, съ сожалѣніемъ, въ изумленномъ недоумѣніи не зная, что рѣшить: былъ ли то безумецъ, лишенный разсудка, или дѣйствительно онъ видѣлъ передъ собою воплощеніе той личности, которую донынѣ считалъ миѳомъ, плодомъ фантазіи и суевѣрія первыхъ христіанъ...

Пришлецъ прервалъ его размышленія.

— Позволь присѣсть мнѣ, сказалъ онъ: сегодня ночь

искупленія всѣхъ грѣшныхъ дѣяній, ночь всепрощенія! Сегодня я имѣю право отдохнуть.

Ученый поспѣшилъ усадить его и предложить ему вина, плодовъ и хлѣба, все еще думая, что передъ нимъ безумный; но странникъ отказался отъ пищи; онъ еле прикоснулся къ кубку изсохшими губами и, съ благодарностью, съ надеждой глядя на мудреца, заговорилъ, вновь оживившись:

— Не смѣю долго отнимать тебя отъ твоихъ занятій и самъ не могу долѣе терпѣть неизвѣстности. Скажи мнѣ, о премудрый Корнелій Агриппа, справедливо ли молва называетъ тебя обладателемъ волшебнаго «зеркала прошедшаго и будущаго»?.. Вѣрно ли то, что всякій, кто съ упованіемъ и вѣрой посмотритъ въ этотъ магическій дискъ,— увидитъ въ немъ отраженіе прошлой жизни и давно покинувшія землю лица, видѣть которыхъ жаждетъ душа его?

— Кого-жъ бы ты желалъ увидѣть? спросилъ Агриппа. Чѣмъ ближе были узы, соединявшія людей, тѣмъ возможнѣе вызывать ихъ отраженія въ моемъ магическомъ зеркалѣ.

— Ближе той, мірской, давно прошедшей жизни, о коей желалъ бы я узнать—у меня не было!.. Семьи я не зналъ, потомства не имѣлъ... Всѣ чувства души моей, весь пылъ моего молодого когда-то сердца я излилъ на дѣвушку, которая должна была стать моей, еслибъ не гибельный мой грѣхъ!.. Хочу, о! всѣми силами бытія хочу увидѣть Ревекку, дочь раввина Эбена Эзры!.. Хочу узнать,

что сталось съ ней? Какую долю она избрала себѣ послѣ моей невольной измѣны, послѣ исчезновенія моего изъ Іерусалима, изъ предѣловъ Палестины?.. Вѣка вѣковъ личныхъ мученій не такъ пугаютъ меня, какъ мысль, что она страдала тотъ краткій срокъ, который былъ сужденъ ей на землѣ.

Онъ вновь отчаянно закрылъ лицо руками и, съ тяжкимъ стономъ, продолжалъ:

— Подумай: какова мнѣ неизвѣстность, ты, счастливый смертный, не утратившій права ждать законнаго конца земныхъ страданій и тревогъ. Подумай: миріады живыхъ существъ уходятъ въ свое время. Милліоны милліоновъ боятся смерти, не хотятъ ея — а умираютъ, хоть переполнены желаніемъ жизни на землѣ. Я — ненавижу свою жизнь! Радостно бы принялъ я жесточайшія истязанія, зная, что за ними ждетъ меня могила, — но мнѣ нѣтъ смерти! Нѣтъ конца!.. Рѣки изсыхаютъ, скалы распадаются во прахъ, величайшіе памятники разрушаются,— всему приходитъ конецъ. Нѣтъ его только Агасферу, злосчастному сыну Маріамны!.. О! дай мнѣ, дай въ эту милосердную, всепрощающую ночь, утѣшеніе — еще единый разъ увидѣть мою Ревекку! узнать, что съ нею сталось! Если возможно, успокоиться въ томъ, что мой грѣхъ не палъ на ея голову!

Весь дрожа, Корнелій Агриппа отвѣтилъ ему:

— Да будетъ по твоему, мой странный посѣтитель. Кто ты? Откуда появился? Изъ геенны или изъ рая, изъ

видимыхъ или невидимыхъ областей мірозданія,—я сдѣлаю все, что могу, чтобъ удовлетворить тебя.

И мудрецъ тотчасъ же приступилъ къ заклинаніямъ.

Пѣвучимъ голосомъ шепча невѣдомыя слова, Агриппа снялъ покрывала, скрывавшія отъ глазъ «зеркало прошлыхъ и будущихъ вѣковъ»; окурилъ его одуряющею «манделлой»—сѣменами чернаго растенія гробницъ, собраннаго въ окрестностяхъ Кедрона, потомъ ароматическою «тассой», въ народѣ называемою «травой Св. Троицы»; когда разсѣялся ихъ дымъ, онъ отполировалъ блестящую, металлическую поверхность этого вогнутаго зеркала мягкими тканями и мѣхами. Потомъ, все продолжая свои канты, поставилъ его на мѣсто, а между нимъ и своимъ посѣтителемъ, безмолвно ждавшимъ окончанія его приготовленій, помѣстилъ треножникъ съ пылающими углями.

— Теперь ты самъ долженъ помогать мнѣ, обратился къ нему заклинатель. Сейчасъ я посыплю на огонь нѣчто, что подымется бѣлою прозрачною завѣсой между нами и «зеркаломъ вѣковъ». На этой завѣсѣ отразится, что ты желаешь видѣть, — какъ наши тѣни отражаются, въ солнечный день, на стѣнахъ; но только эти тѣни не будутъ лишены ни жизненной окраски, ни самобытнаго движенія...

— Такъ я не въ зеркалѣ ее увижу, а здѣсь, передъ собой? вопросилъ тотъ.

— Да. Сіяніе зеркала такъ велико, что ты былъ бы ослѣпленъ и ничего въ немъ не увидѣлъ бы, если бы не

эта туманная завѣса. Но помни, странникъ: что бы ты ни видѣлъ—ты долженъ хранить молчаніе. Одно твое слово— и все исчезнетъ!.. Теперь считай «десятки лѣтъ», истекшіе со времени событія, которое ты желаешь видѣть... Не ошибись въ счетѣ: отъ этого зависитъ хронологическая вѣрность картинъ. Ты можешь прослѣдить всю жизнь человѣка, который тебя интересуетъ... Считай же годы десятками,—какъ только свѣтъ, подобный солнечному, изойдетъ изъ зеркала, и подымется предъ нами занавѣсъ, — я же буду отсчитывать твои десятки вотъ этимъ маленькимъ жезломъ.

И Корнелій посыпалъ угли какимъ-то порошкомъ, а самъ началъ чертить по воздуху кабалистическіе знаки своимъ магическимъ жезломъ.

Почти тотчасъ же, исходя изъ жаровни, стало развертываться нѣчто въ родѣ бѣлой пелены, доходя почти до потолка и закрывъ всю внутреннюю часть комнаты. Въ то же время зеркало за этой занавѣсью разгоралось такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, будто дѣйствительно обращалось въ солнце. Лучи его, окрашиваясь, принимая цвѣты и формы существующихъ въ природѣ предметовъ и созданій, ударяли въ завѣсу,—и вотъ уже начали образовываться на ней картины, лица, пейзажи.

— Пора! промолвилъ торжественно магъ. И, вставъ, поднялъ руки къ небу, потомъ быстро опустилъ ихъ къ землѣ... Цѣлые снопы искръ, бѣлыхъ, какъ алмазы, посыпались сверху, а снизу брызнулъ фейерверкъ цвѣ-

тистыхъ лучей, и весь этотъ ослѣпительно яркій свѣтъ сосредоточился въ зеркалѣ, будто оно его поглотило.

— Считай десятки лѣтъ! приказалъ Агриппа.

И ставъ рядомъ съ нимъ, при каждой цифрѣ, произносимой Агасферомъ, онъ повелительно махалъ жезломъ.

Ровно 151 разъ жезлъ поднялся и опустился и, съ каждымъ новымъ взмахомъ ужасъ яснѣе выражался на лицѣ Агриппы... Наконецъ, усталый, пораженный, онъ остановился, глядя на своего дивнаго посѣтителя...

«Такъ это правда?.. Это онъ, точно онъ, — вѣчный странникъ, осужденный на безсмертіе Агасферъ»...

Да, иначе быть не могло... Та красавица, которую онъ такъ страстно желалъ увидѣть, уже нѣсколько секундъ была передъ ними; съ каждымъ взмахомъ волшебнаго жезла выростая изъ ребенка, дѣлаясь прелестною дѣвушкой, она теперь достигла полнаго расцвѣта юности и стояла предъ своимъ 1500-лѣтнимъ женихомъ въ той именно средѣ и обстановкѣ, окруженная именно тѣми лицами, которыя были при ней въ далекій день, о коемъ мыслилъ онъ.

Туманная пелена расцвѣтилась и ожила точнымъ изображеніемъ древне-еврейскаго празднества. На первомъ планѣ зеленѣла роскошная долина, орошенная потокомъ. Источникъ, весь въ пѣнѣ, вырывался изъ группы скалъ и стремился внизъ по цвѣтущему склону, осѣненному тамъ и сямъ группами пальмъ, рощами оливковыхъ и гранатовыхъ кустовъ. Кое-гдѣ въ густой травѣ отдыхали домашнія

животныя; бродила ручная газель, весело приближаясь на зовъ своей балованной молоденькой хозяйки, единственной дочери раввина Эзры, извѣстнаго своимъ богатствомъ. Ревекка полулежала въ тѣни развѣсистаго кедра, любуясь играми юношей, дѣвушекъ и дѣтей, веселившихся ради перваго дня опрѣсноковъ... То было ровно за годъ до рокового событія.

Въ нѣмомъ восторгѣ взиралъ Агасферъ на эту картину своей счастливой юности; и по мѣрѣ того, какъ мысль его шла впередъ, вызывая другія воспоминанія, — иныя, ближайшія по времени, сцены появлялись на волшебной ткани, растянутой предъ нимъ. Мѣнялись окружавшія ее декораціи и лица, но сама дѣвушка оставалась все та же, мѣняясь лишь въ возрастѣ и одеждахъ...

Вотъ стерлись съ перваго плана высокія горы, исчезли и живописныя кущи сада на берегахъ Кедрона. Виднѣвшіяся вдали зданія большого города приблизились, и предъ зрителями прошли не только улицы, зданія, площади Іерусалима, но и вся міровая драма, разыгравшаяся 1500 лѣтъ назадъ въ Преторіи, въ Синедріонѣ и, наконецъ, на Голгоѳѣ,—но лишь настолько, насколько участвовала въ ней или видѣла ее та, на которой сосредоточивались помыслы еврея...

Вспоминать онъ могъ только до роковой для него минуты, когда Христосъ остановился у его порога; когда его жестокое слово, въ порывѣ гордыни, обращенное на Спасителя міра, рушилось на его собственную голову;

когда, въ отвѣтъ на оскорбленіе, онъ увидѣлъ безмолвный упрекъ, безмолвное горе о немъ самомъ въ кроткомъ взглядѣ Іисуса, омраченномъ кровью, струившеюся изъ-подъ терноваго вѣнца; когда онъ понялъ всю глубину, весь ужасъ своего непоправимаго преступленія, и—побѣжалъ!.. Побѣжалъ, не оглядываясь на домъ свой, на стѣны родного города, на родныя горы и долы; и долго, долго бѣжалъ съ ужасомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ, гонимый призраками ада, пока не свалился безъ силъ, безъ памяти... Но не для отдыха, не для успокоенія: ихъ для него въ природѣ уже не было! Едва опомнившись, онъ вскочилъ снова, чувствуя не землю, а лютый огонь подъ ногами, и снова побѣжалъ. И такъ опять, и опять, и всегда, — нынѣ и до вѣка, и во вѣки вѣковъ, безъ отдыха, безъ срока!

Съ того дня протекли столѣтія, и столѣтія онъ носилъ въ истерзанной душѣ своей тотъ образъ, который явился нынѣ передъ нимъ. Онъ вызванъ не языческимъ кудесникомъ, не губительными силами черной магіи, — нѣтъ! Онъ вызванъ, по мольбѣ его, христіаниномъ, мудрецомъ, глубоко вѣрующимъ въ Того, Кого онъ, всѣми отверженный нынѣ, отвергъ тогда; надъ Чьимъ страданіемъ насмѣялся, не чая, что не во гнѣвѣ Агнца, подъявшаго грѣхи человѣчества, а въ Его всепрощающемъ взглядѣ найдетъ свою казнь.

Нынѣ онъ чаялъ Его милости. Одного изъ Его слугъ, коими переполнился міръ, онъ пришелъ умолять снять съ измученной души его гнетъ сомнѣнія: дать узрѣть ему,

что сталось съ его, противъ воли брошенной имъ, невѣстой?.. Какъ окончила она свою печальную жизнь?..

Желаніе его было исполнено.

Вотъ передъ нимъ три креста на Голгоѳѣ, которыхъ онъ тогда не видѣлъ; вотъ святыя женщины, три Маріи, возвращаются домой въ великой скорби своей, не замѣчая ничего и никого, не замѣчая разрушеній землетрясенія, сопровождавшаго смерть Распятаго, не замѣчая за ними слѣдовавшихъ любопытныхъ, доброжелателей и враговъ. Вѣчный странникъ жадно слѣдилъ за ними и съ изумленіемъ видѣлъ, что въ тотъ вечеръ опечаленныхъ друзей шло за святыми женщинами болѣе, нежели злорадствовало на пути ихъ враговъ. Онъ искалъ во множествѣ народа Ревекку, но не находилъ ее...

Но вотъ Пресвятая Матерь Іисуса, опираясь на руку Іоанна, названнаго сына Своего, приблизилась къ Своему бѣдному жилищу. Многіе явные и тайные приверженцы Ея Сына встрѣтили Ее, выбѣгая къ Ней, не скрывая рыданій или робко выглядывая изъ-за угловъ, пряча слезы свои «страха ради Іудеевъ»...

Между первыми, явно сочувствовавшими Ея великому горю, выдѣлилась стройная женская фигура, поджидавшая Богоматерь у порога Ея дома. Когда Она была уже близко, дѣвушка страстнымъ движеніемъ открыла лицо свое, орошенное слезами, и повалилась на землю, обнимая ноги Богородицы, какъ бы моля Ея прощенія и помощи, а Она, воззрѣвъ къ небу, опустила руки ей на голову...

Пораженный Агасферъ поблѣднѣлъ еще сильнѣе. Такъ вотъ что было потомъ!.. Ну,—а далѣе?.. Что же далѣе?!..

И, послушное его желаніямъ, зеркало отразило другую картину.

Не бѣдные кварталы Іерусалима, а величественныя зданія другого, роскошнаго, мірового, вѣчнаго города появились на туманномъ занавѣсѣ. Онъ тотчасъ узналъ Римъ и, въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, показавшихся ему безконечно долгими, прослѣдилъ кровавую трагедію, свершившуюся почти пятнадцать вѣковъ назадъ надъ дочерью Эбена Эзры и многими ея товарищами по вѣрѣ. Онъ отыскалъ ее сначала въ тѣхъ темныхъ подземельяхъ, гдѣ ютились гонимые язычниками,—повидимому, презрѣнные и несчастные, но, въ сущности, великіе и блаженные—послѣдователи ученія Христова. Онъ прослѣдилъ всѣ страшныя перипетіи ея заключенія въ темницѣ; потомъ ея шествіе въ Колизей, въ средѣ многихъ другихъ жертвъ, обреченныхъ на гибель въ потѣху кровожадной толпы. Въ ту минуту, полную смертельнаго ужаса, когда выпущенные на арену дикіе звѣри прянули на толпу мучениковъ-христіанъ, когда разъяренная голодомъ тигрица бросила на землю его Ревекку,—несчастный, забывъ, что передъ нимъ не самое событіе, а его тѣнь, съ громкимъ крикомъ бросился къ страшному видѣнію...

Въ мигъ все померкло,—все исчезло!

Со стономъ, шатаясь и дрожа, вѣчный странникъ на секунду безпомощно опустилъ голову и руки, въ то время,

какъ Корнелій Агриппа, потрясенный до глубины души вызванной имъ изъ мрака древности драмой, спѣшилъ закрыть свое волшебное зеркало и широко растворить временно запертую имъ дверь въ садъ.

Дымъ и чадъ, вызванные волхвованіями, разсѣялись. Свѣжесть и благоуханіе весенней ночи снова проникли въ покой; снова въ него ворвались тихій лепетъ листвы, успокоительный, мѣрный шумъ морскихъ волнъ, разбивавшихся о берегъ; снова унали въ него съ небесныхъ высотъ лучи игравшихъ на нихъ звѣздъ.

Агасферъ поднялъ голову. По застывшему лицу его струились слезы.

— Благодарю тебя, великій христіанскій мудрецъ! сказалъ онъ: ты облегчилъ мое великое горе, снявъ съ моей души гнетъ неизвѣстности и давъ мнѣ нѣсколько блаженныхъ мгновеній свиданья... Благодарю тебя!.. Чѣмъ вознаградить мнѣ тебя?.. Не примешь ли ты отъ меня эти нѣсколько ненужныхъ мнѣ драгоцѣнностей, поднятыхъ мной по пути моихъ безконечныхъ странствій?

Говоря это, посѣтитель Агриппы протянулъ ему кошелекъ, въ которомъ блистали дорогіе каменья.

Но ученый отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, бѣдный другъ мой, мнѣ не нужны сокровища земныя! сказалъ онъ. Одинъ твой взоръ на эти небеса съ мольбою о прощеніи къ Тому, въ Комъ были тобой оскорблены страданія всего человѣчества,—для меня лучшее и самое желанное вознагражденіе.

— Аминь! еле слышно прошепталъ Агасферъ. Прощай!.. Да воздастъ тебѣ Богъ Саваоѳъ за добро и привѣтъ, оказанные безпріютному осужденному.

И, медленно повернувшись и поникнувъ головой, вѣчный странникъ вышелъ и скрылся во мглѣ торжественной пасхальной ночи милосердія и всепрощенія.

ИЗЪ СТРАНЪ ПОЛЯРНЫХЪ

СВЯТОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

ИЗЪ СТРАНЪ ПОЛЯРНЫХЪ.

(Святочное происшествіе).

Ровно годъ тому назадъ довольно большое общество собралось провести зимніе праздники въ деревенскомъ домѣ, вѣрнѣе—въ старомъ зàмкѣ богатаго землевладѣльца въ Финляндіи. Этотъ домъ или зàмокъ былъ рѣдкимъ остаткомъ капитальныхъ, старинныхъ построекъ нашихъ прадѣдовъ, заботившихся о благосостояніи своихъ потомковъ болѣе, чѣмъ мы, грѣшные; да, по-истинѣ сказать, имѣвшихъ на то болѣе достатковъ и болѣе времени, чѣмъ наше разоренное, вѣчно спѣшащее поколѣніе...

Въ зàмкѣ было много остатковъ древней роскоши и праотцовскаго гостепріимства. Мало этого, были замашки средневѣковыхъ обычаевъ, основанныхъ на традиціяхъ, на суевѣріяхъ народныхъ, на половину финскихъ, на половину русскихъ, занесенныхъ русскими хозяйками, ихъ родствомъ, ихъ многочисленнымъ знакомствомъ съ береговъ Невы. Готовились и елки, и гаданья, и тройки, и

танцы,—всякіе общеевропейскія и мѣстныя и даже чисто-всероссійскія вспомогательныя средства для увеселенія празднаго, избалованнаго общества, которое предпочло, на этотъ разъ, «лѣсную, занесенную снѣгами, трущобу», — какъ называлъ свои владѣнья хозяинъ дома, праздничнымъ городскимъ увеселеніямъ. Въ старомъ домѣ имѣлись и почернѣвшіе отъ времени портреты «рыцарей и дамъ»—именитыхъ предковъ, и необитаемыя вышки съ готическими окнами, и таинственныя аллеи, и темные подвалы, которые легко было переименовать въ «подземные ходы», въ «мрачныя темницы» и населить ихъ привидѣніями, тѣнями отшедшихъ героевъ мѣстныхъ легендъ. Вообще, старый домъ представлялъ многое множество удобствъ для романическихъ ужасовъ; но въ этотъ разъ всѣмъ этимъ прелестямъ суждено было пропасть втунѣ, не сослуживъ службы читателямъ; онѣ въ настоящемъ разсказѣ не играютъ прямой роли, какъ могли бы играть въ святочномъ происшествіи.

Главный герой его, съ виду весьма обыденный, прозаическій человѣкъ... Назовемъ его... ну, хоть—Эрклеръ. Да! Докторъ Эрклеръ, профессоръ медицины, полу-нѣмецъ по отцу, совсѣмъ русскій по матери и воспитанію; по наружности тяжеловатый, обыкновенный смертный, съ которымъ, однако, случались необыкновенныя вещи.

Одну изъ нихъ, по увѣренію его, самую необычайную, онъ разсказалъ небольшому кружку слушателей, окружавшихъ его въ боковой комнатѣ, въ то время, какъ въ боль-

шихъ залахъ и гостиныхъ шумное общество, возвратившись съ катанія, собралось чуть ли не танцовать.

Докторъ Эрклеръ, оказалось, былъ великій путешественникъ, по собственному желанію сопутствовавшій одному изъ величайшихъ современныхъ изыскателей въ его странствованіяхъ и плаваніяхъ. Не разъ погибалъ съ нимъ вмѣстѣ: отъ солнца—подъ тропиками, отъ мороза—на полюсахъ, отъ голода—всюду! Но, тѣмъ не менѣе, съ восторгомъ вспоминалъ о своихъ зимовкахъ въ Гренландіи и Новой Землѣ или объ австралійскихъ пустыняхъ, гдѣ онъ завтракалъ супомъ изъ кенгуру, а обѣдалъ зажаренымъ филе двуутробокъ или жирафовъ; а нѣсколько далѣе чуть не погибъ отъ жажды, во время сорокачасового перехода безводной степи, подъ 60 градусами солнцепёка.

— Да,—говорилъ онъ,—со мною всяко бывало!.. Вотъ только по части того, что принято называть сверхъестественнымъ,—никогда не случалось!.. Если, впрочемъ не считать таковымъ необычайной встрѣчи, о которой сейчасъ разскажу вамъ, и... дѣйствительно, нѣсколько странныхъ, даже, могу сказать,—необъяснимыхъ ея послѣдствій...

Разумѣется, поднялся хоръ требованій, чтобъ Эрклеръ разсказывалъ скорѣе...

— Въ 1878 году пришлось намъ перезимовать на сѣверо-западномъ берегу Шпицбергена,—сталъ онъ разсказывать.—Пытались мы переплыть оттуда къ полюсу лѣтомъ; да не удалось—льды не пустили! Тогда рѣшили попробовать добраться помощью салазокъ и лодокъ для пе-

реплыванія трещинъ, но и это не удалось! Захватила насъ темь,—безпробудная полярная ночь; льды приковали пароходы наши въ заливѣ Муссель и остались мы отрѣзанными на восемь мѣсяцевъ отъ всего живого міра... Признаюсь, жутко было первое время! Особливо, когда, на первыхъ же порахъ, поднялись бури и снѣжные вихри, а въ одну ночь ураганъ разметалъ множество матеріаловъ, привезенныхъ нами для построекъ, и разогналъ, на погибель, сорокъ штукъ оленей нашего стада.

Всѣ, кромѣ главнаго вожака нашей экспедиціи, всегда готоваго къ лютой гибели на пользу науки, очевидно приуныли... Голодная смерть хоть кого обезкуражитъ, а вѣдь, олени, привезенные нами, были нашимъ главнымъ plat de résistance противъ полярныхъ холодовъ, требующихъ усиленнаго согрѣванія организма питательной пищей. Ну, потомъ полегчало... Свыклись! Да и привыкать стали къ еще болѣе питательной, мѣстной пищѣ: моржовому мясу и жиру. Выстроила наша команда изъ привезеннаго нами лѣса домикъ, на двѣ половины, для насъ, т. е. для троихъ нашихъ профессоровъ и для меня, и себѣ самимъ; деревянные навѣсы для метеорологическихъ, астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій и сарай для уцѣлѣвшихъ оленей. И потекли наши однообразныя, безпросвѣтныя сутки, почти не отдѣляемыя на дню сѣренькими сумерками... Тоска бывала, порою, страшная!.. Такъ какъ изъ нашихъ трехъ пароходовъ двумъ предположено было вернуться въ сентябрѣ и только прежде времени возставшія ледяныя стѣны заставили остаться весь

экипажъ, то все же надо было соблюдать изнурительную экономію въ пищѣ, въ топливѣ, въ освѣщеніи... Лампы зажигались только для ученыхъ занятій; остальное время мы всѣ пробавлялись Божьимъ освѣщеніемъ: луною да сѣверными сіяніями... И что это были за чудныя, несравнимыя ни съ какими земными огнями, величественныя сіянія!.. Кольца, стрѣлы, цѣлые пожары правильно распредѣленныхъ лучей всѣхъ цвѣтовъ. Особенно великолѣпны были также лунныя ночи, въ ноябрѣ. Игра свѣта мѣсяца на снѣгу и ледяныхъ скалахъ—поразительна!.. Такія бывали волшебныя ночи, что глазамъ не вѣрилось и жаль бывало порой, что нельзя перенесть этихъ небесныхъ фейерверковъ въ страны населенныя, гдѣ было бы кому ими любоваться.

Вотъ, разъ, въ такую-то цвѣтную ночь,—а можетъ и день,—вѣдь, съ конца ноября до половины марта разсвѣтовъ у насъ не было совсѣмъ, мы и не различали, что день, что ночь... Ну, вотъ, разъ смотримъ мы, кто наблюденія дѣлаетъ, кто просто любуется дивнымъ зрѣлищемъ, вдругъ въ переливахъ яркихъ лучей, заливавшихъ алымъ свѣтомъ снѣговыя пустыни вырисовывается какое-то темное, двигавшееся пятно... Оно росло и, будто, распадалось на части по мѣрѣ приближенія къ намъ. Что за диво!.. Будто стадо звѣрей или куча какихъ-то живыхъ созданій брела по снѣжной полянѣ... Но звѣри здѣсь, какъ и все—бѣлыя... Кто же это?.. Люди?!..

Мы не вѣрили глазамъ!.. Да, кучка людей направля-

лась къ нашему жилищу. Оказалось — болѣе полу-сотни охотниковъ за моржами, подъ предводительствомъ Матиласа, хорошо извѣстнаго въ Норвегіи ветерана-мореходца. Захватило ихъ льдомъ, какъ и насъ...

— Какъ вы узнали, что мы здѣсь?—изумились мы.

— Насъ провелъ старикъ Іоганнъ, вотъ этотъ самый:— указали намъ моржеловы на почтеннаго, бѣловолосаго старца.

Ему бы, по правдѣ, на печкѣ слѣдовало сидѣть, да развѣ лапти плесть, а никакъ не въ полярныя моря на промыселъ ходить... Мы такъ и сказали, дивясь, къ тому же, откуда узналъ онъ о нашемъ присутствіи и нашей зимовкѣ въ этомъ царствѣ бѣлыхъ медвѣдей?.. На это Матиласъ и спутники его улыбнулись и убѣжденно заявили, что «Іоганнъ все знаетъ»; что, видно, мы мало въ сѣверныхъ окраинахъ бывали, когда не слышали о старомъ Іоганнѣ, и дивимся еще чему нибудь, когда старожилы на него указываютъ...

— Сорокъ пять лѣтъ промышляю я въ Ледовитомъ океанѣ и сколько помню себя, столько знаю и его — и всегда такимъ же бѣлобородымъ!—объявилъ намъ вожакъ моржеловов. Когда я съ отцомъ, мальчишкой еще въ море хаживалъ, прибавилъ онъ,—батька мнѣ тоже о Іоганнѣ сказывалъ. И про своего отца и дѣда говаривалъ, что всегда и съ молоду другимъ его не знавали, какъ такимъ же бѣлымъ, какъ родные наши льды... Съ дѣдами нашими бывалъ онъ на промыслахъ всезнайкой,—такимъ же и донынѣ всѣ промышленники его знаютъ.

— Такъ что же ему, двѣсти лѣтъ, что ли? — засмѣялись мы. И приступили нѣкоторые наши молодцы изъ команды къ нему съ разспросами: дѣдушка: сколько тебѣ годковъ будетъ?

— А и самъ-де, не знаю, молодчики. Живу, говоритъ, пока Богъ жить велитъ. Годовъ не считаю.

— А откуда-жъ ты узналъ, что у насъ здѣсь зимовка?

— Богъ указалъ, говоритъ. Самъ не знаю, откуда узналъ я, а зналъ вѣрно... Вотъ и привелъ. На людяхъ легче имъ будетъ.

Имъ-то легче, но нашъ набольшій крѣпко затруднился гостями. Къ веснѣ, того гляди, и нашимъ людямъ придется норвежскимъ мохомъ питаться, для оленей припасеннымъ; гдѣ-жъ тутъ еще столько ртовъ принимать?.. Однако, старый Іоганнъ, не дожидаясь, чтобы мы свои опасенія высказали, попросилъ только о пріютѣ въ сараѣ на нѣсколько дней...

— Вотъ, какъ деньковъ черезъ десять настанетъ перемѣна вѣтра, льдины то разступятся. Наши суденышки не то, что ваши махины: найдутъ себѣ щелки для выхода. Къ Христову дню — будутъ иные у своихъ очаговъ, на родимыхъ берегахъ, въ Гамерфестѣ.

— Какъ такъ, — иные? — переспросили его.

— Да тѣ, коимъ Богъ присудитъ.

— А другіе-то что же?.. Съ ними что-жъ станется?

— А со всѣми будетъ воля Божья! — просто отвѣчалъ Іоганнъ. А старикъ Матиласъ почесалъ голову и вздох-

нулъ при этомъ: — «Видно, не всѣмъ намъ родимый порогъ суждено переступить»!

Заинтесеровали меня очень, признаюсь, эти два вожака отважныхъ промышленниковъ. Да и не меня одного; особенно, Іоганнъ этотъ. И, какъ увидите, не даромъ. Чудный старикъ оказался! По-истинѣ все зналъ! И многое такое, чего наши ученые профессора не знали, т. е. въ чемъ не совсѣмъ увѣрены были. Они на разсказы Іоганна только рты разѣвали... Каждый день послѣ работъ призывали мы его на свою половину и начинались разспросы и диванія. Всего, что странный человѣкъ этотъ намъ разсказывалъ, не передать и въ три дня. Довольно того, что всѣ его разсказы касались далекихъ, миѳическихъ временъ; до-потопныхъ, до-историческихъ переворотовъ на земномъ шарѣ; давно отжившихъ расъ, фаунъ и флоръ и не только въ его сѣверныхъ, и въ тропическихъ странахъ.

Нашъ почтенный профессоръ В.*, зоологъ, ботаникъ и антикварій, то и дѣло подпрыгивалъ отъ изумленія, опредѣляя научныя теоріи и гипотезы, которыя узнавалъ въ разсказахъ этого удивительнаго старца... Онъ говорилъ о погибшихъ материкахъ, о катаклизмахъ, измѣнившихъ лицо земного шара, породы животныхъ и людскія расы — такъ опредѣленно, съ такою увѣренностью, какъ будто самъ былъ очевидцемъ этихъ переворотовъ многихъ и многихъ тысячелѣтій. На разспросы наши: какъ, откуда онъ все это знаетъ? Іоганнъ всегда пожималъ плечами и, кротко

Онъ подошелъ безъ зову, какъ власть имѣющій, и началъ дѣлать пассы надъ больнымъ.

улыбаясь, отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ!..» Богъ-де, повѣдалъ!.. Знаю,—видалъ!».

Разъ только онъ мнѣ одному сказалъ удивительныя слова:

— «Вижу я все, что знаю. Вижу — не окомъ, а духомъ!.. Есть у меня высочайшая, семиоконная, духовная башня... Въ нее, за облака, подъ девяностоседьмыя небеса возношусь я и оттуда созерцаю премудрость Божью»!..

Мало того, что старый Іоганнъ дивилъ насъ своими разсказами, онъ еще болѣе насъ поразилъ своими свѣдѣніями о недугахъ человѣческихъ, о тайныхъ силахъ магнетизма, ясновидѣнія и тому подобныхъ,—сорокъ лѣтъ тому назадъ почти невѣдомыхъ наукѣ,—свойствахъ духа человѣческаго. Дня за три до его ухода отъ насъ, нашъ товарищъ химикъ К** сильно заболѣлъ удушьемъ. Онъ прежде страдалъ астмой, но припадки нѣсколько лѣтъ не возобновлялись и онъ считалъ себя излѣченымъ. Но этотъ приступъ былъ такъ силенъ, что я считалъ его погибшимъ, когда въ комнату неожиданно вошелъ Іоганнъ.

Онъ подошелъ безъ зову, какъ власть имѣющій, и къ величайшему удивленію нашему, началъ дѣлать пассы надъ больнымъ, сосредоточенно устремивъ взглядъ на лицо его. Мы невольно отошли, наблюдая... Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ К.** сталъ свободнѣе дышать, пересталъ метаться и скоро окончательно успокоился, глубоко заснувъ подъ магнетическими пассами старика!

На другой и на третій день Іоганнъ его магнетизировалъ снова и сказалъ, что онъ будетъ здоровъ...

— «На долго ли это»?—спросилъ тотъ.

— «Думаю, что навсегда... По крайней мѣрѣ, обѣщаю, что припадки не возобновятся при моей жизни!»—было отвѣтомъ.

Всѣ мы переглянулись... Профессоръ химіи былъ человѣкъ подъ сорокъ всего, а моржеловъ годился ему въ дѣды. Онъ будто угадалъ наши мысли.

— «Дня же своего и часа не вѣдаетъ никто! Въ немъ воленъ Богъ!—сказалъ онъ.—Но... я имѣю право разсчитывать еще на довольно продолжительную жизнь».

— «Неужели?!—изумились мы.—Но почему же»?

— «Мнѣ такъ сказано... Я еще не окончилъ своего дѣла».

— «Тебѣ это сказано—тамъ?—началъ было необдуманно я, но не успѣлъ договорить, какъ собирался: «въ твоей семи-оконной духовной башнѣ»,—я не успѣлъ выдать этихъ словъ его, мнѣ одному довѣренныхъ, и самъ донынѣ не знаю почему?.. Что-то сжало мнѣ горло и языкъ не повернулся, словно какая-то сила окаменила его...

Въ ту же секунду старикъ взглянулъ на меня укоризненно и вышелъ.

Я догналъ его на порогѣ нашего жилища, чувствуя, что обязанъ просить у него прощенія. Ночь была дивная!.. Въ фосфорическихъ переливахъ небесныхъ сіяній льды горѣли брильянтовыми искрами и сіяли самоцвѣтными радугами.

— «Ты дѣдушка, прости меня»,—началъ было я, но онъ перервалъ меня.

— «Богъ проститъ»,—говоритъ.—Не ты, а я виноватъ, что неосмотрительно разбалтываю то, о чемъ говорить не приходится. Да ничего! Говори себѣ, разсказывай о моей башнѣ кому хочешь,—неожиданно прибавилъ онъ, словно угадавъ мое намѣреніе спросить его,—только не теперь! Не при мнѣ, чтобы не узнали люди ваши и всѣ... Тогда, вѣдь покою не дадутъ мнѣ»!

— «Не буду! Не буду!—поспѣшилъ я его успокоить.— Только скажи ты мнѣ, любезный другъ, кто тебя научилъ пользоватся той силой, которой ты вылѣчилъ нашего товарища»?

Іоганнъ посмотрѣлъ на меня долгимъ, задумчивымъ взглядомъ и сначала было отвѣчалъ своимъ всегдашнимъ отвѣтомъ:

— «Богъ, де, выучилъ»...

Однако, на усиленныя просьбы мои разсказать, какъ онъ открылъ свои магнетическія способности; онъ объяснилъ, что никто ему на нихъ не указывалъ, а призналъ онъ ихъ самъ въ себѣ исподволь, понемногу.

— «Зачѣмъ же и хожу я на промыслы со своими?— предложилъ онъ мнѣ вопросъ.—Неужели, думаешь ты, за наживой?.. Нѣтъ, милый человѣкъ,—барышей ихъ мнѣ не нужно! Да я и правъ на нихъ не имѣю, не помогая имъ въ ихъ трудныхъ заработкахъ... Опасностей промысла я не боюсь»,—опять угадалъ онъ мою мысль,—«нѣтъ! не

опасности, а грѣха! Никогда не обагрялъ я рукъ въ чьей-либо крови. Никогда не касались уста мои животной пищи. Мнѣ незачѣмъ лишать жизни тварей Божьихъ. Я скорблю и за другихъ-то, что лютая нужда заставляетъ людей промышлять кровью,—лишать жизни твореній Господнихъ... Хожу я на промыслы и буду ходить, пока въ силахъ, для того, чтобы помогать и врачевать. Много разъ приходилось мнѣ пользоваться Богомъ данными мнѣ способностями: облегчать недуги товарищей, выводить ихъ изъ опасности... Вотъ, какъ теперь, вывелъ я изъ подъ мятелицы и довелъ до вашего жилья всю партію. А то, вѣдь, ужъ у насъ нечѣмъ было огоньку развести, да и перекусить имъ, бѣднягамъ, почти что ничего не оставалось... Васъ мы не объѣли: еще наши же люди вамъ промыслили запасовъ, а сами все же отъ вихрей да стужи укрылись».

А моржеловы точно за эти дни набили намъ и моржей, и медвѣдей, и рыбы наловили большой запасъ.

— «Вотъ черезъ три дня уйдемъ къ Сѣрому Мысу,—закончилъ старикъ свою рѣчь.—Надо попытаться доставить мою партію по домамъ... тѣхъ, кому суждено уцѣлѣть»!..

— «А не всѣмъ суждено это»?—спросилъ я.

— «Не всѣмъ»!—покачалъ головой Іоганнъ. «Я боюсь, что вернется наша ватага безъ головы»...

— «Какъ?.. Матиласъ?—спросилъ я, изумившись. И это ты знаешь, старина?».

— «Эхъ, говоритъ, баринъ! Мало, что я знаю! Больше на горе свое, чѣмъ на радость... Рѣдко, говоритъ, кому

мнѣ приходилось говорить о знаніяхъ своихъ, какъ тебѣ. А тебѣ и такимъ какъ ты—говорить мнѣ приказано... Такіе, какъ я, больше должны молчать; но иногда тѣмъ, кто уши и глаза не закрываютъ отъ премудрости Создателя всѣхъ силъ, мы должны открываться... Пусть истина пробивается въ міръ хоть рѣдкими, окольными путями, пока не наступитъ ей время прорваться съ большей, неодолимой силой и ярче озарить свѣтъ, чѣмъ наши полярныя ночи освѣщаютъ эти Божьи, чудные огни!—указалъ онъ на сѣверное сіяніе».

А я признаюсь, смотрѣлъ на него въ изумленіи и не совсѣмъ довѣряя. Я нарочно переспросилъ: «такіе-де, какъ ты»!..

— «Но развѣ-жъ ты, старина, точно какой-нибудь особенный человѣкъ?».

— «Да, говоритъ. По нонѣшнимъ временамъ я—особенный! Такихъ, какъ мы, теперь мало... Въ будущемъ земномъ кругѣ насъ опять станетъ больше, а нынѣ осталось очень мало...

— «Но кто же ты такой?—не выдержалъ я.—Колдунъ, что ли?».

Старикъ усмѣхнулся.

— «Колдунъ, безсмысленное слово!—сказалъ онъ. По крайней мѣрѣ то, что люди понимаютъ подъ этимъ названіемъ ничего не объясняетъ, а напротивъ, затемняетъ людскія понятія... Я одинъ изъ не утратившихъ третьяго ока!.. Ока духовнаго, которымъ щедрѣе были одарены

пра-праотцы наши; которое съ теченіемъ вѣковъ, разовьется снова въ далекихъ пра-правнукахъ нашихъ, когда люди перестанутъ бороться съ истиной, съ Силой силъ! И чѣмъ скорѣе сдадутся люди плоти, люди грѣха, на убѣжденія всесильной истины; чѣмъ скорѣе восторжествуетъ воля немногихъ людей духа надъ упорствомъ людей плоти,—тѣмъ скорѣе человѣчество пойметъ свои ошибки! Тѣмъ полнѣе восторжествуетъ свѣтъ истины надъ одолѣвшими его нынѣ грубыми силами праха и тлѣна!».

— Вотъ смыслъ удивительныхъ рѣчей старика норвежца, сказанныхъ имъ мнѣ въ ту величавую ночь на ледяныхъ берегахъ Шпицбергена, которую я никогда не забуду!—заключилъ докторъ Эрклеръ свой разсказъ. Да еслибъ и хотѣлъ я забыть старца Іоганна, онъ бы мнѣ этого не позволилъ!

Мы, его внимательные, хотя нѣсколько скептическіе, слушатели изумились и снова насторожили вниманіе.

— Какъ же такъ, не позволилъ?.. Чѣмъ?.. Какою силой?

Нѣкоторые изъ насъ уже составили было отдѣльные кружки, разсуждая о странномъ разсказѣ доктора; большинство, разумѣется, отнеслось къ нему скептически. Въ особенности критически къ нему отнеслись двое молодыхъ людей, студентъ изъ Дерпта съ довольно окладистой бородой и совсѣмъ безбородый врачъ, только что сорвавшійся со скамейки. Теперь, услышавъ это послѣднее заявленіе своего ученаго собрата, юный докторъ умолкъ, покосив-

шись на него поверхъ очковъ; за нимъ его собесѣдникъ и почти всѣ уставились на Эрклера.

— Какъ и чѣмъ Іоганнъ не позволилъ вамъ о себѣ забывать?

Почтенный докторъ помолчалъ; потомъ окинулъ всѣхъ такимъ взглядомъ, будто мысленно вопрошалъ насъ: «да полно! говорить ли ужъ вамъ?..» Наконецъ, какъ бы рѣшившись, скороговоркой отрѣзалъ:

— Да тѣмъ, что каждый разъ, какъ мнѣ случалось о немъ разсказывать,—поминать его удивительныя знанія, его загадочныя силы, — непремѣнно случалось что-либо... странное!—совершенно неожиданное и... необъяснимое!

Эти слова породили неловкое молчаніе...

Наконецъ, одна старушка, тетка хозяина дома, спросила:

— Что же именно?.. Что-либо дурное?.. Непріятное?

— Да, да!.. И съ кѣмъ?.. Съ вами, докторъ? вопросилъ высокій, весело глядѣвшій на всѣхъ господинъ,—мѣстный мировой судья.—Или не вы одинъ страдаете отъ дружескихъ напоминаній вашего колдуна изъ подъ сѣвернаго полюса, а и мы всѣ не внѣ опасности?

— Не безпокойтесь!—отвѣчалъ профессоръ, улыбаясь на всѣхъ его окружавшихъ:—опаснаго нѣтъ ничего въ визитныхъ карточкахъ Іоанна... Чаще бываетъ смѣшное...

— Неужели совмѣстно съ достоинствомъ такого мага злоупотреблять своей силой? Подшучивать ею надъ безобидными смертными, какъ какому нибудь проказнику изъ царства гномовъ?—иронически вопросилъ студентъ.

— Это не достойно современника великихъ праотцовъ и патріарховъ!—поддержалъ его юный эскулапъ, сморщивъ подъ очками носъ въ насмѣшливую гримасу.

— Почему же! Да воздается каждому по дѣламъ его и заслугамъ!—сказала тетушка Амалья Францовна.—Иной шутъ гороховый и не стоитъ серьезнаго урока...

— А проучить его необходимо!—докончилъ Эрклеръ, добродушно улыбаясь. Нѣтъ, серьезно,—продолжалъ онъ:—мнѣ приходилось не разъ вспоминать моего знакомца съ Шпицбергена. Въ особенности, нашъ послѣдній разговоръ...

— При свѣтѣ сѣвернаго сіянья?—прервали доктора.

— Нѣтъ, возразилъ онъ:—въ сѣренькую ночь, которая собственно была утромъ... Ровно черезъ три дня, какъ онъ и предсказывалъ, по излѣченьи имъ нашего товарища, Іоганнъ отплылъ со своими моржеловами, пользуясь перемѣной вѣтра, разогнавшаго льдины. Прощаясь, онъ сказалъ мнѣ: «Если я вамъ когда-нибудь понадоблюсь, подумайте обо мнѣ! Пожелайте сильно, всей вашей волей, всѣмъ разумомъ»...

— Разумомъ?!..—насмѣшливо прервалъ юный эскулапъ.

— «Всей силой духа вашего»,—не смущаясь, продолжалъ профессоръ медицины,—«и я постараюсь быть вамъ полезнымъ; если придется, даже, увидѣться съ вами»...

— Представъ среди полымя и смрада, какъ Мефистофель? широко, но не безъ претензіи, улыбаясь, вставилъ бородатый студентъ.

— «Если придется,—съ вами увидѣться!—повторилъ Эрклеръ. —«Но, безъ особой нужды, не призывайте меня»,—говорилъ!

— И что же? Вы призывали?.. Вы его видѣли? — опять перебили доктора тѣ-же неугомонные слушатели.

— Нѣтъ!—сухо отозвался разсказчикъ, не призывалъ, именно, потому, что не было крайней нужды въ его помощи. Но совершенно увѣренъ, что если призову, то увижу.

— Совершенно увѣрены?! Herr Professor, вы нами забавляетесь?

— Извините! Я только разсказываю фактъ: я вѣрю въ необычайныя силы и способности Іоганна, во-первыхъ, потому, что имѣю безуміе считать наши узкія знанія, вашу миніатюрную, близорукую науку весьма несостоятельными вспомогательными средствами къ постиженію всѣхъ дивныхъ, могущественныхъ силъ, сокрытыхъ въ человѣчествѣ и въ окружающей насъ природѣ; а во-вторыхъ, потому, что онъ не разъ давалъ мнѣ, безъ всякаго съ моей стороны призыва, удостовѣренія въ томъ, что не прервалъ со мной духовныхъ сношеній...

Мы переглянулись изумленные, а студентъ и его соумышленникъ весьма неучтиво разсмѣялись.

— Позвольте мнѣ окончить мой разсказъ и я перестану смѣшить васъ и злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ,— серьезно отнесся къ нимъ докторъ Эрклеръ. И продолжалъ, обернувшись къ другимъ слушателямъ:

— Я долженъ еще сознаться вамъ, господа, что я вѣрилъ бы въ необыкновенныя способности старика Іоганна и въ существованіе подобныхъ ему, удивительныхъ субъектовъ,—хотя самъ не встрѣчалъ другихъ такихъ, какъ онъ,—по собственному убѣжденію возможности ихъ бытія... Но, въ этомъ случаѣ, я даже не имѣлъ бы права ему лично не вѣрить, если бы, вообще, и не допускалъ такихъ ненормальныхъ явленій, потому именно, что все сказаное имъ сбылось. Вы знаете К**, нашего уважаемаго профессора химіи, господа? Спросите его: радикально ли онъ излѣченъ отъ астмы. Онъ скажетъ вамъ, что, несмотря на его послѣдующія путешествія къ сѣверу и долгія пребыванія въ областяхъ вѣчныхъ льдовъ, не только припадки удушья его не повторялись, но онъ даже никогда не простужался, сталъ здоровѣе, чѣмъ когда-либо... Потомъ, бѣдный вожакъ моржелововъ, норвежецъ Матиласъ, точно болѣе не видалъ родного крова: онъ, въ числѣ пятнадцати человѣкъ,—изъ пятидесяти-восьми отважныхъ охотниковъ, которымъ мы оказывали гостепріимство въ заливѣ Мусель, — задержанные временно льдами на Сѣромъ Мысѣ погибли на охотѣ за бѣлыми медвѣдями. Возвращаясь весной въ Европу, мы видѣли его могильный камень на пустынномъ берегу... Наконецъ, тѣ знаменательныя слова, которыя дѣдъ Іоганнъ сказалъ мнѣ на прощаніе, предъ изчезновеніемъ ихъ утлой флотиліи между трещинами ледяныхъ скалъ, въ узкихъ проливахъ, образованныхъ временно разошедшимися льдинами, — должны были бы ка-

ждаго убѣдить въ необъяснимомъ могуществѣ его, потому что онъ не разъ выполнялъ ихъ косвенное обѣщаніе...

— А какія же это были слова? спросила старушка Амалія Францовна, жадно уставившись на доктора.

— Вотъ они,—исключительно къ ней обратился профессоръ,—онъ сказалъ: «я, можетъ быть, вамъ буду иногда напоминать о себѣ». Іоганнъ сказалъ это мнѣ, склонившись съ лодки, которую уже отталкивали отъ берега. За нимъ отплыли и остальные... Я стоялъ и глядѣлъ имъ вслѣдъ, пока высокая фигура старика, стоявшаго у руля, кормчимъ передовой ладьи, не скрылась въ сумеркахъ; пока заиндивѣлая серебряная борода его не слилась въ бѣлесоватомъ туманѣ полярной, лунной ночи—я не могъ отъ него глазъ отвести!..

— И больше вы его не видали?

— Не видалъ. Но... иногда...

— Что такое?.. Что—иногда?

— Иногда мнѣ чудилось, что я... чувствую его близость,—его присутствіе!

И докторъ Эрклеръ весьма краснорѣчиво пожимался, неопредѣленно осматриваясь вокругъ...

Тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Въ комнату вбѣжали молодые хозяева дома, необыкновенно оживленно сзывая всѣхъ:

— Что вы сюда забрались! Идите скорѣй! Скорѣе—смотрите какое необыкновенное явленіе на небѣ!.. Говорятъ, что это отраженіе сѣвернаго сіянья... Чудо! Чудо

какъ красиво!.. Все небо въ аломъ заревѣ и въ лучахъ. Пойдемте скорѣй!

Всѣ мы бросились вслѣдъ за убѣжавшей молодежью и дѣйствительно увидали, въ окнахъ дальней комнаты великолѣпный отблескъ полярнаго сіянья. Хозяева распорядились потушить огни въ сѣверной сторонѣ дома, на вышкѣ—фонарикѣ и тѣ, кто не полѣнился туда взойти любовались вдвойнѣ величественнымъ зрѣлищемъ. Нѣсколько слушателей доктора, въ томъ числѣ и я, взошли на верхъ и вновь прослушали цѣлую лекцію его о сѣверныхъ сіяніяхъ. Оканчивая описаніе одного изъ такихъ явленій, видѣнныхъ имъ въ арктическихъ странахъ, онъ, указывая намъ на потухавшій алый свѣтъ, самъ взглянулъ въ окно и, вдругъ вздрогнувъ, умолкъ и припалъ къ стекламъ...

Стоя рядомъ, я невольно подалась къ окошку, слѣдуя по направленію его взгляда, и увидала, среди широкой, пустынной площадки, предъ паркомъ, занесеннымъ глубокимъ снѣгомъ, очень высокаго, плечистаго человѣка. Онъ шелъ отъ дома, словно только что вышелъ изъ него и, не спѣша, направлялся въ среднюю аллею... Дойдя до предѣла площадки, ярко освѣщенной луною, онъ остановился, обернулся лицомъ къ намъ и взглянулъ на окно...

Мы увидали лицо очень благообразное, но совершенно обыкновенное. Черты сѣдого старика, обрамленныя мѣховой шапкой и длинной бѣлой бородою; но я его видала лишь мелькомъ, отвлеченная необыкновеннымъ состояніемъ доктора, который весь дрожалъ и вдругъ, сорвавшись съ мѣста,

бросился внизъ съ лѣстницы въ ту именно минуту, когда одинъ изъ молодыхъ хозяевъ, стоявшій возлѣ насъ, удивленно произнесъ:

— Кто этотъ старикъ? И куда онъ идетъ?.. Паркъ теперь запертъ... Откуда взялся онъ? Я никогда его не видѣлъ!

Немудрено... Вѣроятно, не одинъ нашъ молодой хозяинъ не видалъ его ни прежде, ни послѣ... Старика не нашелъ и выбѣжавшій за нимъ на морозъ, безъ шапки, докторъ Эрклеръ. И кого мы не разспрашивали о немъ, впослѣдствіи, — гостей, хозяевъ и дворню, — никто такого старика не видѣлъ и никто не зналъ его,—кромѣ нашего разсказчика, профессора медицины... Онъ-то зналъ! Да только не пожелалъ ни назвать его, ни сознаться въ томъ, что узналъ стараго знакомца...

Тѣмъ не менѣе для насъ, изъ его внезапной задумчивости было ясно, что если бѣлобородый старикъ, мелькнувшій намъ въ паркѣ, и не былъ самъ Іоганнъ, то за него былъ онъ принятъ профессоромъ.

Однако появленіемъ неизвѣстнаго старца не ограничились неожиданныя событія этого святочнаго вечера. Среди возобновившихся забавъ и оживленія, кто-то вдругъ вспомнилъ отсутствовавшихъ друзей,—юнаго медика и зрѣлаго студента.

Гдѣ они?.. Никто не зналъ. Никто не видѣлъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣ мы двинулись смотрѣть небесное явленіе, отблескъ далекаго полярнаго сіянія. Всѣ думали,

что и они были съ нами... Но нѣтъ! По строгомъ изслѣдованіи оказывалось, что они въ жару разсужденій о разсказѣ Эрклера замедлили въ той дальней комнатѣ и не пошли вмѣстѣ съ нами, а остались, чтобы договориться.

Ихъ бросились искать. Хозяева разослали прислугу по всему дому; потомъ по службамъ, наконецъ—по саду и парку; но нигдѣ ни слѣда медика, ни дерптскаго студента!

Наконецъ, на самомъ дальнемъ южномъ концѣ громаднаго дома послышались откуда-то сверху крики... Жалобные призывы на помощь.

Всѣ гурьбою устремились туда, по корридорамъ, по лѣстницамъ, по крутымъ, витымъ ступенькамъ, на противуположную тому фонарику, откуда мы смотрѣли на сіяніе, необитаемую, еще болѣе высокую вышку, служившую складомъ для всякаго ненужнаго хлама. Изъ за ея запертыхъ на крючокъ узенькихъ дверей неслись отчаянные крики и стукъ; въ нихъ безпощадно колотили до опухоли избитыми кулаками разсвирѣпѣвшіе друзья.

— Сейчасъ! Сейчасъ!.. Слышимъ, идемъ! кричали издали заключеннымъ, старавшіеся столкнуть запоры ихъ тюрьмы — заржавѣвшій въ петлѣ крючокъ, долго не поддававшійся стараніямъ.

И вотъ они оба,—врачъ и студіозусъ предстали наконецъ изъ холодной, пыльной, темной кладовушки, въ самомъ печальномъ видѣ: испачканные, промерзлые, обозленные.

— Какъ вы сюда попали?.. Какъ это могло случиться?.. Кто васъ здѣсь заперъ?.

— Развѣ мы знаемъ?.. Чортъ или какой-то негодяй! сердито закричалъ медикъ.

— Мы вышли вслѣдъ за вами, но въ залѣ намъ сказали, что всѣ пошли наверхъ, объяснилъ студентъ.—Тутъ въ корридорѣ, какой-то человѣкъ, старикъ,—мы приняли его за служителя,—очень учтиво предложилъ насъ проводить и пошелъ сюда со свѣчей въ рукѣ. Мы за нимъ...

— Да! Чортъ его побери! перебилъ медикъ весь трясясь отъ злости. — Мы за нимъ! Онъ, дойдя до двери, учтиво пропустилъ насъ впередъ и бацъ — крючокъ въ петлѣ!..

— А мы—въ темной западнѣ! закончилъ товарищъ.

— О, бѣдные! И просидѣли во тьмѣ и холодѣ три битыхъ часа? Но кто же,—к т о могъ сыграть съ вами такую злую шутку?! негодовали хозяева и гости.

Да! въ томъ-то и была задача: кто это сдѣлалъ?..

Какъ ни разыскивали виноватаго, какъ ни хлопотали узнать его смущенные хозяева,—его не оказалось!

— Еще одинъ странный случай къ вашимъ воспоминаніямъ о старцѣ Іоганнѣ? коварно шепнула Эрклеру старая тетушка. Еще одна его «визитная карточка?..»

Но тотъ только весело глянулъ на нее, сдерживая улыбку, но ничего не отвѣчалъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

